

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2010
№ 1

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Ответственный секретарь
Наталья Холмогорова

Исполнительный директор
Владимир Тор

Редакционный совет

А.Ю. Ашкеров, К.С. Бенедиктов, О.Б. Неменский, М.В. Ремизов,
П.В. Святенков, А.Н. Севастьянов, С.Н. Семанов, В.Д. Соловей,
И.Р. Шафаревич

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37.

Телефоны:

651-84-29

8-964-551-49-52 (К. Крылов)

8-916-950-61-43 (С. Сергеев)

СОДЕРЖАНИЕ

Константин Крылов	
Национализм как предмет исследования	3
Михаил Ремизов	
Нация: конструкт или реальность?.....	6
Павел Святенков	
К вопросу о нации	12
Тема номера. СОЦИАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ	
Александр Севастьянов	
Диалектика социального и национального. К постановке вопроса	17
Сергей Сергеев	
Дворянство как идеолог и могильщик русского нациостроительства.....	26
Олег Неменский	
Национализм городской и сельский	49
Татьяна Соловей, Валерий Соловей	
Русские как этнокласс	57
ДИСКУССИЯ	
Размышления над книгой	65
ПУБЛИКАЦИИ	
Валерий Сумин	
Документы национального единения. К истории современного русского движения.....	90
ИНТЕРВЬЮ	
Игорь Шафаревич: «Я всю жизнь думал о судьбе русского народа...».....	109
ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ	
Дмитрий Крылов	
Азбука этнопсихологии	118
ЮБИЛЕИ	
Предтеча и пророк русского национализма. К 150-летию Михаила Осиповича Меньшикова(05.10.1859–20.09.1918)	129
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
.....	132
АВТОРЫ НОМЕРА	
.....	136

Константин Крылов

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

(Заметки к выходу первого номера журнала «Вопросы национализма»)

1

Парадокс и трагедия исследования идеологием состоит в том, что это попытка изучения именно того, от чего учёный в процессе исследования должен отказываться. Позиция *незаинтересованного наблюдателя* — открытая ещё греками и сформулированная со всей возможной определённостью в бэконовском «Новом Органоне» — предполагает элиминацию *ira et studio* и сокрушения всех *idola*, охраняющих истинные тайны Природы. Каковы суть *idola tribus* («идолы рода», врождённые пороки человеческой сущности), *idola specus* («идолы пещеры», личные несовершенства), *idola fori* («идолы площади», ошибки языка) и *idola theatri* (мнения толпы, социальные предрассудки и устаревшие представления о мире). То есть — всё то, что движет нашими страстями и предопределяет интересы. Поэтому, рассматривая зарождение общественных идей и течений в бэконской оптике, мы не увидим в идеологемах ничего другого, кроме *восстания идолов* — тех самых идолов, на которых истинный учёный обязан перед началом изыскания «дунуть и плюнуть».

Беда в том, что в данном случае он, в большинстве случаев, не способен сделать именно этого — как по внутренним, так и по внешним причинам. Даже если исследователь отрешится от собственной ангажированности, его достанет ангажированность общества, в котором он, как-никак, живёт, и от которого не свободен.

Эти напряжённые отношения между исследованием идеологии и самой идеологией достигают максимума напряжённости в точке, где субъект идеологии пытается *понять себя* и критически проанализировать свои убеждения и их основания.

Пределы таких попыток хорошо известны на практике. Прежде всего, это ситуации, когда сколько-нибудь честный взгляд разрушает дорогие сердцу убеждения, что приводит либо к *фанатизму*, то есть к отказу от продолжения исследования во имя сохранения его предмета («горе тебе, гордый и грешный разум!») — либо к *цинизму*, то есть к эмансипации субъекта от собственных ценностей, с последующим превращении их в инструменты манипуляции, шантажа и торговли («людишки легко разводятся вот на такие слова, уж я-то знаю»).

Интереснее то, что существует за пределами цинизма и фанатизма, то есть разнообразные интеллектуальные практики, встраивающие критический взгляд *внутрь* идеологической системы.

Практика показывает, что только та идеология оказывается достаточно успешной, которая доказала свою способность функционировать в достаточно жёстких условиях, не вырождаясь при этом ни в иррациональный эзотерический культ, эксплуатирующий дорефлексивное ощущение «причастности истине», ни в трескучую пропагандистскую демагогию. По крайней

мере, не вырождаясь *полностью* — этого обычно достаточно.

2

Итак, изыскания в сфере идеологии затруднительны. Но национализм — особенно трудная тема, окружённая тройным слоем препятствий.

Во-первых, в отличие от большинства «больших идеологий» - социалистической, либеральной, консервативной и так далее — национализм, при всей его распространённости, не является универсальной системой суждений. Более того, эта неуниверсальность — его неустранимое свойство, вытекающее как раз из его общих постулатов. То, что для либеральной или консервативной идеологией является всего лишь «спецификой», «свойствами материала» (которые нужно учитывать в практической деятельности, но которые не влияют на теорию), для националиста является *сутью его дела*. Именно то, что позволяет называть известную сторону мировоззрения двух народов одинаковым слово «национализм», их, как правило, более всего и разделяет. Национализм каждого народа всякий раз — и не всегда единократно! - создаётся в каком-то смысле заново. Это обстоятельство лишает исследователя многих инструментов, главным из которых является механический перенос результатов исследований одних объектов на другие. Гораздо легче рассуждать о том, что такое либерализация экономики, чем о том, что такое национальное возрождение или национальное унижение. В первом случае у нас, по крайней мере, есть система внешних критериев, по которым мы можем судить, имела место либерализация или нет. Во втором такие критерии приходится искать где-то внутри «материала» - со всеми вытекающими отсюда проблемами.

То же касается и самих объектов исследования, то есть наций и составляющих их этносов, племён и народов. Даже простейшая задача, легко решаемая относительно других социальных

образований — а именно, определение признаков, по каким именно критериям один народ отличается от другого *in re* — не решается в общем виде, поскольку критерии, значимые в одном случае, совершенно не значимы в другом. Народы различаются друг от друга тем, что сами считают важным различием (последнее составляет часть их национального самосознания) — и это проклятое «сами считают» ставит в тупик честного классификатора, попадающего со своим опросным листом прямо в борхесовскую *китайскую энциклопедию*.

Теперь, наконец, о самом предмете, взятым «в себе». В отличие от других групповых идеологий, обращающихся со своей проповедью к классам, стратам, группам интересов, и иным чисто социальным образованиям, чьё бытие и положение детерминировано социумом как целым, нация — это общность, которая сама способна быть целым. Один народ не нуждается в другом народе так, как один класс нуждается в другом, он может существовать *без них* — хотя может, разумеется, и впасть в ту или иную зависимость. Но в принципе отношения наций — это не отношения частей целого, это отношения целого к целому, «вселенной и вселенной», соприкосновение которых *неизбежно* (по факту сосуществования на одной планете), но не *необходимо*. Более того, всякий национализм, даже самый жалкий, чьи цели не простираются дальше чистого выживания, порождается этим ощущением собственной потенциальной самодостаточности, *единственности для себя*: мысль и чувство, в иных ситуациях невозможные. Национализм есть учение, оформляющее и направляющее это движение нации к самодовлению, *делоучение целого*. И это представляет собой отдельную трудность — поскольку для чистого исследователя «понять» - означает, прежде всего, «понять соположение частей», отношение же целого к целому неизбежно выводит нас за рамки парадигмы.

3

До сих пор мы говорили о чисто интеллектуальных трудностях. Но есть ещё и внешние обстоятельства, в отечестве нашем обычно именуемые свинцовыми мерзостями.

Так, в настоящее время сколько-нибудь непредвзятое исследование национализма в России, особенно русского национализма, наталкивается на густопсовую полицейщину, которая царит не только в области правоохранительных компетенций, но и, скажем, в «интеллектуальном сообществе». Увы, при поднятии *известного вопроста* интеллигенция забывает про любую фронду и по-гершензоновски взывает к штыкам и тюрьмам, лишь бы «не допустить никакого русского народа» даже как темы разговора. Почти единственная форма интеллектуальной активности на этом направлении, дозволяемая и поощряемая данным сообществом — это сбор компромата и подготовка материалов для всё тех же полицейских «мер».

Что касается самих этих мер — то есть отношения российского (точнее, *россиянского*) государства к русским вообще и к активистам русского движения в частности, то оно слишком известно. Достаточно просто напомнить про 280-ю и особенно 282-ю статью УК РФ, посвящённые «экстремизму» и «разжиганию розни». Последняя в юридическом обиходе обычно именуется *русской статьёй*.

4

И, наконец, о настоящем издании как таковом.

Это печатный орган русских националистов, предназначенный для теоретической работы.

Сказанное не означает, что его страницы открыты только для тех, кто разделяет наши взгляды. Нет, мы намерены публиковать и обсуждать всё то, что представляет, по нашему мнению, интерес.

Далее, журнал — место для дискуссий, прежде всего внутренних, то есть между националистами разных тече-

ний. К дискуссиям приглашаются также традиционные оппоненты, настроенные на честную полемику — сколь угодно жёсткую, но честную. Тем не менее, основной упор будет делаться именно на обсуждение внутренних проблем и прояснение позиций по спорным вопросам в нашей среде.

Журнал также планирует публиковать материалы, посвящённые российским и особенно зарубежным национальным движениям. По причинам, изложенным выше, мы не рассматриваем национализм других народов ни как образец для подражания, ни как нечто абсолютно чуждое и непонятное. Однако мы считаем чужой взгляд и чужой опыт, по меньшей мере, *поучительным* — и постараемся извлечь из него доступную пользу.

Еще одна наша важнейшая тема — история русского движения в целом, включая достаточно далёкое прошлое. Увы, история русского дела в России почти неизвестна даже активным его участникам. Мы постараемся в меру наших возможностей исправить это упущение.

Кроме того, журнал предполагает освещать события интеллектуальной и общественной жизни, связанной с русским движением. Будет уделено внимание и библиографической работе, в особенности — обзорам новых книг и публикаций по нашей тематике.

And last, хотя, увы, и not least. Мы намерены строго соблюдать закон, а если потребуется, и утверждать его. У нас нет и не будет публикаций, нарушающих упоминавшиеся выше статьи УК РФ, мы также не допустим попыток инкриминировать нам подобные нарушения. Вольные же искатели *политических непристойностей* будут разочарованы примерно в той же мере, в которой может быть разочарован ревнитель общественной нравственности, ненароком заглянувший в анатомический атлас.

Благорасположенным же читателям я желаю приятного и интересного чтения.

МИХАИЛ РЕМИЗОВ

НАЦИЯ: КОНСТРУКТ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

ПРОЛЕГОМЭНЫ К КРИТИКЕ КОНСТРУКТИВИЗМА В НАУКЕ О НАЦИИ

Редкий националист не сталкивался с утверждением о том, что его нации не существует. Это утверждение не стоит относить на счет исключительно местной — например, русской — специфики. Оно в высшей степени типично и характеризует восприятие национализма как такового. Национализм слышит фальсификатором и фантазером, который помнит то, чего не было, и забывает то, что было. Эту причудливую избирательность — впрочем, неизбежную для человеческой памяти, что личной, что исторической — отчасти признают и сами националисты. Нация есть сложный баланс между коллективным опытом воспоминания и коллективным опытом забвения, — говорил Эрнест Ренан. Вероятно, именно поэтому среди историков преобладает убеждение, что их исследование наций и национализмов не может не быть критическим. Даже те из них, кто не тщится атаковать сложившиеся «воспоминания», считают своим долгом патетически предьявлять забытое, кропотливо растревоживая все то, что полагалось единым.

Понятно, что сложные отношения между национальным сознанием и исторической наукой — частный случай отношений между «историей» и «жизнью», в том смысле, в каком говорил о них великий современник Ренана по другую сторону Рейна. Из более свежих источников стоит упомянуть англичанина Энтони Смита и его

статью «Национализм и историки». В самом ее названии обозначен подспудный антагонизм, который по ходу изложения осторожно выводится автором на свет. Смит ставит целью воссоздать некоторые исследовательские стереотипы, применяемые к национализму, и фокусируется по преимуществу на тех из них, что присущи адептам «конструктивистского» подхода, ибо, как известно, таковых среди его коллег большинство.

Конструктивизм стал большой модой и в российском исследовательском сообществе, где он считается элементом хорошего академического и политического тона. Помню, как в статье от 93-го года Валерий Тишков знакомил неискушенного постсоветского читателя с тенденциями передового обществоведения, повествуя о двух подходах к интерпретации этнических феноменов: «Для примордиалистов существуют и как бы совершают свой независимый от субъективного восприятия путь некие объективные общности с присущими им чертами в виде территории, языка, осознаваемого членства и даже общего психического склада». Такой подход бытовал главным образом в советской традиции и, как нетрудно догадаться, должен быть преодолен критической тенденцией конструктивизма, который рассматривает этническое чувство, не говоря уж о формулируемых в его контексте мифах и доктринах, как «интеллекту-

альный конструкт, как результат целенаправленных усилий верхушечного слоя».

Трудно не отметить, что с точки зрения методологии социального знания сама альтернатива выглядит несколько наносной и чем-то напоминающей псевдодилеммы «материализма» и «идеализма». По меньшей мере, для феноменологически выверенного взгляда никакого противоречия между (интер)субъективным полем значений и объективной вещностью социальных институтов не существует, на чем настаивают Бергер и Лукман во введении к «Социальному конструированию реальности»: *«Именно двойственный характер общества в терминах объективной фактичности и субъективных значений придает ей характер “реальности sui generis”... И значит, главный для социологической теории вопрос может быть поставлен так: каким образом субъективные значения становятся объективной фактичностью?»*

Социология освобождения

Впрочем, было бы наивно считать, будто феноменология столь простым движением снимает антагонизм, ведь ясно, что совсем не в методологии социального знания укоренена энергия конструктивистской критики. Методология вообще не повод для пафоса, но даже при беглом чтении конструктивистской литературы пафос будет обнаружен в достаточной мере. Вероятно, саму эту литературу, что, собственно, и имеет в виду Смит в своей статье об «историках», следовало бы рассмотреть как особого рода социальный факт, факт сознания определенных сообществ, богатый политическими и культурными предпосылками.

Первое, что может быть обнаружено при таком взгляде, — это, конечно, отчетливо механистический стиль мышления конструктивистов, коль скоро они и впрямь склонны рассматривать национальные и подчас даже этнические образования как «результат

целенаправленных усилий» со стороны заинтересованных элит — в лице по преимуществу романтически настроенных интеллектуалов, цинически настроенных политических дельцов, маниакально настроенных маленьких фюреров. Если это инструменталистское воззрение и не лишено известного обаяния и наглядности, то, очевидно, лишь благодаря сегодняшней атмосфере отчуждения и аномии. В эпохи упадка самомнение «коррупцированных» элит бывает особенно высоким, и соблазн десубстанционализировать общество, сводя его к схематике манипулятивных игр, оказывается особенно велик.

Конструктивизм, сколь бы ни отталкивающим было подобное сопоставление, принадлежит в этом смысле той же выражающей дух времени тенденции, что и «гендерные исследования», стратегия которых общеизвестна: «обнаруживая», что пол является социологическим артефактом (результатом «внедренных» моделей восприятия), они незамедлительно обрастают эмансипаторским пафосом и поступают на вооружение активистов «лиги сексуальных реформ». Как на примере этнополитического конструктивизма, так и на примере гендерных исследований мы можем наблюдать действие своего рода «социологии освобождения», «раскрепощающей» индивида посредством критики тех онтологических представлений, в которые он с рождения вовлечен.

К их числу относятся представления о национальности, о поле, о родстве, и все они объединены обращенным к человеку внутренним принципом: ты сначала *принадлежишь* и лишь потом *выбираешь*. Собранные в своем жестком ядре из подобных представлений, человеческие сообщества являются великими агрегатами «крепостного права». И, без сомнения, таковыми пребудут, несмотря на все усилия эмансипаторов.

Санитары этногенеза

Однако нельзя не признать, что некоторые деформации вследствие прикладываемых усилий все же возможны, тем более что собственно политические амбиции конструктивизма не составляют секрета. Критические историки «наций и национализма», как правило, полны благонамеренной решимости содействовать прогрессу этнонациональных нравов, понимаемому в духе смягчения оных.

Тот же Валерий Тишков, со ссылкой на одного из зарубежных коллег, пишет: «...понимание того, что этничность есть социальная конструкция, дает больше возможности через такое же сконструированное символическое действие посредничать в политических и социокультурных взаимодействиях между и внутри этнических групп». Лозунг, как видим, гласит: мы конструктивисты — так давайте же конструировать во благо! Или, в административном поле: так давайте же нам конструировать во благо!

Вот, казалось бы, конек критических историков этничности, однако, увы, именно его они не в силах объездить. За все последние годы дело «конструирования» искомой, то есть «безопасной» конфигурации этнонациональных идентичностей так и не пошло дальше разговоров о вреде ксенофобии. Просветительная проповедь этнического безразличия («терпимости») способна лишь усугубить апатию там, где она уже имеет место, но никак не охладить «национальные воображения» там, где они действительно разогреты и где границы «своего» и «чужого» обладают мощью жизненной очевидности.

Подобно тому, как «восстанием» историк назовет неудавшуюся революцию, конструктивист своей критикой «фиктивных идентичностей» уязвит лишь *неудавшуюся нацию*. Конструктивистская критика, сколь бы серьезной она ни была, настаивает на попытке этнонациональной символической мобилизации лишь в той мере, в какой

они оказываются безуспешными и беспочвенными. То есть постольку, поскольку они не подкреплены настоящей творческой мощью коллективного воображения, и именно оттого субъективны, натянуты, манипулятивны, волюнтаристичны.

В этом смысле конструктивисты даже могут быть полезны. Полезны как избирательные «деконструктивисты». Они санитары этногенеза, помогающие «природе» отсеивать анемичные промежуточные формы. За примерами далеко ходить не будем. Можно вспомнить об активистах «Ингерманландии» или «казачьей идеи» (в ее этносепаратистском изводе) или о любых других энтузиастах альтернативной этноистории, которые сродни, если воспользоваться образом Ницше, наихудшему типу мужчин: как магнит, тянут, но вести за собой не могут.

«Изобретение» или «пробуждение»?

Иными словами, конструктивизм куда более адекватен там, где национализм дает сбой, а не там, где он действительно работает. Это бессилие перед лицом того, что, казалось бы, должно быть наиболее интересно науке, — перед лицом формул исторического успеха национализма вызвано тем, что перед нами не просто наука, но идеология, то есть наука, оснащенная ложной претензией «преодолеть» свой предмет.

«...Хобсбаум и Рейнджер совершенно правы, говоря об изобретенном характере многих национальных традиций, — отмечает по этому поводу здравомыслящий Крейг Калхун. — Большие сомнения вызывает идея о том, что раскрытие изобретения делает традиции несостоятельными». Это касается не только отдельных традиций, но и самого их носителя — собственно нации, «рукотворный» характер которой не может служить аргументом против ее подлинности.

Известный слоган «конструктивизма» — тезис Геллнера о том, что *национализм создает нации, а не нао-*

борот, — еще не несет в себе ничего разоблачительного. Напротив, он вполне может быть истолкован в духе националистической теории. Определив нацию как приведенный к «историческому бодрствованию» народ, мы будем вправе утверждать, что именно акт действительного самосознания, каковым претендует быть национализм, и создает собственно нацию (то есть превращает *нацию-в-себе* в *нацию-для-себя*).

Вообще, национализм как таковой необходимо включает в себя конструктивистский посыл. Он «знает» о том, сколь многое он привносит в действительность «народной жизни». Сколь многое *нужно* в нее привнести. Это знание неотъемлемо от его *заботы*. Поэтому его не удивит утверждением о том, что «создает» нации именно он.

Однако у Геллнера есть более жесткая редакция тезиса, которая прямо исключает возможность такого прочтения. *«Национализм не есть пробуждение наций к самосознанию: он изобретает нации там, где их не существует»*, — постулировав это, историк впадает в мифологию более дурную, чем та, против которой он восстает. Ведь фиксировать «отсутствие», вообще говоря, методологически сложнее, чем фиксировать «присутствие».

Действительно, никакого внятного комплекса национальной идентификации в среде тех, кто в следующий исторический миг возопит о своем единстве, может в принципе не наблюдаться. Это с легкостью признает и националистическая теория. Но нельзя отрицать (и Геллнер не отрицает), что «первый националист» (если согласиться вообразить такую фигуру) находит *уже существующим* определенный набор дифференцирующих признаков, на основе которых будет создана его перерастающая в политическое требование стилизация. Больше того, он находит *уже очерченным* (то есть достаточно «очевидным») круг тех, к кому он обратится со своим политическим требованием «единства»,

«самоуправления», «индивидуальной ответственности за общую судьбу» и т.д. Он находит, одним словом, определенную реальность, достаточно богатую для того, чтобы при благоприятном случае «ожить»: но следует ли считать ее готовым народом (бессознательной формой жизни, «нацией-в-себе») или же «строительным материалом», наподобие полена папы Карло? Будет ли «пришествие национализма» моментом «пробуждения» или «изобретения»?

Это лежит вне компетенции ученого.

Это вопрос не *истины*, а *стиля* — того самого, о котором говорит Бенедикт Андерсон в «Воображаемых сообществах»: *«На самом деле, все сообщества крупнее первобытных деревень... — воображаемые. Сообщества следует различать не по их ложности/подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются»*. Эти слова сказаны в контексте полемики с Геллнером, но есть ощущение, что и сам Андерсон не вполне раскрывает их эпистемологический потенциал и не вполне соответствует ему.

Да, мы должны вести ориентировку по стилям, в которых работают агрегаты коллективного воображения, и это значит, в частности, что мы должны принимать сообщества такими, каковы они есть — то есть истолковывать их в строгом соответствии с теми формами «явленности», посредством которых они себя воспроизводят. Что касается наций, они не могут «воображать» (воспроизводить) себя иначе, чем (пред)полагая себя в качестве реальных; постулируя предшествующую выбору *принадлежность*, предшествующую сознанию *субстанциальность*; предпочитая виталистические метафоры («пробуждение») механистическим («изобретение») при описании моментов собственной активизации.

Ничего не поделаешь, таков специфический стиль «национального проектирования». Таковы законы этого жанра.

На долю методологов остается лишь один вопрос: если нация — «воображаемое сообщество», то может ли ученый *мыслить* нацию иначе, чем *воображая* ее заодно со всеми? Я полагаю, что ответ может быть только отрицательным.

Наука и жизнь

Но в таком случае исследование нации как таковой оказывается возможным лишь в системе координат «методологического национализма» (если понимать под последним первичное, заложенное в донаучном опыте, членение мира в национальных категориях). И «личное мнение» ученого, каковым бы оно ни было, мало что меняет в этом факте.

Подчас, пусть и косвенно, это признают некоторые конструктивистски настроенные исследователи. Так, Владимир Малахов пишет о том, что «историцизм в исследовании национализма имплицитно националистичен» и приводит в качестве примера националистической историографии исследование Отто Данна «Нации и национализм в Германии», вся «националистичность» которого состоит в том, что его автор, максимально дистанцируясь от национализма как идеологии, тем не менее говорит о нации как исторически становящейся реальности.

Собственно, считать свой предмет реальным вполне естественно для ученого, даже в том случае (а быть может, особенно в том случае), если он видит свою миссию в его «разоблачении». В конце концов, обыденное знание (в которое «вшито» представление о естественности национальных различий) является фоном и внутренним условием социально-научного.

Но связь между национальным сознанием и исторической наукой несколько глубже. История, как учат нас теоретики «наук о духе», пишется лишь тогда, когда мы способны отличать существенное от несущественного. «Из необозримой массы индивидуальных,

то есть разнородных, объектов, — пишет Генрих Риккерт, — историк останавливает свое внимание... только на тех, которые в своем индивидуальном своеобразии или сами воплощают в себе культурные ценности или стоят к ним в некотором отношении». Иными словами, без ответа на вопрос «что значимо?» история как наука немислима, но этот ответ не может быть дан изнутри самой науки.

И если речь идет об историческом «нациеведении», то оно, волею неволей, получает этот ответ изнутри национального сознания в его донаучной форме. В конце концов, что еще могло бы служить вместилищем риккертовских «культурных ценностей»?

Впрочем, на мой взгляд, точнее и честнее говорить здесь не о тех ценностях, что по-кантиански отделены от действительности, а о тех ценностях, которые погружены в самую ее сердцевину. То есть — о мифах в широком понимании. И сколь бы ни стремилась наука диссоциировать мифы, они и в ней самой продолжают существовать в превращенной форме. С этой точки зрения концепцию «воображаемых сообществ», претендующую обнажить анатомию национального мифа, можно оценить в точности так же, как Леви-Стросс оценил фрейдовскую «анатомию» мифа об Эдипе: «вот еще один из возможных *пересказов* этого мифа».

Тот факт, что исследователь самим актом мышления соучаствует в социальном конструировании тех реальностей, с которыми он имеет дело, должен быть по достоинству оценен.

По мере своего обнаружения, этот факт последовательно уничтожает демаркационную черту между социальной феноменологией и социальной онтологией. Своеобразный круг «самопреодоления» феноменологического подхода к обществу уже давно не составляет секрета. Социальная феноменология, как и любая другая, начинает с заключения реальности в кавычки, с требования фиксировать действитель-

ность не иначе, чем в качестве набора данностей «жизненного мира». Но довольно скоро становится ясно, что сам опыт «жизненного мира» немислим без т.н. «естественной установки», то есть без склонности «овеществлять» этот опыт; что сама структура «данности» содержит в себе слой «некритических» допущений о структуре «действительности» — устранить которые можно лишь ценой разрушения социальных «феноменов». Поскольку без них «феноменология» сомнительна, ей не остается ничего иного, кроме как «раскавычивать» реальность обратно и выстраивать себя как онтологию.

Не значит ли это, что всякому вольно сразу начать с «онтологии»? Вряд ли. Во-первых, потому что в этом случае «онтолог» станет легкой добычей «гносеолога» (как «наивный» националист становится легкой добычей конструктивиста). Во-вторых, потому что этот «круг» никогда не может быть пройден раз и навсегда. В каждом конкретном случае он должен быть воспроизведен заново, и пусть наблюдатель считает свой труд увенчанным всякий раз, когда с чистой совестью возвращает себе назад ту реальность, которую накануне отпустил от себя. Пусть, согласно известному выражению, он ощутит себя ее пастухом.

О чем следует молчать?

Говоря о формах национального воображения, Андерсон фиксирует лежащую на поверхности, но не оцененную в должной мере деталь: *«У современной культуры национализма нет более захватывающих символов, чем монументы и могилы Неизвестного солдата... Чтобы почувствовать всю силу этой современности, достаточно представить реакцию окружающих на такого любознательного эрудита, который бы "раскрыл" имя Неизвестного солдата или стал настойчиво требовать, чтобы в могилу положили настоящие кости»*.

В образе «любопытного эруди-

та» без труда различимы все те, кто, подобно Хобсбауму, «зандует»: *«национализм требует слишком большой веры в то, что явно обстоит совсем не так»*.

В этом отношении могила Неизвестного солдата представляет собой не только культурный символ современной нации, но ее удивительно точную эпистемологическую метафору, наглядный ответ скептикам, которые спрашивают о подлинности образующих нацию признаков или воспоминаний. Присущая нации действительность зависит не от того, лежат ли в могиле «настоящие кости», а от того, горит ли здесь Вечный огонь, стоит ли на посту часовой.

Национализм, как и любая другая идеология (или «культурная система» — в терминах Андерсона), стремится к такой разметке пространства, в которой *даже молчание будет значимым*, как значимо молчание почетного караула.

И в приводимом Андерсоном примере ему это удастся. В самом деле, если в структуре этого мифа мы обнаруживаем фигуру умолчания, если возвышенный смысл вдруг оказывается пристегнут к неизвестности, к переменной «X», то подобное возможно лишь оттого, что всякая переменная должна быть задана на некоем множестве. Пафос по поводу Неизвестного солдата — это пафос по поводу безотчетного консенсуса о множестве, на котором задана переменная. (К примеру, о неизвестном солдате, лежащем у Кремлевской стены, известно по меньшей мере, что он не является солдатом союзнических войск.) Пафос по поводу того, что каждый «из нас» уже лежит на его месте. По поводу того, что не нуждается в пояснениях.

Национализм вообще наиболее силен там, где освоено искусство совместного молчания о главном. Суть дела выразил, как обычно, фронтовик Юнгер: *«В неизвестных солдатах недостатка нет. Важнее та неизвестная страна, о существовании которой не нужно договариваться»*.

ПАВЕЛ СВЯТЕНКОВ

К вопросу о нации

Проблема нации — пожалуй, центральная для европейской социальной мысли последних десятилетий.

С середины 50-х годов прошлого века начался расцвет национализма, продолжающийся по сей день. Мир начала XX века — это поле битвы для борющихся колониальных держав, которым принадлежала тогда практически вся планета. Перед Второй мировой войной, в период расцвета колониализма, Африка (за исключением Эфиопии) была поделена между Британией, Францией и рядом других колонизаторов. Страны Латинской Америки настолько сильно зависели от США, что вряд ли у кого повернулся бы язык назвать их суверенными в полном смысле слова. Австралия и Канада были британскими доминионами, а Индия — колонией Его Величества. Слабый и растаскиваемый на куски «милитаристами» Китай был полуколонией Японии. Лишь в Европе существовали независимые государства да СССР на ее окраине вносил смуту в устоявшийся общемировой колониальный порядок.

Но в период с конца 40-х годов до начала 60-х в мире свершилась антиколониальная революция. Практически повсеместно победили националистические движения и возникли новые государства и нации. Процесс захватил всю планету. На сегодняшний день зависимые от бывших колониальных держав территории существуют, но они не велики. В мире восторжествовал национализм. В чем же секрет его успеха?

Для этого надо понять, чем же привлекательна сама национальная идея. Зачем нужна нация? Над этим вопросом уже много десятилетий бьются

нетривиальные умы. Но решения пока нет.

Обычно принято считать, что нация связана с единством на почве культуры, языка или религии. Однако это не так. Можно привести множество примеров существования наций, участники которых говорят на разных языках (Швейцария), исповедуют разные религии (Германия, США). Или же, напротив, люди, принадлежащие к одной культуре, живут в разных государствах и образуют разные нации (США, Великобритания).

Аналогичным образом не выдерживает критики и версия, что нация создается буржуазией для отвлечения трудящихся от классовой борьбы. Дескать, капиталисты подкупают собственных рабочих за счет трудящихся колоний. Это представление о нациях было бы верным, если бы они существовали только в зажиточных колониальных державах, таких как Британия. Но в XX веке нации распространились повсеместно, возникнув в таких странах, которые не назовешь богатыми.

Например, нация была создана в Индии — поверх этнических (в Индии десятки народов), языковых (жители говорят на множестве языков), кастовых, религиозных (главное меньшинство — мусульмане, их 200 миллионов, что делает Индию крупнейшей исламской страной в мире) и прочих барьеров. При этом, вопреки плану англичан, планировавших разделить Индию на государство индусов — Бхарат и государство мусульман — Пакистан, Индия — светская страна.

Другая теория национализма утверждает, что нацию создают, точнее, выдумывают, этнические предпри-

ниматели — националисты. Дескать, нация основана на фантазиях деятелей национального движения, которые просто хотят таким путем заработать немного денег. Эта идея была бы хороша, если бы не существовали иные, значительно более безопасные способы заработать, чем национализм. Зачем подвергаться опасностям, воевать с правительственными войсками, сидеть в тюрьме, если можно просто-напросто играть на бирже? Вы скажете: для игры на бирже следует предпринять усилия, заработать капитал. Да, конечно, но разве для войны с колониальным правительством не требуется того же, но в десятикратном размере, причем с большей опасностью для себя? Ведь нет никакой гарантии, что сегодняшней борец за свободу завтра воссядет в кресло президента или премьера. С той же вероятностью его может настичь пуля убийцы (как она настигла Ганди).

Существует точка зрения, что нация создается «социальными машинами». Грубо говоря, человек с самого раннего возраста попадает в государственный детский сад, затем в школу, армию. И они, подобно тому, как рабочие на конвейере собирают автомобиль, формируют его идентичность. Эта точка зрения весьма остроумна. Но ошибочна, ибо предполагает изначальное, еще до существования нации, наличие государства. Между тем многие национальные государства, созданные в последние десятилетия, имели своими предшественниками враждебные им колониальные империи.

Представим чеха времен поздней Австро-Венгрии Франца-Иосифа, эдакого «Швейка». Что говорили ему в школе (с сильным немецким уклоном)? Что проповедовали ему в армии? Уж понятно, что не принадлежность к единой чешской нации. Ему говорили, что надо чтить династию и монарха. Иначе говоря, «социальные машины» государства исторически часто действуют против нации. Тем не менее нация возникает — и тогда «социальные маши-

ны» перенастраиваются для ее нужд.

Короче говоря, нация — предмет загадочный. Тем не менее — определимый. Я представлю свой собственный вариант ответа. Для того чтобы понять, что такое нация, мы должны обратиться к ее генезису. Как возникает нация? Она всегда конституируется вокруг акта отрицания власти — царя ли, тирана или просто колониальной державы.

Например, началом Американской революции считается знаменитое «Бостонское чаепитие» — акция, в результате которой американцы выбросили в море 45 тонн поступившего из Англии чая. Почему это было сделано? Потому что Вестминстерский парламент принял закон, согласно которому в североамериканские колонии был разрешен беспошлинный ввоз чая, что подорвало их экономику.

Какой смысл «Бостонского чаепития»? Отрицание права британского парламента эксплуатировать население колоний. Иначе говоря, в основании этой акции лежала «свобода от», в данном случае свобода от гнета британского парламента.

Для уточнения приведем еще один пример. Знаменитый афинский реформатор Солон, по праву считающийся отцом великого античного города, отменил рабство для афинян. Это и превратило их в единую нацию. Почему? Потому что квалифицирующим признаком афинянина стало отрицание рабства, свобода от него. Солон приказал даже выкупить тех, кто стал рабом до введения в силу его законов. Их выкупали даже из-за границы.

Словом, нация возникает в результате коллективного акта отрицания внешнего эксплуатации. В результате этого акта у каждого человека, принявшего в нем участие, появляется «свобода от» — свобода от того вида эксплуатации, который они совместно отрицали. Следствием этого является возникновение у человека прав. Ибо что есть право, как не позитивно из-

ложенное отрицание гнета? Например, если мы записываем в Конституции «человек по природе свободен», то это означает, что мы отменяем рабство с помощью утверждения права на свободу.

Возникновение же прав почти мгновенно (в исторических масштабах) ведет к установлению демократии. Почему так? Потому что если у людей появляются права, то значит, появляется и равенство — они становятся равными относительно имеющихся прав. Больше того, права становятся той границей, по которой проходит различие своих и чужих. Свои — это те, кто обладают строго определенным набором прав, возникших в строго определенный момент времени, это и есть нация. Чужие — те, кто именно этим, конкретным набором прав не обладает.

Например, право быть свободным (не быть рабом). Им в рамках нации может обладать богатый купец и бедный ремесленник. Аналогичным образом акт отрицания не обязательно уничтожает знать — в рамках нации могут уживаться и аристократ, и простолудин. Но они будут представлять в социальном смысле единое целое.

Но что непременно возникнет в рамках нации — это спор о правах. Почему? Потому что люди, равные хотя бы по одному какому-либо признаку, уже могут спорить друг с другом. Ибо у них появляется общая польза и общая задача — охрана права, которое они завоевали. Значит, они должны где-то добыть ресурсы для того, чтобы его защищать. Значит, уже возможны — народное ополчение, общегосударственная казна, само понятие «Отечества» и как завершение процесса — демократические выборы.

Завоеванное право не может быть защищено, если на его защиту нет ресурсов. Например, отказ от рабства для жителей Афин был прекрасным шагом. Но был ли он обоснован экономически, если учесть, что в антич-

ные времена хозяйственная система держалась в основном на рабовладении? Нет. Так как же поступили афиняне? Правильно, превратили свое государство в крупнейшего греческого колонизатора и торговца. Благодаря обширной торговле и колониям афиняне стали во главе империи, которая имела возможность контролировать товарные потоки и держать в повиновении рабов-неафинян. Так была решена проблема — рабами стали другие люди, не жители великого города.

По схожему пути пошли основавшие примитивную нацию спартанцы. Они создали институт государственных рабов — илотов. Те принадлежали государству в целом и обрабатывали принадлежавшие спартиатам земельные участки. Спартиаты же посвящали свою жизнь только военному искусству и не работали, тем самым составляя господствующий класс государства-города. Как видим, нация в античные времена была явлением не очень-то приятным — свобода одних достигалась за счет рабства других.

Поэтому понятно, что в античные времена и Средневековье нации были распространены мало. Ибо свобода — это хорошо. Но для ее реализации необходима развитая экономика. А ее-то как раз и не было. Историки говорят, что состоявшая из шляхтичей нация в Польше включала примерно 40% населения страны. Превосходный результат! Шляхтичи имели возможность выбирать короля, а также сейм и сенат. С определенными оговорками политическая система Речи Посполитой напоминала принятую в современных странах. Да вот беда — большая часть остального населения республики находилась в крепостной зависимости от панов.

Поэтому система, при которой одна часть населения, образовавшая нацию, пользовалась всеми правами и благами пусть примитивной, но демократии, а другая пребывала в рабстве, вызывала справедливые нарекания. Многие

полагали, что лучше уж государством правит один человек, монарх, которой ослабит угнетение низов верхами. Именно поэтому нация в Средневековье и античные времена могла существовать сравнительно недолго — пока сохранялась ее способность подчинять новых рабов и удерживать в повиновении старых. Обычно это обеспечивалось за счет территориального расширения. Как только способность к нему утрачивалась либо в связи с наличием сильных конкурентов, либо в связи с захватом известной части мира, нации терпели крах. На их место приходили монархии, которые поработали все население и уничтожали нации с их правами, но зато обеспечивали большее равенство — ведь при правлении деспота все угнетены одинаково, все, даже привилегированные сословия в той или иной степени рабы — и никому не обидно. Да и эксплуатация в среднем по обществу снижается, более равномерно распределяясь между сословиями.

Толчок развитию наций дает Новое время. Начинает прогрессировать наука, которая дает средства для мирного повышения уровня жизни. Впервые возникает возможность резко усилить экономику, не прибегая к прямому грабежу и поработничеству соседей (Спарта) или созданию торгово-колониальной империи (Афины). Торговый капитализм, капитализм колониальных империй, таких как Британия, еще не создает достаточных условий для развития наций. Но промышленный капитализм — создавал. Поскольку наука и промышленность давали возможность устранить главное противоречие, доселе разрушавшее нации, — необходимость выноса эксплуатации вовне. Теперь для того, чтобы дать права все большему числу людей, требовалось уже не большее число рабов, а большая производительность труда, возможная благодаря применению машин и достижений науки.

Конечно, это не означает, что ста-

рые методы ушли в прошлое. Но появилось эффективное дополнение к ним, которое позволяло достичь больших результатов с меньшими затратами. Сначала в Европе XIX века, где в результате революций была резко ограничена роль монархов, феодализм пал и у подданных появились права. Затем, уже в начале XX века, монархии рухнули и на их обломках возникли первые национальные государства.

Во второй половине XX века процесс распространился на весь мир. В настоящее время национальные государства пришли на смену колониальным империям практически повсеместно. Зависимые территории, хотя и не ушли в прошлое окончательно, являются скорее исключением на карте мира, чем правилом.

Таким образом, промышленный капитализм, хотя и не является прямой причиной появления наций по марксистской схеме соотношения базиса и надстройки, тем не менее является питательной средой для них. Благодаря капитализму нации смогли распространиться по всей планете и стать общепризнанным способом существования государств. Сегодня трудно представить, что могут быть какие-либо иные государства, кроме национальных.

Суммируя вышесказанное, можно сказать следующее. Нация возникает как акт коллективного отрицания внешней эксплуатации, который оформляется через обретение участниками нации прав. Акт отрицания эксплуатации и сумма прав выступают в качестве внешней границы нации, разделяющей мир на тех, кто к ней принадлежит, и тех, кто к ней не принадлежит. В стандартной ситуации учредителем нации, осуществляющим вышеупомянутый акт отрицания, является народ (лингвистически опосредованное сообщество родственников). Но возможны ситуации, когда учредителем нации являются сразу несколько народов или даже просто группа лиц. Точно так же не критично для

возникновения нации культурное, религиозное или иное единство. Нация как совокупность людей уже едина с точки зрения обладания свободой. Но свобода эта всегда конкретна — это «свобода от» чего-либо. Весьма вероятным, но не обязательным следствием существования нации и наличия у ее участников прав является демократия. Следствием демократии является постоянно идущий внутри нации спор о правах, которые беспрерывно расширяются и уточняются. Пределы, до которых произойдет расширение прав участников нации, определяются внешними обстоятельствами — уровнем развития науки и промышленности (или возможностью угнетения

других людей), обеспечивающим нации возможность отказа от все новых форм эксплуатации, обнаруживаемых в ходе спора о правах. Поскольку внутри нации идет постоянный спор о правах, нация является неравновесной системой, постоянно находящейся в процессе становления. Этот процесс может быть закончен только в случае обретения всеми абсолютных прав, что не в человеческих силах. Отражением спора о правах и идущего внутри нации процесса становления является складывающаяся в рамках демократии двухпартийная система.

Именно поэтому массовое распространение наций в наши дни является *безусловно прогрессивным* явлением.

Фонд поддержки и развития гражданского общества «РОД»

создан в марте 2009 г. решением активистов

Русского общественного движения.

Президент Фонда — известный публицист,
деятель русского национального движения К.А. Крылов.

Дата государственной регистрации Фонда «РОД» — 15 мая 2009 г.

Свою деятельность Фонд осуществляет на основе
Федерального закона РФ «О некоммерческих организациях».

Целью деятельности Фонда «РОД» является содействие развитию
русского гражданского общества, поддержка русского национального
движения, привлечение на благотворительной основе средств для
финансирования общественно значимых программ и проектов.

Реквизиты Фонда развития и поддержки гражданского общества «РОД»

Полное наименование: Фонд развития и поддержки гражданского общества
«РОД». Сокращенное наименование: Фонд «РОД»

ОГРН 1097799008977, ИНН 7705043648, КПП 770501001

Юридический адрес: 115093, Москва, ул. Б. Серпуховская, д.44, ком.19

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ : КБ «ИНТЕРКОММЕРЦ» (ООО) г. Москва

Р/с:4070 3810 7000 0000 3564

К/с:3010 1810 5000 0000 0684

БИК:044552684

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Оси координат и полюса солидарности человека и человечества

За редким исключением единичных отшельников, человеческое Я с самого рождения и до смерти принадлежит к неким МЫ. И живет по писанным и неписанным законам этих МЫ, получая от них взамен ту или иную поддержку, те или иные гарантии. Различные МЫ диктуют человеку ту или иную общеобязательную модель поведения, внушают ему некий поведенческий императив. Одно дело — клан, тейп, другое дело — производственная бригада, третье — банда, мафия, четвертое — воинская часть, пятое — религиозная община... У каждого из этих больших или малых МЫ есть устав, который необходимо соблюдать, если не хочешь расстаться с данным МЫ.

Однако все дело в том, что МЫ бывают не только разными, но и взаимоисключающими. И в таких случаях человек встает перед выбором, иногда мучительным: какому МЫ принадлежать. Среди прочих есть даже пара таких МЫ, которые делают этот выбор неизбежным, экзистенциальным. Особенность именно этих МЫ в том, что они оба изначально соприродны современному человеку, который принадлежит к ним как бы по неволе, по факту рождения. При этом Я впитывает определенные установки солидарности, что называется, с молоком матери.

Что же это за такие особые МЫ, о чем идет речь? Что это за несовмести-

мые друг с другом стержни консолидации, полюса солидарности, вокруг которых с незапамятных времен человечество собирается в устойчивые МЫ?

Это, во-первых, общность национальная, племенная.

А во-вторых — общность социальная, сословно-классовая.

Если мысленно представить себе оси координат, то в качестве абсциссы традиционно предстает ось социальная, легко делимая на левую и правую части (примем это давно устоявшееся в политологии условное деление, обозначающее консолидацию нижних слоев населения слева, а верхних — справа).

В таком случае в качестве ординаты предстанет ось национального деления, условно разбитая также на две части: свои и чужие. Допустим, верхняя часть оси от точки пересечения — свои, а нижняя — чужие.

В этих координатах и протекает, в норме, человеческая жизнь. Ведь человек от рождения принадлежит тому или иному общественному слою (словлю, классу, касте) и той или иной этнической группе. Это изначальное местоположение в названных координатах не зависит от его воли, от его выбора. Но оно, напротив, само навязывает человеку выбор, диктует ему волю. В каждом отдельном случае — свою, предопределенную тем или иным раскладом исторических сил и обстоя-

Все дело в том, кого и почему он признает «своим», а кого «чужим», к какому МЫ сочтет себя причастным. Ведь два индивидуума могут оказаться социально близкими, но национально враждебными, или наоборот. От этого многое зависит.

К примеру, возьмем русских и нерусских рабочих и крестьян Российской империи периода Октябрьской революции и Гражданской войны, когда на щит большевистской пропаганды был поднят лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Этот лозунг был подхвачен низшими классами практически всех населявших империю (и многих посторонних) народов, что привело к тотальному уничтожению, экспроприации и порабощению верхних классов этих народов, как русского, так и нерусских. Принцип социальной солидарности триумфально победил принцип солидарности национальной.

Но возьмем теперь русского и немецкого рабочего эпохи 1941–1945 гг.: классовая солидарность объединила обоих в левой части координат, а национальная — развела их по верхней и нижней части. Они были классово близки, но национально далеки друг от друга. Какой тип солидарности должен был взять верх? Ответ на этот вопрос уже дан историей. Советская предвоенная пропаганда уверяла всех, что немецкий рабочий по причине классовой солидарности не станет воевать с русским, а воткнет штык в землю, как оно и было в 1918–1919 гг., и вместе с нами обратится против своих немецких эксплуататоров. Эта пропаганда отчасти морально разоружила советские войска перед нападением Германии. Вопреки ей, немецкие пролетарии воевали с нами весьма ожесточенно, уложив в сырую землю многие миллионы представителей русских «трудящихся классов». На что в итоге получили вполне адекватный ответ от русских рабочих и крестьян, как одетых в шинели, так и партизан, отбросивших пропаган-

дистский морок и сделавших на сей раз выбор не классового, а национального типа солидарности.

Или вот пример из современности: утрата рейтинга и политических позиций партиями «Яблоко» и СПС, которые общественное мнение воспринимает как партии еврейской интеллигенции и которые являются для всей прочей российской интеллигенции классово близкими, но национально чуждыми. Пока национальная суть этих партий маскировалась и/или не была массово распознана, они имели некоторый успех, но вскоре маска упала, и обе партии расплатились за это утратой популярности и сходом с авансены истории. Что, в свою очередь, привело к судорожным попыткам сменить имидж, выставив на своих витринах представителей русского народа, которые воспринимались бы как «свои» наиболее широкими кругами российской интеллигенции (Никита Белых вместо гайдаров-чубайсов-гоzmanов или Сергей Митрохин вместо Григория Явлинского). Но автоматически восстановить утраченное доверие пока не удастся, поскольку за партийными кулисами просматриваются те же силы.

Итак, место человека в обществе и его политическая позиция изначально задаются самим фактом его рождения в той или иной национальной и социальной среде.

А вот дальше, в ходе дальнейшей жизни, возможны некоторые перемены. Но не по всякой оси и не во всяком обществе. А только по оси абсциссы, и то не везде. В кастовом обществе, например, никакие перемещения справа налево и обратно невозможны: родившийся шудрой или брахманом таковым и умрет в сознании достойно пройденного пути, ему предначинено. Но в некастовом обществе возможны колоссальные подвиги: выходец из крестьян может вознестись до поста главы государства. А ребенок из самого что ни на есть аристократического семей-

ства может скатиться до положения люмпена, бомжа. Редко, но бывает.

По оси же ординаты никакое перемещение невозможно нигде и никогда в принципе. Поскольку национальность — этничность — есть биологическое понятие, как порода у животных. Это данность, которую нельзя произвольно переменить: скажем, родиться немцем, а умереть испанцем. И субъективное мнение немца, вообразившего, что он есть чистейшей воды испанец, тут ничего изменить не в состоянии (мало ли что думают о себе многочисленные «Наполеоны» в психушках всего мира).

Правда, встречаются люди со смешанной кровью, чью национальную принадлежность трудно определить однозначно по объективным биологическим признакам. Возможны случаи, когда все четыре предка в третьем колене человека принадлежат к разным этносам, а в четвертом колене этнический разнородность еще больше. В таких случаях национальная идентичность в конце концов, как правило, все же устанавливается, хотя и произвольно, осознанным выбором самой личности, без биологической детерминации, по культурно-языковым и этнопсихологическим предпочтениям. Но подобное самоопределение неустойчиво и ненадежно, и не такие случаи определяют ситуацию в целом. Абсолютное большинство людей обладает однозначной этничностью от рождения. Показательно в этом смысле, что современные латиноамериканцы, отлично сознавая, что в них перемешана кровь индейцев, негров, испанцев и португальцев, изобрели, однако, для этой смеси новую, но тем не менее однозначную идентичность: «Мы — нация метисов», — говорят они о себе. Тем самым показывая, что неизбывная потребность в четкой и ясной этнической самоидентификации заложена в самой природе человека, независимо от чистоты крови.

О религиозном единстве

На этом самом месте рассуждений автора зачастую норовят подправить: есть-де еще и третий стержень консолидации человечества. Религиозная-де принадлежность, наряду с социальной и национальной, является платформой самоопределения человека и центром консолидации людских общностей. В силу своей якобы абсолютной изначальности, имманентности.

На первый взгляд в этом настоянии есть своя правда: действительно, мир зримо и грубо (то есть огрубленно, приблизительно) делится на зоны влияния той или иной мировой конфессии (мусульманство, христианство, буддизм), не считая локальных микроцивилизаций со своей системой верований.

Но так ли это на самом деле?

Внимательное рассмотрение различных религиозных толков весьма убедительно показывает: религиозное деление человечества производно от его национального и расового деления.

Возьмем, к примеру, основные мировые религии. Что мы увидим сразу же, взглянув на карту их традиционного распространения (без учета результатов XX века, когда пропаганда атеизма, с одной стороны, и яростный прозелитизм католиков в Латинской Америке, Африке и Южной Азии — с другой, заметно изменили эту карту)?

Мы увидим уже в первом приближении, что христианство, хотя и зародилось у семитов — представителей вторичной расы, но затем было ими отвергнуто и распространилось преимущественно среди народов большой изначальной расы европеоидов. А мусульманство — и зародилось, и распространилось среди народов вторичной расы, расселенной в Передней Азии и Северной Африке, а затем захватило и часть монголоидов, негроидов и разнообразных метисов. Буддизм же, зародившись у индоариев, покорила в основном монголоидные народы. То есть проекция религиозных предпо-

чений на расовую матрицу проявляются очень четко.

Но ведь ни христианство, ни мусульманство, ни буддизм — не однородны. Они разделены на толки, секты. Возьмем самые крупные, заметные из них, и посмотрим, уже во втором приближении: нет ли и здесь привязки к биологии, к расологии и этнологии? И тоже сразу заметим: есть! Но уже не в прямом, а в опосредованном виде, именно *через язык*. Вглядимся.

Возьмем христианство. Оно делится на три больших толка, не считая множества малых: православие, католицизм, протестантизм. Легко видеть, что протестантизм в основном (периферия существует у всякого явления, но судят не по ней) распространился у народов германоязычной группы: это немцы, голландцы, датчане, шведы, норвежцы, швейцарцы, англичане и — через англичан — основная часть европеоидных североамериканцев (т.н. WASP — белые англо-саксонские протестанты), австралийцев, новозеландцев и т.д. Католики — это в основном пользователи романской группы языков: итальянцы, французы, испанцы, португальцы и — через испанцев и португальцев — метисы Центральной и Южной Америки. Православные (опять-таки в основном) — это славяноязычные народы: русские, украинцы, белорусы, сербы, черногорцы, русины, болгары, некогда также чехи.

Бывают, конечно, исключения, особенно в пограничных ситуациях, например: католики — славяне (поляки и литовцы или насильно окатоличенные чехи и хорваты) или англоязычные ирландцы; православные — грузины, румыны или греки и т.д. Но это явления, так сказать, периферийные, не меняющие суть дела, которая такова: основная масса католиков говорит на романских, протестантов — на германских, а православных — на славянских языках.

Не только христианство, но и мусульманство демонстрирует разде-

ление на толки по национальным и расовым границам. К примеру, ираноязычные народы, как правило, шииты, а тюркоязычные и семитские — сунниты (можно обнаружить и более тонкие подразделения; скажем, тюркоязычные азербайджанцы, родственные по крови персам и говорившие до турецкого завоевания по-персидски, — шииты).

Про буддизм и говорить не приходится: индусы, китайцы и японцы, например, все имеют весьма существенные отличия по вере. Не говоря уж о тибетцах (буддистах-ламаистах).

В итоге можно утверждать: в общем и целом, несмотря на имеющиеся исключения (когда народы принимали ту или иную религию по соображениям нерелигиозным, а то и принудительно, а язык навязывался или перенимался), связь национальной религии с национальным языком просматривается вполне очевидно. А это значит, что биологическая (этническая) детерминанта незримо присутствует даже в такой тонкой материи, как вероисповедание.

Можно привести и иные многочисленные примеры, в том числе более изощренные, когда религиозные разломы проходили именно по этническим и даже субэтническим границам, порой весьма тонким (это уже в третьем приближении). Верно подметил, например, А.М. Иванов относительно разновидностей внутри протестантизма: «Столь же разбросанными, как и зоны обитания реликтовой альпийской расы, были и очаги кальвинизма в Западной Европе и, как правило, эти зоны совпадают с этими очагами. Именно в альпийской Швейцарии, в Женеве, создал свой главный идеологический центр Кальвин; во Франции его влияние распространялось больше на альпийский Юг, чем на нордический Север; в Великобритании кальвинизм пленил замешанную на альпийской крови Шотландию; в Германии он полз через ее юго-запад, где, по Гюнтеру, наиболее сильна альпийская примесь,

но сопротивление нордической крови здесь было более сильным, поэтому нигде в Германии кальвинизм в чистом виде не закрепился» (см. в кн.: *Иванов А.М. Рассветы и сумерки арийских богов. М., Белые альвы, 2006. С. 408*). И так далее.

Факт налицо. Как его понимать?

Нужно ясно сознавать неразрывную связь мышления и языка. Мы мыслим так, как говорим, и говорим, как мыслим. Те национальные, расовые особенности мышления народов (национальная психология), которые выразились и закрепились в языке (а это и произошло у индоевропейцев задолго до рождения Христа), фатально определяют и религиозный выбор. Мы не только говорим — мы и верим так, как мыслим, по тем же лекалам и матрицам, зиждущимся на тех же основах и приоритетах.

Вера, как и язык, — наиболее яркое проявление национальных и расовых различий.

Но если идти вглубь проблемы, все эти различия неразрывно связаны с темой языковой дивергенции (расхождения признаков), которую нельзя разъяснить без учета дивергенции биологической. Зачем, в самом деле, народам индоевропейской языковой группы, некогда бывшим единым народом, говорившим на одном языке, понадобилась языковое разделение, приведшее к разобщению и невозможности взаимопонимания? Трудно вообразить, сколько бед проистекло от этого расхождения языков, усугубившего разделение народов, заменившего отношение «свой к своему» на отношение «свой к чужому». Понятно, что такое расхождение могло быть только следствием неких естественно-биологических процессов, неподконтрольных человеку, а уж никак не результатом чьего-то целенаправленного, доброго или злого, осмысленного или нет!

Именно и только расово-этническая дивергенция (расхождение призна-

ков внутри расы и, как следствие, образование этносов) влекла за собой фиксацию и генетическое наследование определенных физиологических признаков, в том числе и тех, которые формируют фонетику языка, а также отделов мозга, отвечающих за семантику и синтаксис. Не случайно фонетические особенности, которые считаются обязательной нормой языка для одних народов (шепелявость у англичан, картавость у французов и немцев), для других народов так же обязательно считаются дефектом речи (шепелявость и картавость у русских). Корифей расологии П.Топинар еще в XIX в. указывал: «Существуют языки, глубоко отличающиеся друг от друга и требующие особого устройства гортани для разговора на них и особого понимания для уразумения их <...> Следует обратить внимание также на различные способы ощущения музыкальной гаммы в пяти частях света. То, что гармонично для слухового аппарата мозга одних рас, неприятно для слуха других. Воспитание здесь ни при чем, так как самый факт первичен и имеет анатомическое основание».

Закрепляясь при помощи языка, передающегося от поколения к поколению, эти особенные физиологические признаки данного этноса оказывали затем определяющее воздействие на соприродный ему тип религии и культуры. Уместно процитировать здесь известного археолога и искусствоведа А.А. Формозова, который верно отмечает: «Мы вправе предположить, что редкое в древнекаменном веке население Европы распадалось на сотни замкнутых мирков, и в любом из них мог возникнуть свой неповторимый облик материальной и духовной культуры». Так оно и было, и основным инструментом этой неповторимости был язык.

Создание этнического языка есть процесс и в то же время результат, непрерывно изменяющийся «нарастающим итогом». Результат абсолют-

но важный, во многом определивший всю духовную сферу того или иного этноса. Ниже я выскажусь на этот счет подробнее, пока же обращаю внимание читателя на очевидную корреляцию языка и такой важнейшей составляющей духа, как религия.

Все названные мировые религии есть явление сравнительно недавнее, в то время как человеческий язык уходит корнями в неведомую тьму веков, к истокам антропогенеза, да и разделение протоязыка европеоидов на индоевропейские языки тоже произошло, возможно, не один десяток тысяч лет тому назад. Это значит, что к моменту возникновения буддизма, христианства или мусульманства у всех исторических народов уже давным-давно сформировалась своя неповторимая и своеобразная этническая духовная матрица, воспринимающая ту или иную систему ценностей, со всеми своими отличиями, более или менее принципиальными. И важнейшую роль в этом формировании играл язык, с развитием которого связана вся духовная история человечества.

Этнический, племенной образ мышления, закрепленный в племенном языке и с его же помощью доформированный, заставлял выбирать ту разновидность религии, которая ему более соответствует, а то даже и видоизменять, приспособлять новую религию под уже сложившийся племенной образ мышления. «Истинность» или «неистинность» религий тут совершенно ни при чем.

Все дело именно в том, что этнос первичен, а религия — вторична.

История, правда, указывает нам также на положения, когда принадлежность к разным верам может определяться не только национальными, но и социальными различиями. Так, в жизни Древнего Рима был период, когда сверх меры угнетенные социальные низы в значительной степени уже приняла для себя христианство (религию «труждающихся и обремененных»), в

то время как верхи общества еще придерживались язычества. Наоборот, в Древней Руси христианство как знак лояльности великому князю стремительно и тотально подчинило себе верхние слои общества, но в толще простого народа еще много веков держались языческие верования.

Однако, поскольку этнос есть первичный и более мощный принцип объединения людей и разделения человечества, нежели класс, то рано или поздно он нивелирует классовые вероисповедные различия, и с неизбежностью устанавливается единая национальная религия. К примеру — христианство в построманских Западной и Восточной империях, а также в послекиевской Руси и России. И только у химер (где тело общества представлено одним этносом, а голова — другим) возможно разделение на религию господ и религию народа.

Показательно также, что религиозные войны — явление исторически значительно более позднее, сравнительно с войнами классовыми, и тем более — с этническими.

Итак, примем за истину и запомним: национальное первично не только по отношению к социальному, но и по отношению к конфессиональному и в основном, если не во всем, его определяет.

Но вот вопрос поважнее: а как соотносятся основные — классовое и национальное — деления общества? Как отражаются они в мировой истории?

* * *

Отношения между двумя осями координат человека и человечества — отнюдь не безоблачные. Точнее, взаимоисключающие. Эти координаты отрицают одна другую в философском смысле слова, полностью укладываясь в концепцию диалектического единства и борьбы противоположностей. Понятно, что в живой жизни философское противоречие неизменно проявляется в виде масштабных трагических событий.

Нельзя акцентировать классовую солидарность и при этом позиционироваться как националист. Тот, кто выбирает классовую солидарность, становится потерян для нации («национал-большевик» — оксюморон, нонсенс). Таков закон жизни. Поэтому приходится признать, что такие губительные для нации явления, как, скажем, пролетарский интернационализм или интеллигентский космополитизм, — глубоко мотивированы природой человека.

Их нельзя победить, не зная этой природы.

Этническое — первично

Итак, национальная и классовая принадлежность объединяет людей в этносы и классы. Одновременно при этом разделяя человечество на те же этносы и классы. Или, если быть совсем точным, разделяя человечество на этносы, а этносы — на классы. (Напомним, что по моим условным понятиям, этнос есть биологическое сообщество, связанное общим происхождением, обладающее общей генетикой; это группа лиц, состоящая из нескольких поколений, связанных кровным родством. Этнос, в зависимости от количества своих сочленов, степени и характера их организованности, подразделяется на род, племя, народ, нацию.)

Казалось бы, классы, будучи надэтническими образованиями, вбирают в себя несравненно большие человеческие массы, чем этносы. Этносов — множество; классов же, сколько бы их ни насчитывали обществоведы, по большому счету — всегда только два: верхний и нижний. И на первый взгляд классовая солидарность, делящая все человечество всего лишь на две (неравные) части, должна быть более могущественным мотивом поведения, чем солидарность этническая, делящая человечество на сотни частей. И, соответственно, должна в большей мере определять судьбы мира.

Именно так учит марксизм. Однако

популярное некогда представление о классовой борьбе как главной движущей силе истории не выдерживает критики.

Сегодня даже грандиозный пример Великой Октябрьской социалистической революции и последующих побед коммунизма не служит к утверждению марксистской концепции. Против нее свидетельствуют, во-первых, последствия данного исторического эксперимента. С крушением СССР и блока стран Варшавского договора несостоятельность концепции классовой борьбы как движущей силы истории стала очевидной. Национализм повсеместно возобладал над классовой солидарностью в зоне бывшего влияния СССР, что привело:

1) к разделению входивших в нее государств по национальному признаку (самого СССР, Югославии и Чехословакии),

2) к образованию множества государств-этнократий и

3) к объединению Германии по национальному же признаку.

А во-вторых, внимательный взгляд видит, что под личиной социальной революции в России начала XX века разразилась этническая война множества этносов против русских как государствообразующего народа. Ровно то же произошло и под вывеской Перестройки, только на сей раз к советским и российским народам-русофобам добавились еще и восточноевропейские народы-русофобы.

Итак, мы видим, что противоречия именно между национальными общностями проявились с небывалым размахом в XX веке. В первую очередь это выразилось в двух мировых и многочисленных региональных войнах, в колониальных и антиколониальных войнах и революциях, в обеих антирусских революциях (1917 и 1991) в России. Стоит особо присмотреться к ходу Второй мировой войны. Один только факт союза между странами с противоборствующими общественными системами

(капиталистических Англии, США, с одной стороны, и коммунистическим СССР — с другой, — против национал-социалистической Германии) уже ясно указывает именно на национальный, а не классовый характер самой грандиозной из всех войн вообще.

Скрытая порой этнополитическая природа глобальных конфликтов рано или поздно повсеместно обнаруживает себя.

* * *

Почему же классовая солидарность в итоге пасует, как правило, перед солидарностью национальной? Ответ, опять-таки, в природе человека, выраженной в истории человечества.

Все дело в том, что классовая (социальная) борьба вторична по отношению к борьбе этносов. В то время как этнические войны появились с появлением человека и сопровождают всю его историю. Историческая конфликтология позволяет прийти к следующим выводам.

Этнический и социальные принципы организации общества вообще, онтологически, противоречат один другому и один другого стремятся исключить. Это понятно: ведь в основе каждого из них лежит защита и поддержка только своего социума: либо своего этноса, либо своего класса. Классовую борьбу ведь не Маркс с Энгельсом выдумали, да и битву этносов и рас мы наблюдаем по крайней мере с тех пор, как крома-ньонец насмерть сражался с неандертальцем, а то и с более ранних времен.

Отсюда — **первый вывод**: основная форма взаимоотношений различных МЫ (социумов) есть конфликт — в этнической, или социальной, или иной форме. Погасить один из конфликтов можно только за счет раздувания другого.

Если хочешь помешать национальному, этническому объединению и последующим этническим войнам — подведи контрмину классовой борьбы. Если хочешь не допустить граждан-

ской, классовой войны — разогрей национальные конфликты.

Национальное единство скрепляется борьбой с другими этносами; классовое — борьбой с другими классами.

Социальное и национальное в человеке и в обществе — как два плеча одного рычага: чем больше одно, тем неизбежно меньше будет другое. Искусственно удлиннив или укоротив плечи рычага, МЫ способны произвести общественный переворот.

Итак, **вывод второй**.

Классовая борьба в силах взорвать национально однородное общество. Поэтому, чтобы сплотить этнос, нужно заставить его забыть о классовом антагонизме.

Битва этносов зачастую раздирает и тиранит страны, даже сумевшие погасить социальные конфликты. Поэтому, чтобы объединить класс, нужно заставить его забыть о существовании внутри него разных этносов с их порой противоречивыми интересами.

Первое в XX веке вполне удалось, например, Гитлеру, второе — Сталину. Проблемы и задачи всех классов немецкого общества нацисты надеялись разрешить за счет других народов. Советское же общество надеялось и обещало, напротив, во всемирном масштабе осчастливить нижние классы всех национальностей за счет верхних классов. В продвижении к указанным целям Гитлера с энтузиазмом поддерживало большинство немцев, независимо от социального положения; Сталина — большинство рабочих и крестьян во всем мире независимо от национальности.

Сталину было намного труднее. Ради объединения отечественных трудящихся в некий (вполне фантомный) «советский народ», пришлось, во-первых, предварительно, еще в 1917–1939 гг., уничтожить физически, экспроприровать и подавить все верхние классы (элиты) всех народов СССР. Во-вторых, Сталину все же пришлось с середины 1930-х всемерно задейство-

вать фактор русского национального патриотизма, без которого выиграть войну — он это ясно понял! — было бы невозможно. А в-третьих, МЫ знаем, что при начальных успехах Гитлера советская мнимая солидарность рухнула: целые народы вставали под его знамена — крымские татары, чеченцы, эстонцы, латыши, западные украинцы и др. Проявляя при этом звериную ненависть к нам, русским, и обнажая тщательно скрываемую Советами национальную подопку мировой антирусской войны. Да и Советский Союз (а с ним и «советский народ») развалился в итоге по национальным границам.

Нам важно понять и усвоить одно.

Маятник человеческого единения все время качается: от социального к национальному и обратно. Чем дальше качнется в одну сторону, тем сильней откачнется в другую.

Это диалектика истории. Она опасна и чревата великими потрясениями.

* * *

Но **самый главный вывод** в том, что национальное деление — первично по отношению не только к конфессиональному, но и к классовому, социальному делению.

Это ясно видно уже из истории доклассового первобытного общества и даже собственно из истории становления классов. Сколько существуют люди, столько ведутся племенные истребительные войны и завоевания. Но на ранней стадии развития человека в ходе этих войн и завоеваний победители лишь уничтожали под корень, а то и попросту съедали побежденных. Куда их было еще девать? Не кормить же задаром тунеядцев. Однако ведь не только тунеядца, но и раба кормить было нечем, поскольку производительные силы были ничтожны и не обеспечивали необходимый для этого запас. Толь-

ко по мере успехов в земледелии и скотоводстве стал появляться излишек: а это уже был ресурс, который можно выгодно вложить в живую рабочую силу. Так возникла идея рабства.

Подчеркнем: самый класс рабов (родоначальник классовой борьбы) появился только благодаря этническим войнам. Общественное расслоение было в древнейшие времена одновременно и этническим расслоением, ибо все рабовладельцы принадлежали в каждом данном городе, или государстве, или племени — к одному этносу, а абсолютное большинство рабов (за исключением кабальных должников, но это более позднее явление) — к другому этносу. Таким образом, *первые классовые войны — восстания рабов — были, вместе с тем, восстаниями масс, иноплеменных по отношению к этносу-рабовладельцу*. Иными словами — были лишь продолжением и разновидностью все тех же этнических войн.

Со временем искусство закабаления своих же соплеменников достигло высот, при которых взятие рабовиноплеменников почти потеряло смысл, и классовые войны освободились от этнического характера. Больше того, верхние классы одного этноса стали порой использовать инородцев для своей охраны и для подавления бунтов низших классов своего же этноса. Но даже развившись в некоторых (не всех) цивилизационных системах в одну из главных движущих сил истории, классовая борьба тем не менее сохранила свое вторичное и подчиненное положение по отношению к борьбе этносов, в том числе наций и рас.

Этническое МЫ — первично. Это изначальная и главная природная данность, определяющая жизненные установки огромных людских континентов и каждого человека в отдельности.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ

ДВОРЯНСТВО КАК ИДЕОЛОГ И МОГИЛЬЩИК РУССКОГО НАЦИОСТРОИТЕЛЬСТВА

Главный тезис предлагаемой ниже статьи заявлен уже в заглавии. Он состоит в том, что роль дворянства в русском дореволюционном националистическом национализме была глубоко двойственна: с одной стороны, именно представители этого сословия создали русский националистический дискурс, с другой — сословно-классовый эгоизм дворянства стал одной из главных причин провала русского национализма.

Данная работа продолжает и конкретизирует исследование сюжетов, разбираемых мной в статье «Нация в русской истории» (журнал «Москва», 2009, № 6), к которой я вынужден отослать тех, кто хотел бы более полно ознакомиться с моими общетеоретическими представлениями о нации, национализме, национализме и о специфике этих феноменов на русской почве. Здесь же я могу лишь кратко резюмировать свою позицию в нескольких тезисах.

1. Нация не тождественна этносу, это политическая форма, которую приобретает этнос (естественная биологически-культурная общность) в условиях эпохи Модерна; главная ее особенность — выдвижение на первый план проблемы социально-политического и культурного единства.

2. Первоначально нация была формой объединения лишь господствующих сословий и классов и лишь позднее включила в себя весь этнос; собствен-

но процесс расширения нации «сверху вниз» и есть национализм.

3. В дореволюционной России национализм, по западноевропейским меркам, серьезно запаздывало, а в 1917 г. произошел его срыв; и запаздывание и срыв были следствием архаичности социально-политических практик господствующей элиты — династически-имперского самодержавия и формально националистического (с начала XIX в.) дворянства.

Русское дворянство как «малая нация»

Как единое сословие русское дворянство формируется только при Петре I под первоначальным названием *шляхетство*, заимствованным из Польши, но вышедшим из употребления во второй половине XVIII столетия. До этого существовали различные группы *царских чиновных людей*, владевших крепостными крестьянами и несших обязательную службу царю, однако обладавших различным правовым статусом (бояре, окольные, думные дворяне, дети боярские и т.д.). Задуманное царем-реформатором как служилое сословие (члены которого обязаны служить государству пожизненно), аккумулирующее в себе посредством Табели о рангах наиболее способных и энергичных выходцев из низов, дворянство, пользуясь политической ситуацией «эпохи дворцовых переворотов», постепенно привилегий.

Пиком последних стали Манифест о вольности дворянской (1762) и Жалованная грамота дворянству (1785), благодаря которым «благородное сословие» приобрело исключительный правовой статус: дворянин мог служить или не служить по собственному желанию; он был свободен от податей и телесных наказаний; лишиться своего звания (передаваемого по наследству) он мог только по суду равных себе; земля, имущество и крепостные крестьяне являлись его частной собственностью; на местах дворяне получали право на сословно-корпоративное самоуправление с характером юридического лица. Только верхушка купечества обладала сравнимыми правами, но, скажем, возможность владения крепостными была эксклюзивно дворянской, не говоря уже о том, что государственный аппарат и армия возглавлялись только дворянами. Таким образом, дворянство «начало превращаться из простого правительственного орудия в правящий класс, сбрасывая с себя одну за другой прежние свои государственные обязанности, но не теряя прежних прав и даже приобретая новые. Так одно сословие достигло государственного раскрепления, получило возможность жить для себя, руководствуясь сословными или личными интересами»¹.

Разумеется, дворянство было неоднородно: наряду с крезамилатифундистами в его составе находилось немало бедняков, собственноручно пахавших землю или вообще не имевших никакой собственности; к «благородному сословию» принадлежали и блистательные интеллектуалы, и неграмотные (в буквальном смысле слова) невежды. Поэтому, говоря о социально-политических и дискурсивных практиках дворянства, я буду иметь в виду ту его часть, которая об-

ладала достаточным для их реализации экономическим и/или культурным капиталом. Именно ее можно определить как своеобразную «малую нацию», «нацию господ» в составе политически не организованного русского этноса, членов которой объединяли общие материальные, гражданские и политические права, а также однородная, импортируемая из Западной Европы культура и основной язык общения — французский. «Угнетенные слои остались народом, а господствующие превратились в квазинацию — со своими, отличными от народной, культурой, нормами поведения, структурами повседневности и т.д.»².

До начала XIX в., даже на дискурсивном уровне, другие сословия в эту «нацию» не допускались, в особенности крестьянство, составлявшее более 90% населения России. В дворянском самосознании XVIII столетия господствовало представление, что «благородное сословие» — «единственное правомочное сословие, обладающее гражданскими и политическими правами, настоящий народ в юридическом смысле слова <...>, через него власть и правит государством; остальное население — только управляемая и трудящаяся масса, платящая за то и другое, и за управление ею, и за право трудиться; это — живой государственный инвентарь. Народа в нашем смысле слова [то есть нации] <...> не понимали или не признавали»³. Д.И. Фонвизин опре-

² Фурсов А.И. [Выступление на «круглом столе» «Россия: национальное государство или империя?»] // Москва. 2008. № 5. С. 176.

³ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 4. С. 263. Это представление достаточно адекватно отражало социально-политическую реальность, ибо «общие правительственные учреждения ведали свободными, только высшим сословием» — «ничтожной кучкой народа, может быть миллионом с небольшим душ; вся остальная масса ведалась своими особыми властями <...> Один администратор того времени, принявши в расчет чис-

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 5. М., 1989. С. 165.

делял дворянство как «состояние», «долженствующее оборонять Отечество купно с государем и корпусом своим представлять нацию»⁴. По сути, сословно-классовая идентичность отождествлялась дворянами с националь-

ленное неравенство между свободными и несвободными людьми, рассчитал, что <...> Русское государство <...> в 45 раз меньше Франции» (Там же. Т. 5. С. 250). Ср.: «Империя вполне могла насчитывать 15 млн. человек к 1725 году, 36 млн. — к моменту смерти Екатерины [II]; с конца XVII века Россия была всего лишь Россией дворян (все больше и больше) и городов (все меньше и меньше). Для 30 млн. крестьян в 1790 году крупные поместья являлись единственной экономической и политической реальностью, которая их касалась. <...> Государство касается в среднем 2 млн. душ — чуть меньше, чем в Пруссии. Зачастую оно оказывает вооруженную поддержку десятку тысяч микрореспублик, подвергшихся народным восстаниям» (*Шоню П.* Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005. С. 36). Или: «Российское государство эпохи Просвещения — реальность, но реальность более чем ограниченная. Екатерина [II] управляла подзаконной Россией, реальной Россией из 2 или 3 млн. подданных. Она отдала на откуп 100 тыс. помещиков и нескольким десяткам тысяч чиновников 15–25 млн. крестьян. <...> Екатерина II ничего не сделала для интеграции крестьянских масс в состав нации; этот процесс начался лишь в XIX веке, после реформ царя-освободителя» (*Шоню П.* Цивилизация Просвещения. Екатеринбург—М., 2008. С. 231–232). Это хорошо видели и современники: «Россия слывет монархию. Самодержавный государь постановляет законы основанием и мерою властью своей. А внутри что? Тысячи господ больших и малых владеют неограниченно третьюю, может быть, частию народа!» (мнение М.В. Храповицкого, высказанное в 1803 г., цит. по: *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Киев, 1912. С. 315).

⁴ *Фонвизин Д.И.* Избранные соч. и письма. М., 1947. С. 187.

ной. И это вполне естественно, трудно признать единоплеменников и сограждан в тех, кто и социально, и культурно не имеет с тобой практически ничего общего.

Предельной степени социокультурный разрыв дворян с подавляющим большинством русского этноса достигает в его взаимоотношениях с крепостными крестьянами, фактический статус которых нельзя определить иначе как рабский. Собственно, долгое время их и называли открыто рабами, в частности, Екатерина II в Наказе Уложенной комиссии. «Когда известный поэт А.П. Сумароков стал возражать, утверждая, что “между крепостным и невольником есть разность: один привязан к земле, а другой — к помещику”, Екатерина воскликнула: “Как это сказать можно, отверзните очи!”. Однако желание “прилично выглядеть” перед Европой побудило императрицу в 1786 году запретить использовать слово “раб” по отношению к своим подданным — хотя в секретных документах и частных беседах императоры часто называли крестьян рабами. Ввиду цензурных требований, русские историки были вынуждены избегать упоминаний о рабстве и называли помещичьих крестьян “крепостными”»⁵.

И дело не только в тех или иных проявлениях помещичьей жестокости (пресловутая Салтычиха, садистски замучившая до смерти 39 человек, конечно, принадлежала к исключениям, а не к правилу, но все же «злоупотребления власти помещиков были весьма велики

⁵ *Нефедов С.А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 171. Впрочем, Ключевский, анализируя документы кодификационной комиссии 1754 г., отмечает, что, судя по ним, Россия — «строгоравовладельческое царство античного или восточного типа» (*Ключевский В.О.* Указ. соч. Т. 4. С. 304).

и составляли обыденное явление»⁶) или в невыносимо тяжелых барщине и оброке⁷, но и в «овеществлении»

⁶ *Романович-Славятинский А.В.* Указ. соч. С. 316.

⁷ «А.Кахан приблизительно подсчитал “цену вестернизации”, то есть стоимость расходов, которые платило русское дворянство за западную роскошь, а также за западный стиль жизни, путешествия в Европу и за образование, сводившееся по преимуществу к изучению французского языка. По оценке американского исследователя эти расходы в 1793–1795 годах в среднем составляли ежегодно не менее 18 млн руб. и отнимали более 35% дохода помещичьих хозяйств; такие расходы были непосильны более чем для половины помещиков. Отсюда следует, заключает А.Кахан, что вестернизация была мощным стимулом, заставлявшим помещиков искать пути увеличения своих доходов.

“Наказ” П.Рычкова дает представление о степени развития барщинного хозяйства: уже в то время [1770 г.] многие помещики отводили на барщину четыре дня, оставляя для обработки крестьянских полей так мало времени, что крестьяне были вынуждены нарушать церковные заповеди и работать по воскресеньям. Помещики, которые забирали на барщину три дня и давали крестьянам отдохнуть в воскресенье, считались “умеренными”. <...>

Характерной иллюстрацией происходивших процессов может служить положение в пензенском имении А.Б. Куракина (с. Архангельское). В 1768 году оброк в имении был увеличен с 2 до 3 руб. с души мужского пола; это повышение было усугублено падением цен на хлеб, в результате, если в 1767 году с крестьян требовали оброк, эквивалентный 5 пудам хлеба с души, то в 1771–1772 годах, чтобы заплатить оброк, нужно было продать 12 пудов. Крепостные Куракина, несмотря на массовые порки, четыре года отказывались платить повышенный оброк; в конце концов, они присоединились к повстанцам Пугачева и разгромили усадьбу помещика. Когда пришли каратели и восстание было подавлено, в Архангельском был установлен вотчинный полицейский режим: все крестьяне были раз-

крепостных совершенно аналогичном «овеществлению» рабов в классических рабовладельческих обществах (ведь и там далеко не все рабовладельцы были бесчеловечными истязателями). Крепостные (вместе со своим имуществом) фактически являлись частной собственностью помещиков, «составной частью сельскохозяйственного помещичьего инвентаря»⁸, которую можно было продать, подарить, обменять, проиграть в карты — с землей и без скотов, чего во всем свете не водится», по выражению Петра I; крепостными платили долги, давали взятки, платили врачам за лечение, их крали... Объявления о продаже крепостных, открыто печатавшиеся в отечественных газетах конца XVIII столетия производят сильнейшее впечатление именно своим спокойным, обыденным (а иногда добродушно-юмористическим) тоном⁹. *Когда одна часть этноса в бук-*

делены на группы в 25–30 человек во главе с десятским. Десятский получил право наказывать своих крестьян за посещение чужого “десятка”, нерадивость, непосещение церкви и т.д.; было запрещено уходить из вотчины даже на несколько часов. Только так удалось заставить крестьян платить оброк, который к 1782–1784 году достиг в пересчете на хлеб 15 пудов с души» (*Нефедов С.А.* Указ. соч. С. 174–176, 179). Для сравнения: государственные крестьяне платили 5–7 пудов с души.

⁸ *Ключевский В.О.* Указ. соч. Т. 5. С. 132.

⁹ «В известиях “С.-Петербургских ведомостей” за 1796 г. наряду с объявлениями о сбежавших собаках, о потерянных вещах, за возвращение которых ожидаются награды, мы читаем объявления о сбежавших дворовых людях и крестьянах, за возвращение которых обещается также *довольное награждение*. Вслед за объявлениями о продаже коров, жеребцов, малосольной осетрины, лиссабонских апельсинов — объявления о крепостных *семьями и порознь*, и чаще всего о продаже *молодых девок собою видных*. Вот образчики таких объявлений. В № 73 читаем: “некто, отъезжая из С.-Петербурга, продает 11 лет девочку и 15 лет

важно в смысле слова торгует другой, они (эти части) никак не могут образовать единой нации, несмотря на генетически-антропологическую близость их представителей¹⁰.

Нет ничего удивительного, что в сопарикмахера, за которого дают 275 р., да сверх того столы, 4 кровати, стулья, перины, подушки, платяной шкаф, сундуки, киота для образов и прочий домашний скарб". <...> В № 90 (уже при Павле) "продается лет 30 девка и молодая гнедая лошадь. Их видеть можно у Пантелеймона против мясных рядов в Меншуткинском доме, у губернского секретаря Иевлева". <...> В № 75 [за 1797 г.]: продается девка 16 лет и поезженная карета; <...> № 86: каменный дом с мебелью, пожилых лет мужчина и женщина и молодых лет холмогорская корова; <...> № 1 за 1800 год: портной, зеленый забавный попугай и пара пистолетов и т.д. <...> Богданович в своей Истории Александра I делает одну ссылку на журнал Государственного совета 1807 г., из которого явствует, что при осмотре Рязанской губернии сенатором Руничем оказалось, что из сей губернии и из других мест привозились на Урюпинскую ярмарку скованные помещичьи люди для продажи их в розницу». Попытки правительства запретить хотя бы торговлю крестьян без земли натолкнулись на серьезные юридические преграды. В 1820 г. департамент законов Государственного совета «не нашел ни одного закона, прямо воспрещающего не только продажу без земли, но и поодиночке, а, напротив, указывал на побочные указы, знаменующие согласие законодателя на такую продажу. Департамент не находил и потребности в издании воспретительного закона, основываясь на том, что продажа людей, при нынешнем гражданском состоянии России, не заключает в себе ничего предосудительного». Только законами 1833 и 1841 гг. «продажа крестьян значительно была стеснена», впрочем, она «на прежних основаниях продолжалась иногда и после этого» (Романович-Славатинский А.В. Указ. соч. С. 347–349, 352–353).

¹⁰ На принципиальную важность запрета рабовладения внутри этноса как предпосылки для формировании нации указывает П.В. Святенков в статье «Аристократическая привилегия для всех» (Москва. 2009. № 6).

знании даже наиболее просвещенных представителей дворянства (исключения единичны) по отношению к крестьянам (а отчасти и к другим сословиям) царил самый настоящий социальный расизм. Только дворяне признавались «благородными», остальной же народ считался «подлым». В законодательных актах «подлыми» именовались низшие, податные слои населения, и там это слово не несло уничижительного значения. «Но на языке шляхетства выражение это <...> несомненно имело другой смысл — *париев*, или по крайней мере французского слова *capaille* — *сволочь, чернь*». Сумароков полагал, что у господина и холопа даже совести разные, ибо «низкий народ никаких благородных чувствий не имеет». Г.Р. Державин не скрывал презрения к «грубым и глупым мужикам». Д.И. Фонвизин «считал только дворян честными, а остальных *тварями*, которые родились *служить*, а не *господствовать*; мысль о преимуществах *дворянской породы* проникает все сочинения» автора «Недоросля». Показательна популярность переведенной в 1717 г. с немецкого книги «Юности честное зеркало», выдержавшей затем несколько изданий, поучавшей российское шляхетство «видеть в слугах не людей, но существ другой породы, чем их господа: «нет того мерзостнее, как убогий слуга»¹¹.

Современная исследовательница, проанализировав огромный массив частной переписки дворянской элиты последней трети XVIII в., пришла к выводу, что «по отношению к крестьянству у авторов писем преобладал взгляд помещиков-душевладельцев, которые видели в зависимом сословии в первую очередь рабочую силу, источник доходов, <...> живую собственность, <...> объект руководства и эксплуатации <...> Авторы писем не видели в зависимом населении ни народа, ни

¹¹ Романович-Славатинский А.В. Указ. соч. С. 78, 76, 81.

сословия, ни класса, а различали лишь особую группу иного, худшего социального качества. “Народом”, “публикой”, “российскими гражданами”, то есть единственно полноценной частью общества было дворянство, а крестьянское сословие представлялось <...> “простым, низким народом”, “чернью”. <...> Крестьянину, олицетворявшему “низкую чернь”, была свойственна грубость поведения, примитивность языка, ограниченность чувств, интеллектуальная ущербность»¹². Если это не социальный расизм, то что же?

Особенно обильно антикрестьянские эскапады произносились представителями «благородного сословия» при обсуждении возможности отмены крепостного права. Аргументация *против* была весьма разнообразна, но суть всегда сводилась к одному: *крестьянам свободу давать никак нельзя*. Потому ли, что «российский народ “сравнения не имеет в качествах с европейскими”» (мнение керенского дворянства в Уложенной комиссии)¹³, еще бы, «ведь русский крестьянин не любит хлебопашества и пренебрегает своим состоянием, не видя в нем для себя пользы» (Ф.В. Ростопчин)¹⁴; или потому что «улавливаясь рабу с господином в цене и свободе почти невозможно», да и кто кроме помещиков, «которые суть наилучшие блюстители или полицмейстеры за благочинием и устройством поселян в их селениях», сможет удерживать «поселян» «от разброду» (Г.Р. Державин); кроме того, «земледельцы наши прусской вольности не снесут, германская не сделает их состояния лучшим, с французскою помрут они с голоду, а английская низвергнет их в бездну» (отстаивает русскую само-

битность знаменитый историк И.Н. Болтин); ну, и, наконец, без крепостных «у иного помещика некому было бы и студено искрошить, а не только сделать какой фрикасей» (из записки безымянного автора в Вольное экономическое общество)¹⁵.

Замечательно, что «мужикам» за-прещалось иметь общие фамилии с дворянами, в 1766 г. было принято официальное постановление о том, что рекрутов, носящих дворянские фамилии «писать отчествами». «Генерал-

¹⁵ Там же. С. 393, 387, 385. Вероятно, самое колоритное возражение против освобождения крепостных, принадлежащее некоему анониму, имеет почти что «естественно-научную» подкладку: «Если мы возьмем физическое положение страны нашей, то узрим, что холодный климат, возбраняющий действия транспирации, а пронизательным своим воздухом сжимающий наши жилы, побуждает нас к приятию более пищи, нежели в полуденных климатах; а сие производит многокровие и делает более характеры наши сангвиническими; довольно же всем известно, что сангвинический характер есть характер наглой и стремительный в предприятиях своих, которые без дальнего размышления и начинают; а есть ли по роду жизни примешается к оному и флегма, то сие ничего более не произведет, как должайшее настояние суровости и злопамятства... по сему известному характеру да рассудит каждый, легко ли таковых поселян, учиняя их свободными, общими законами задержать? Флегматической характер производится от застоя движения крови в зимние месяцы и от недостатка движения тела, так же от самых топлённых покоев, в коих густота воздуха приводит в ослабление наши члены, к лености и к увальчивости нас склонными чинит: при свободе же крестьян не умножатся ли сии характеристические пороки?.. россиянский народ, по ослаблении над ним начальства, впадает в бесперывную леность, ибо точно примечено, где менее с крестьян берут оброка, то есть менее им побуждения промышлять себе прибыли, там они беднее становятся и более впадают в леность» (Там же. С. 387–388).

¹² Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (по материалам переписки). М., 1999. С. 205, 210–211.

¹³ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 5. С. 89–90.

¹⁴ Романович-Славатинский А.В. Указ. соч. С. 395–396.

майор Чорбай, шеф гусарского полка при Павле I, так ревностно преследовал дворянские фамилии своих солдат, что их всех почти назвал Петровыми, Ивановыми, Семеновыми и т.д., отчего даже произошли большие затруднения для военной коллегии»¹⁶. Дворяне всячески стремились отгородиться от «черни», в частности, Московский университет долгое время не считался среди них престижным учебным заведением, ибо был открыт для представителей всех сословий. Ему предпочитали закрытые дворянские училища и пансионы. Социальное неравенство могло проникать даже через стены святых обителей: известны монастыри, где постригались только *благородные*.

О культурной отгороженности дворянства от «народа» как об опасном для национального бытия расколе, нуждающемся в срочном преодолении, много писалось с начала XIX в., но в XVIII столетии в этом не видели *трагедии* (что заметно, в том числе, и по критике данного явления: достаточно сравнить *насмешки* Н.И. Новикова и Фонвизина со скорбными lamentациями славянофилов). Упоминавшееся выше «Юности честное зеркало», напротив, «поучало, что молодые шляхетские отроки должны всегда между собой говорить иностранными языками, дабы можно было их от других незнающих болванов распознать, дабы можно было им говорить так, чтобы слуги их не понимали»¹⁷. Это наставление было с энтузиазмом подхвачено, даже накануне войны 1812 г. «высшее общество <...> говорило по-русски более самоучкою и знало его понаслышке», за исключением наиболее экспрессивной части «великого и могучего», которая использовалась для общения с *подлым народом*. А.М. Тургенев, по его словам, «знал толпу князей Трубецких, Долгоруких Голицыных, Оболенских, Несвицких, Щербатовых, Хованских,

Волконских, Мещерских, — да всех не упомнишь и не сочтешь, — которые не могли написать на русском языке двух строчек, но все умели красноречиво говорить по-русски» непечатные слова. «Иначе и быть не могло: русские учителя были не в моде, их избегали, предпочитая иностранцев. Дошло до того, что француз, живший некоторое время в России и возвратившийся в свое отечество, публиковал в “Московских ведомостях”, что близ Парижа он завел пансион специально для русских молодых дворян», где обещал их учить «особливо же языку русскому»¹⁸.

«Простонародное» отождествлялось с «допетровским», «неевропейским», «нецивилизованным». А.М. Кутузов в письме 1790 г. иронизируя над «странными варварскими правилами» «праотцев», резюмировал: «Но оставим сих грубых невежд; нечто подобное сему мы видим ныне токмо между некоторыми крестьянами». Даже Карамзин, написавший уже «Бедную Лизу», в одном из писем 1793 г., иронизируя над «дебелым мужиком, который чешется неблагопристойным образом или утирает рукавом мокрые усы свои, говоря, *ай парень! что за квас!*», констатирует: «надобно признаться, что тут нет ничего интересного для души нашей»¹⁹. Кстати, «если “Бедная Лиза” была принята с чувствительным умилением и молодые московские барышни приходили со своего рода паломничеством к пруду у Симонова монастыря, то пьеса Н.И. Ильина “Великодушие, или Рекрутский набор” (1803) — слезная драма с сюжетом из крестьянской жизни — хотя и пользовалась определенным успехом, однако могла шокировать своими социальными параметрами. Замечательно, что критика исходила от убежденных руссоистов. В.В. Измайлов, карамзинист и почитатель Руссо, упрекал Ильина за то, “что

¹⁶ Там же. С. 78–79.

¹⁷ Там же. С. 81.

¹⁸ *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX века. СПб., 2007. С. 126

¹⁹ *Мафасинова Е.Н.* Указ. соч. С. 211, 219.

он выводил на сцену тех людей, которых состояние есть последнее в обществе, которых мысли, чувства и самый язык весьма ограничены и которых дела не могут служить нам ни наставлением, ни примером»²⁰.

Можно дискутировать на тему, был ли культурный отрыв «благородных» от «подлых» *следствием* (и легитимацией) усиления социального неравенства или же, напротив, последнее было порождено первым. Но ясно одно: оба эти явления шли рука об руку, взаимно дополняя и усиливая друг друга. Ничего удивительного нет в том, что «подлые» тоже не считали «благородных» *своими*. Крестьяне не оставили на сей счет письменных источников, ибо в большинстве своем были неграмотными, но убедительнее любых слов этот тезис доказывает жестокая и кровавая резня («прекровожаждающий на благородных рыск», по выражению Державина), устроенная «господам» «рабами» во время восстания под руководством Емельяна Пугачева, когда «было убито в общей сложности около 1600 помещиков, включая их жен и детей, около 1 тысячи офицеров и чиновников и больше 200 священников»²¹.

Дворяне и восприняли пугачевщину как движение, цель которого заключалась в истреблении «благородного сословия» и в превращении России в мужицкое царство. Среди них царил настоящая паника, боялись в том числе, как бы солдаты не сложили оружие перед «мятежниками». В принципе, перед нами ситуация гражданской войны, тем любопытнее, что в дворянском сознании она не мыслится как *братоубийство* (что было бы типично для националистического дискурса), а как бунт «злодеев», «скотов», «зло-

дейской сволочи», «извергов», «шакалов», «изменников», «немысленной и грубой черни», погрязшей «в слепоте и невежестве»²². Кстати, и в пушкинской «Капитанской дочке», стилизованной под записки дворянина екатерининской эпохи, в полном соответствии с исторической правдой, Гринев также не воспринимает борьбу с Пугачевым (при всей симпатии к последнему) как гражданскую войну.

Рождение русского национализма

Тем не менее, несмотря на все вышеописанное, именно дворянство создало русский националистический дискурс. А.Гринфельд, правда, акцентирует первенствующую роль в этом деле интеллектуалов-разночинцев вроде В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова²³. Ей возражает В.М. Живов, считающий, что и тот, и другой не были националистами и воспевали не русскую нацию, а Российскую империю²⁴. По поводу Ломоносова можно было бы и поспорить, но в данном случае это не принципиально, ибо главные идеологемы русского национализма, сформулированные в начале XIX в. и определившие все его дальнейшее развитие, не имеют никакой генетической связи с построениями Михаила Васильевича. А творцами этих идеологем являются — все как один — представители «благородного сословия»: Н.М. Карамзин, А.С. Шишков, С.Н. Глинка, Ф.В. Ростопчин, лидеры декабризма.

А.Гринфельд видит причину обращения дворян к национализму в кризисе дворянской идентичности, якобы обесценивавшейся из-за постоянного расширения сословия за счет выходцев из низов, в неуверенности сословия в своем колеблющемся социальном статусе²⁵. Этот тезис нуждается в серьез-

²⁰ Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 122.

²¹ Нефедов С.А. Указ. соч. С. 181.

²² Мафасинова Е.Н. Указ. соч. С. 228, 291.

²³ Гринфельд А. Национализм. Пять путей к современности. М., 2008. С. 230–235.

²⁴ Живов В.М. Указ. соч. С. 135.

²⁵ Гринфельд А. Указ. соч. С. 207–212.

ном уточнении. Да, дворянство стремилось к пересмотру своей сословной идентичности, но не потому, что боялось девальвации последней, а потому, что стремилось поднять ее на новый, более высокий уровень, наполнив ее политическим содержанием. «Благородное сословие» предстает отнюдь не страдательной (как получается у Гринфельда), а наступательной стороной, время от времени вынужденной переходить к обороне. Каждый помещик был почти неограниченным государем в своем имении²⁶, дворянская корпорация фактически контролировала власть в провинции и «для того, чтобы сделаться могущественным политическим сословием и властно влиять на судьбы русского народа и Русского государства, дворянству не хватало лишь одного — ограничения прав самодержавной власти монарха и участия в законодательстве и верховном государственном управлении»²⁷. Но на такие уступки самодержавие никак не могло

пойти, настолько они противоречили его «надзаконной», «автосубъектной» сущности²⁸. Между монархией и дворянством, начиная с Екатерины II, шла сложная и напряженная игра: «Против политических требований дворянства правительство всегда выдвигало крестьянский вопрос. Боязнь отмены крепостного права и потери, таким образом, социальной почвы под ногами заставляла дворянство, в его целом, постоянно склоняться перед императорской властью»²⁹. Рождение русского национализма непосредственно связано с перипетиями этой игры.

Той части русского дворянства, которая хотела «властно влиять на судьбы русского народа и Русского государства» не в пределах, указанных самодержавием, а по своему собственному усмотрению, была необходима новая формула своей политической легитимности вместо «царевых слуг». Идея нации как демократически организованного суверенного народа, основополагающая для французской просветительской культуры, которой духовно питалось русское дворянство, пришлась как нельзя кстати. Первостепенным было влияние Руссо, причем не только на декабристов, но и на консерваторов — прежде всего на Карамзина и С.Глинку и, опосредованно, на Шишкова и Ростоचना, благо «идеи Руссо <...> паразитительно податливы для дискурсивных манипуляций, так что любая реакция на Просвещение выступает как возможная реконцептуализация Руссо. Наряду с революционным Руссо существовал и Руссо антиреволюционный, использовавшийся в 1790–1793 годах противниками фран-

²⁶ К.П. Победоносцев писал: «Помещичье село представляется как бы маленьким государством посреди большого; нельзя не заметить, каких усилий и трудов стоит центральной власти проникнуть в это маленькое государство, утвердить там свою силу, исполнить свое распоряжение. Сплошь да рядом мы видим, что помещик в своем имении в течение нескольких лет безнаказанно упорствует в неисполнении всех требований правительства, господствует с полным произволом над своими крестьянами и даже, с помощью этого господства, открыто восстает против общественной власти... Сильный помещик всех посильных от суда встречает так, как домохозяин встречает шайку грабителей; с бранью и ругательством, с дубьем и оружием «собрався со своими крестьяны» (цит. по: *Романович-Славатинский А.В.* Указ. соч. С. 361). Например, богатый воронежский помещик граф Девиер «в конце царствования Екатерины II перестрелял из двух пушек весь ехавший к нему земский суд» (Там же. С. 362).

²⁷ *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 29–30.

²⁸ См.: *Фурсов А.И.* Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilis in mobile (социальная философия русской власти) // Феномен русской власти: преемственность и изменение. М., 2008.

²⁹ *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. СПб., 2000. С. 248.

цузских революционеров <...> в своих идеологических целях»³⁰.

Впрочем, французский контекст имел не только культурное, но и политическое измерение: революция, провозгласившая «третье сословие» единственной подлинной нацией, а аристократию — чужеродным наростом на ее теле, заслуживающего хирургического удаления, явилась грозным аргументом против высокомерия «благородных» по отношению к «подлым», да и память о «маркизе Пугачеве» была еще свежа.

Еще одним немаловажным фактором «национализации» русского дворянства был «глубокий и жестокий антагонизм между русскими и нерусскими дворянами» в многоэтнической империи³¹, что не удивительно, ибо «так называемые инородцы составляли около половины всего потомственного российского дворянства»³²; их приток

заметно усилился в конце XVIII — начале XIX в., когда в состав империи вошли земли Речи Посполитой и Грузия, то есть именно в период генезиса русского национализма³³.

Особенное раздражение вызывали привилегии балтийских немцев, так называемых «остзейских баронов»³⁴.

западнорусского, — 24%, происхождения немецкого, западноевропейского — 25%, происхождения татарского и вообще восточного — 17% и 1% остается неопределим» (Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 2. С. 193). Этот пестрый конгломерат, однако, переплавился в некое единство, но то, что удавалось в донационалистическую эпоху, не могло получиться в эпоху торжества национализма. Впрочем, большой (и видимо неразрешимый) вопрос: а не сыграла ли этническая многокомпонентность русского дворянства определенную роль в его социокультурном отчуждении от остального народа?

³⁰ Живов В.М. Указ. соч. С. 116. См. также: Зорин А.А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 167–172.

³¹ Рибер А. Социальная идентификация и политическая воля: русское дворянство от Петра I до 1861 г. // П.А. Зайончковский. 1904–1983. Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 286.

³² Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 49. По переписи 1897 г. русский язык назвали родным около 53% потомственных дворян, польский — 28,6; грузинский — 5,9; турецко-татарский — 5,3; литовско-латышский — 3,4; немецкий — 2,04; другие — 3 (Там же. С. 48–49). Любопытно в этой связи заметить, что и само русское дворянство в Московский период формировалось из представителей разных этносов: Ключевский подсчитал по Бархатной книге (конец XVII в.), что из 930 фамилий столбовых дворян, в ней перечисленных, «фамилий русских, то есть великорусских, оказывается 33%, происхождения польско-литовского, то есть в значительной степени

³³ «Русские дворяне обвиняли своих конкурентов на западе, востоке и юге в том, что они никогда по-настоящему не служили государству и обществу с благородными намерениями, что они заботились об обустройстве своих собственных гнезд и сохраняли враждебные чувства по отношению к государству на протяжении поколений. <...> Среди русских дворян широко было распространено убеждение, что польские короли и мусульманские ханы жаловали дворянство целым деревням крестьян, которые тем не менее оставались крестьянами. Эти псевдодворяне были нечестны и паразитически настроены; утверждалось, что среди польской шляхты и татарских мурз было распространено конокрадство больше, чем среди крестьян. Русские дворяне жаловались, что порядок получения дворянства постоянно нарушался, в особенности Польской ассамблеей благородных депутатов, которая выдавала патенты с целью увеличения числа ее членов» (Рибер А. Указ. соч. С. 286).

³⁴ Декабрист М.С. Лунин остроумно заметил, что употребление в правительственных документах названия *Остзейские губернии* (то есть губернии *Восточного моря*) по отношению к прибалтийским провинциям аб-

Немецко-балтийское дворянство «по своей истории, по своим исконным правам и по своей культуре <...> считало себя призванным не только не подчиняться национальным основам русского государственного строя, но даже германизировать, вводить свои начала в этот строй. Оно считало себя добрым гением русской земли, миссия которого распространять в ней западноевропейскую цивилизацию. <...> Вообще, насколько привилегии шляхетства остзейского были выше тех, которыми в это время пользовалось шляхетство в России, можно видеть из того, что некоторые иноземцы <...> готовы были принять русское подданство, но с условием наделения их преимуществами остзейского дворянства <...> Заматеревшее в своих обычаях, как выразился о нем совет в 1787 г. <...> шляхетство остзейское всегда крепко стояло за свои особенности и отклоняло введение тех мер, которые принимались в других частях империи»³⁵. А.И. Дельви́г (двоюродный брат поэта), сам немец по происхождению, откровенно пишет в своих мемуарах о «ненависти» «остзейских дворян, моих земляков, к России, к которой присоединены более 150 лет, но не признают ее своим отечеством, а служат, как они говорят, не ей, а государю, и этой преданностью эксплуатируют в свою пользу всю русскую землю»³⁶. Но несмотря на это (точнее, именно поэтому) российские императоры охотно привечали балтийских баронов и доверяли им ключевые посты в имперской администрации. Известна апокрифическая фраза Николая I: «Русские дворяне

сурдно, ибо «Балтийское море не на востоке России; следовательно это наименование, заимствованное от немцев, не совсем прилично для России» (Лунин М.С. Письма из Сибири. М. 1987. С. 25–26).

³⁵ Романович-Славатинский А.В. Указ. соч. С. 89–90, 91.

³⁶ Дельви́г А.И. Мои воспоминания. Т. 2. М., 1912. С. 212.

служат государству, а немецкие нам». Довольно откровенно ее смысл поясняет фрагмент из донесения Ф.В. Булгарина в III Отделение (1827), где в ту пору как раз заправляли Бенкендорф и фон Фок: «Остзейцы вообще не любят русской нации — это дело неоспоримое. Одна мысль, что они будут когда-то зависеть от русских, приводит их в трепет... По сей же причине они чрезвычайно привязаны к престолу, который всегда отличает остзейцев, щедро вознаграждает их усердную службу и облакает доверенностью. Остзейцы уверены, что собственное их благо зависит от блага царствующей фамилии и что они общими силами должны защищать Престол от всяких покушений на его права. Остзейцы почитают себя гвардией, охраняющей трон, от которого происходит все их благоденствие и с которым соединены все их надежды на будущее время. Здесь бы растерзали человека, который бы вздумал открыть план заговора или что подобное»³⁷. То есть в отличие от русских дворян, стремившихся стать полновластными хозяевами России, немцев вполне устраивала роль наемников, что, в свою очередь, совершенно устраивало самодержавие. При Николае I девятнадцать из ста тридцати четырех членов Государственного совета были «остзейцами»³⁸.

По той же причине имперская власть активно привлекала на службу иностранцев, причем последние «обычно получали более высокие оклады, чем русские чиновники»³⁹. Всего доля иностранцев среди высших чиновников в начале XIX в. составляла 8%⁴⁰. Недо-

³⁷ Цит. по: Беззюкина С.В. «Немцы» против «Европейца» // Москва. 2009. № 3. С. 206.

³⁸ Кантелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 100.

³⁹ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 260

⁴⁰ Кантелер А. Указ. соч. С. 100.

вольство русских дворян «иноземным засильем» проходит практически через весь Петербургский период отечественной истории. «Немцы нелюбимы в нашей армии... Они интриганы, эгоисты и держатся друг друга как звенья одной цепи», — говорится в одном документе второй половины XVIII века⁴¹. «Государь! — обращался в 1807 г. к Александру I автор анонимной записки. — <...> Отдалите от себя толпу иностранцев, которые подобно хищным вранам питаются ранами отечества нашего. Вы всего можете ожидать от истинно русских»⁴². С.Р. Воронцов в письме Ф.В. Ростопчину (1813) сетовал на правительство, «которое, руководимое немцами и ливонцами, само вводило к нам пороки»⁴³. Декабрист П.Г. Каховский писал на имя Николая I из заключения, незадолго до казни (1826): «Далек я, чтобы оправдывать леность, нерадение и беспечность дворянства русского. Но со всем тем нельзя не заметить, что тому причиной есть явное предпочтение, делаемое Правительством всем иностранцам без разбору. На этот раз я укажу только на Корпус инженеров водяной ком[м]уникации, там все офицеры, перешедшие к нам из иностранной службы, находятся на жалованьи огромном; но пользы от них мало, или, лучше сказать, нет никакой. Все работы производятся инженерами русскими, куда же были употреблены иностранцы, везде работы были не успешны до того, что граф Воронцов принужден был для работ в Одессу просить именно инженеров русских. <...> Я заметил инженеров, чтобы ближе указать делаемое предпочтение Правительством иностранцам. — Мне мало известны способности государственных людей, но как ревностному сыну отечества простиительно надеяться, что у нас, конечно, нашлись бы русские заместить места государственные,

которыми теперь обладают иностранцы. Очень натурально, что такое преобладание обижает честолюбие русских и народ теряет к Правительству доверенность»⁴⁴.

Наконец, важнейшим катализатором, так сказать, «повивальной бабкой» русского национализма явились войны с наполеоновской Францией. Первоначальное воодушевление; позор Тильзитского мира; страстное желание реванша; ненависть к врагам, вторгшимся на территорию России и покушающимся на все дорогое в жизни каждого русского дворянина⁴⁵; небезосновательный страх перед возможной «пугачевской» реакцией «подлого народа» на гипотетическую отмену Наполеоном крепостного права⁴⁶; вос-

⁴⁴ Цит. по: Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906. С. 20–21.

⁴⁵ Это замечательно схвачено Толстым в разговоре князя Андрея с Пьером накануне Бородинской битвы. А вот цитата из подлинного письма К.Н. Батюшкова 1812 г.: «Мщениа, мщениа! Варвары, вандалы! И этот народ извергов осмелился говорить о свободе, о философии, о человеколюбии! И мы до того были ослеплены, что подражали им как обезьяны! <...> Алексей Николаевич [Оленин] совершенно прав; он говорил назад три года, что нет народа, нет людей, подобных этим уродам, что все их книги достойны костра, а я прибавлю: их головы — гильотины» (*Батюшков К.Н. Избранная проза. М., 1988. С. 336–337*).

⁴⁶ Ростопчин начал паниковать еще в 1806 г., в письме Александру I он заметил по поводу манифеста о составлении временных ополчений или милиции, что милиция помещает «врагу всемирному», Наполеону, войти в Россию, но все это вооружение обратится «в мгновение ока в ничто, когда толк о мнимой вольности подымет народ на приобретение оной, истреблением дворянства, что есть, во всех бунтах и возмущениях, единая цель черни, к чему она ныне еще поспешнее устремится по примеру Франции и бьв к сему уже приготовлена несчастным просвещением, коего неизбежные следствия есть гибель закона и

⁴¹ См.: Там же. С. 99.

⁴² Цит. по: *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 75.

⁴³ Там же. С. 135.

царей». Наполеон действительно размышлял в 1812 г. над освобождением крепостных в России, но так и не решился на это. Но даже слухи о том, что «француз хочет сделать всех вольными», вызвали весьма значительные народные волнения. Например, «помещик Дорогобужского у[езда] Павел Лыкошин, спасавшийся от французов с дворовыми людьми в Бельском уезде, был извещен, что крестьяне его вотчины взбунтовались и не признают русских властей. Лыкошин со своими дворовыми и дорогобужским дворянином Бедряевым отправился в свое бельское имение, но крестьяне убили и своего барина, и Бедряева, а дворовых отпустили, сильно избив. Полковник Дибич, стоявший со своей командой в г. Белом, послал ее на место волнения, оно было усмирено, некоторые из участников его приведены в город, и Дибич двух из них расстрелял, а остальных подверг телесному наказанию. <...> 4 ноября тверской губернатор Кологривов отправил в Сычевский, Вяземский, Гжатский и Бельский уезды чиновника Лукина и предписал ему в тех селениях, где крестьяне “возмечтали, что они принадлежать могут французам навсегда”, делать им внушения о возвращении на путь истинный, а если они не будут повиноваться, то подвергать их строгому наказанию и отсылать под караул к соседним обывателям до изъявления раскаяния. В Поречском уезде, часть которого была занята французскими войсками, некоторые селения перестали подчиняться русским властям и считали себя подданными французов, но постепенно были усмирены, и главные виновные строго наказаны. <...> По словам тверского помещика Вилькинса, некоторых дворян, желавших скрыться, их собственные крестьяне выдавали французам, “на других делали им же доносы, иных сами грабили, даже били”. <...> Ростопчин доносил государю (в сентябре 1812 г.), что “<...> многие <...> крестьяне Московской губ[ернии], утверждали одни, что они свободны, другие, что они подданные Наполеона”. Показателен в отношении «национального единства» сословий бунт Пензенского ополчения. «В Инсаре воины третьего полка потребовали приведения их к присяге и чтения манифеста, по которому было создано ополчение. Он был

хищение «дубиной народной войны»; восторг и самоупоение от победы над непобедимым доселе никем противником и от роли «освободителей Европы» — десятилетие между 1805 и 1815 гг. превосходит по своей насыщенности экзистенциальными переживаниями все остальное XIX столетие. И именно в это десятилетие сформировались обе версии русского национализма — традиционалистская и модернистская.

Строго говоря, программа традиционалистов была намечена Карамзиным еще в публицистике «Вестника Европы» 1802–1803 гг. Автор «Бедной Лизы», бывший в молодости дворянским конституционалистом и участником ари-

прочитан, но они не поверили ему, так как на нем не было красной печати, а в ответ на объявление, что их поведут в поход, они сказали: “Вы обманываете нас: мы не присягали, а без того нельзя солдату быть и в походе, да и собирать нас государь не велел, а требовал одних дворян; но вы ведете нас вместо себя”. Ратники проклинали дворян, кричали, что отведут их к казакам, которые приехали, чтобы их судить и виноватых повесить. Одна старуха из крепостных в Инсарском уезде сказала офицеру, желавшему спастись на мельнице, где она служила: “Это не Пугачево: тогда вас не всех перевешали, а нынче уж не вывернетесь! Нет, полно вам властвовать!” Пришедшим крестьянам она так объяснила причины “потехи” в Инсаре: “Государь велел одним дворянам идти под Франца”, а “наши дворяне вздумали послать за себя проливать кровь своих крестьян, а сами хотели остаться дома; государь узнал об этом, прогневался на них и велел их всех перевешать”. Сын ее был накануне в городе и “своими глазами видел о том царский указ с золотою печатью” и слышал, что такие указы разосланы везде. Крестьяне с радостью слушали эти слова и “ругательство на весь дворянский род”» (*Семевский В.И.* Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войной // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 5. [<http://www.museum.ru/museum/1812/Library/sitin/contents5.html>]). А что бы произошло, если бы Наполеон все-таки решился «дать волю»?

стократической оппозиции политике Екатерины II⁴⁷, под влиянием ужасов Французской революции перешел на позиции осторожного и трезвого реализма, полагающего, что без самодержавия дворянству грозят страшные потрясения. Но, с другой стороны, и монархия должна уважать неотъемлемые права «благородного сословия». Первые консервативные декларации будущего историографа явились непосредственной реакцией на реформаторские планы Александра I, предполагавшие, в том числе, и «уничтожение рабства». Весьма характерна, скажем, статья 1802 г. «Приятные виды, надежды и желания нашего времени». Подчеркивая, что «дворянство есть душа и образ всего народа», Николай Михайлович тем не менее включает в нацию и другие сословия, рисуя идиллию полного общественного согласия: «Наше среднее состояние успевает не только в искусстве, но многие из купцов спорят с дворянами и в самых общественных сведениях. Кто из нас не имел случая удивляться их любопытству, здравому рассудку и патриотическим идеям? Они чувствуют более нежели когда-нибудь важность прав своих и никому не завидуют. Сельское трудолюбие награждается ныне щедрее прежнего в России, и чужестранные писатели, которые беспрестанно кричат, что земледельцы у нас несчастливы, удивились бы, если бы они могли видеть их возрастающую промышленность и богатство многих; видеть так называемых рабов, входящих в самые торговые предприятия, имеющих доверенность купечества и свято исполняющих свои коммерческие обязательства! Просвещение истребляет злоупотребление господской властью, которая и по самым нашим законам не есть тиранская власть. Российский дворянин дает нужную

землю крестьянам своим, бывает их защитником в гражданских отношениях, помощником в бедствиях случая и природы: вот его обязанности! Зато он требует половины рабочих дней в неделю: вот его право!»⁴⁸. Здесь уже сформулирована важнейшая идеологема традиционалистов: и дворяне, и крестьяне — члены единого национального организма, выполняющие разные функции, причем, одна из важнейших функций дворянства — быть опекуном и покровителем крестьянства. Отмена же крепостного права ни к чему хорошему не приведет, об этом Карамзин в следующем году напишет специальную статью «Письмо сельского жителя», в котором от лица вымышленного героя Луки Еремеева рассказывается о неудачном либеральном эксперименте в принадлежащей ему деревне: «Воля, мной им [крестьянам] данная, обратилась для них в величайшее зло: то есть в волю лениться, предаваться гнусному пороку пьянству». «Истинное благополучие земледельцев» «Лука Еремеев» видит в том, чтобы они имели «добрых господ и средство просвещения, которое одно сделает все хорошее возможным»⁴⁹. Перед нами та же ло-

⁴⁸ Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 91, 88.

⁴⁹ См.: Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина // Лотман Ю.М. Карамзин. С. 342–343. Любопытны комментарии «Вестника Европы» по поводу рабства негров в Америке (аллюзии с крепостным правом в России были очевидны для современников), например, в статье «Письмо из Балтимора» сообщалось, что «негр Северной Америки есть счастливый работник, имеющий все нужное для жены и детей своих и живущий без забот». Сочувственно сообщалось о сохранении Наполеоном рабства во французских колониях, поскольку восстание негров показало, что они не умеют пользоваться свободой. Проводилась мысль, что освобождению рабов должно предшествовать длительное просвещение, что невозможно дать свободу «дикому», «непросвещенному» народу. (См.:

⁴⁷ См.: Лотман Ю.М. Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. (К генезису исторической концепции Карамзина) // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997.

гика противников отмены крепостного права, что и в XVIII в., крестьяне продолжают восприниматься как объект эксплуатации и попечения, но акценты смягчены, так сказать, «сентиментализированы». Стоит напомнить и о политическом контексте «Письма сельского жителя»: 20 февраля 1803 г. был издан указ Александра I о «вольных хлебопашцах», по которому все желающие помещики могли освобождать своих крестьян с землей. Г.В. Вернадский полагает этот указ ответом императора «на дворянские притязания Сената» — сосредоточия дворянской оппозиции, пугающим призраком «красной грамоты» (освобождения крестьян)⁵⁰. Статья Карамзина — идеологический ответ дворянства на эту акцию (практическим же ответом стало 0,3% крепостных, освобожденных помещиками в течение двадцати лет)⁵¹.

Но с 1803 г. Карамзин «постригается в историки», и его публицистическая деятельность приостанавливается, важнейший манифест русского традиционализма — «Записка о древней и новой России» (1811) создавалась для личного предоставления ее Александру I и была известна крайне ограниченному кругу лиц, а потому, по сути, не участвовала в генезисе традиционалистского национализма. Решающую роль в этом генезисе сыграла гораздо менее интеллектуально изощренная публицистика А.С. Шишкова, С.Н. Глинки⁵² и Ф.В. Ростопчи-

на. Несмотря на весь свой социальный консерватизм, Шишков и Ростопчин парадоксальным образом оказались своеобразными «народниками», пытаясь в своих текстах, предназначенных для агитационных целей, воспроизвести стихию простонародной речи. Пресловутые ростопчинские «афишки» и вовсе стали, вероятно, первым опытом политического диалога «благородных» с «подлыми». Герой одной из них, «московский мещанин, бывший в ратниках, Карнишка Чихирин, выпив лишний крючок на тычке», дает такую формулу единой нации: «все молодцы: одному Богу веруют, одному царю служат, одним крестом молятся, *все братья родные* (здесь и в последующих цитатах из Ростопчина курсив мой. — С.С.)»⁵³. Некоторые афишки напрямую обращены к «крестьянам Московской губернии» и призывают их к вооруженной борьбе с оккупантами в типичном для традиционалистского национализма духе: «Почитайте начальников и помещиков; они ваши защитники, помощники, готовы вас одеть, обувь, кормить и поить. Истребим достальную силу неприятельскую, погребем их на Святой Руси, станем бить, где ни встренутся. Уж мало их и осталось, а нас сорок миллионов людей, слетаются со всех сторон, как стада орлиные»; царь — «отец, *мы* дети его, а злодей француз — некрещеный враг»⁵⁴. Но, пожалуй, радикальнее всего дворянский взгляд на нацию пересмотрел Глинка, по мнению которого «большая часть помещиков и богатых людей» из-за оторванности от русских традиций и пристрастия ко всему иностранному образовала в России «*область инопле-*

Лотман Ю.М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-политическая борьба его времени // Там же. С. 709).

⁵⁰ Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 248–249.

⁵¹ См. Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 5. С. 236.

⁵² А.А. Зорин отмечает важность для формирования националистического дискурса поэм «шишковиста» С.А. Ширинского-Шихматова и С.Н. Глинки, посвященных Минину и Пожарскому, где в отличие от произведений Озерова или Хераскова, изображавших «национальное единение как союз

князей», описывается «история возникновения народа», внутри которого «сохраняются сословные перегородки, но общий духовный порыв сплачивает его воедино» (Зорин А.А. Указ. соч. С. 175).

⁵³ Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 209, 210.

⁵⁴ Там же. С. 219–220.

менную» Хранителями же народных устоев у него выступают социальные низы, в первую очередь добродетельные «поселяне»⁵⁵. В своих «Записках» Глинка утверждает, что решительный перелом в его мировоззрении, под влиянием которого он затем стал издавать патриотический журнал «Русский вестник», произошел под влиянием общения с простыми русскими солдатами в 1807 г.: «Что же почувствовал я, видя порыв души богатырей русских? Они подарили меня сокровищем обновления мысли. Мне стыдно стало, что доселе, кружась в каком-то неведомом мире, не знал я ни духа, ни коренного образа мыслей русского народа»⁵⁶. Все эти рассуждения явно предвосхищают славянофильство.

Не столь заметным в начале XIX в. было модернистское направление дворянского национализма, основанное на либеральном прочтении просветительской философии. В отличие от традиционалистов — *попечителей* народа, модернисты позиционировали себя как его *освободители*. Вероятно, самый видный идеолог этого направления А.С. Кайсаров в 1806 г. защитил и опубликовал на немецком языке в Геттингене докторскую диссертацию «Об освобождении крепостных в России», в которой понимание того, что такое нация, пересматривалось еще кардинальней, чем у Глинки: «Уже давно дворяне считают, что в них заключается высшая сила и крепость нации, но последние 20 лет приносят обильные доказательства, что она заключена во всем народе

в целом, что им [дворянам] не следует приписывать почти никакого значения и что они зависят от простого народа. В составе нации гораздо больше следует ценить того, кто приносит какую-либо пользу государству, чем того, кто как трутень занят тем, что растрчивает плоды чужого труда. Кто же не понимает, что первое место в народе стоит отвести крестьянину? Ибо он, сам ни в ком не нуждаясь, снабжает всех средствами к жизни». Русские дворяне, по Кайсарову, ущербны и этнически (они потомки «татар, немцев и поляков»), и морально, и физически (их здоровье подорвано излишествами и развратом). Крестьяне же отличаются «чистотою нравов» и «телом, не изнеженным роскошью»⁵⁷. Вообще же, Андрей Сергеевич представлял собой прообраз большинства последующих националистов: боролся против немецкого засилья в Прибалтике, увлекался русской стариной, ратовал за славянское единство... Во время Отечественной войны Кайсаров составлял листовки для народа при штабах Барклая-де-Толли и Кутузова, в одной из которых крестьяне именуются не иначе как «почтенные граждане»⁵⁸. Погиб в бою с французами, будучи офицером партизанского отряда.

Таким образом, в обеих версиях дворянского национализма — традиционалистской и модернистской — понятие нации приобрело новый смысл, оно включало теперь в себя все сословия. Более того, не только модернисты, но и некоторые традиционалисты признали основой нации самый многочисленный и самый социально униженный слой русского общества — крестьянство. То есть «демократизация» националистического дискурса произошла уже в начале XIX в., в дальнейшем же она только усиливалась у модернистов — декабристов и западников, и тради-

⁵⁵ См.: *Володина Т.А.* Сергей Николаевич Глинка // Против течения: исторические портреты русских консерваторов. Воронеж, 2005. С. 152.

⁵⁶ *Глинка С.Н.* Записки. М., 2004. С. 256. Глинка (в отличие от убежденных крепостников Карамзина, Ростопчина и Шишкова) был даже не против освобождения крестьян; стоит, правда, отметить, что сам он последними не владел, зарабатывая на жизнь, по сути, профессиональным трудом интеллектуала.

⁵⁷ Цит. по: *Лотман Ю.М.* Андрей Сергеевич Кайсаров... С. 718–719.

⁵⁸ Там же. С. 797.

ционалистов — славянофилов. Важно отметить, что славянофилы, создавшие наиболее масштабную и разработанную националистическую идеологию в русской дореформенной мысли, в отличие от традиционалистов первого призыва, уже включают в свою программу в качестве важнейшего пункта отмену крепостного права. Крестьянская реформа 1861 г. (а отчасти земская и судебная тоже), подготовленная совместно западниками и славянофилами, стала не только социальным переворотом, но и реализацией теоретически (и мифологически) разработанного «националистического проекта» (М.Д. Долбилов⁵⁹). Пореформенный национализм «почвенников» (А.А. Григорьева и Ф.М. Достоевского), М.Н. Каткова и И.С. Аксакова лишь конкретизировал идеологемы, созданные в первой половине столетия.

Националистический дискурс и социальная практика

Совершенно очевидно, что основные модели русского националистического дискурса были созданы либо потомственными дворянами, либо дворянами — выходцами из других сословий, но творившими в рамках дворянской культуры (М.П. Погодин, Н.И. Надеждин, В.Г. Белинский, А.А. Григорьев, М.Н. Катков). Даже революционный национализм «русского социализма» сформулировали дворяне А.И. Герцен, Н.П. Огарев и М.А. Бакунин. Иные социальные группы так и не преодолели эту идеологическую монополию «благородного сословия».

В разночинско-интеллигентской антидворянской контркультуре 1860-х гг. и сменивших ее народничестве и марксизме национализм если и присутствовал, то только контрабандой, ибо для всех этих идеологий точкой отсчета были права и интересы «народа»

⁵⁹ См.: *Земскова Е.* Круглый стол «Национализм в императорской России: идеологические модели и дискурсивные практики» // Новое литературное обозрение. 2002. № 57.

(плебса), понимаемого не как органическая часть нации, а как дискриминированный социальный слой. Дворянские националисты же могли сколь угодно резко критиковать оторванность верхов от низов, но у них речь шла не об уничтожении социального неравенства как такового (а уж тем более не об ампутации большой части национального «тела»), а о духовно-культурном «перевоспитании» элиты, благодаря которому она сможет найти общий язык с «народом», чему должно служить и уничтожение наиболее одиозных социальных практик господствующего сословия. Только в конце 1870-х — начале 1880-х гг. в публицистике газеты А.С. Суворина «Новое время» начала вырисовываться первая «недворянская», «буржуазная» версия русского национализма, но теоретическое оформление она получила лишь в начале XX в., так же как и интеллигентский национализм П.Б. Струве и других «веховцев». До самого 1917 г. дворянский национализм не был полностью вытеснен с идеологической арены.

Итак, в течение XIX в. дворянство было хозяином националистического дискурса, претендуя на роль выразителя воли всей нации. Можно ли сказать, что оно при этом отреклось от своих сословных интересов? Про ранних традиционалистов типа Карамзина и Ростопчина и говорить нечего, эти интересы ими почти не скрывались. Но как оценить с этой точки зрения декабристов, убежденных противников крепостного права, сторонников демократизации общественной жизни и политического строя? В русской историографии и общественной мысли, тем не менее, есть авторитетная традиция, видящая в декабризме прямое продолжение «старой шляхетской привычки мешаться в политику»: «Изменились с XVIII в. общественные условия и строй понятий; в зависимости от этого получила новый вид организация и внутренний характер движения дека-

бристов. Вместо сплошной дворянской массы XVIII в. гвардейское солдатство стало в XIX в. разночинным; но офицерство, втянутое в движение, было по-прежнему сплошь дворянским, и оно думало в своих видах руководить гвардейской казармой. Вместо прежних династических и случайных целей того или иного движения декабристы под видом вопроса о престолонаследии преследовали цели общего переворота. Но от этого не менялся общий смысл факта: представители сословия, достигшего исключительных сословных льгот, теперь проявили стремление к достижению политических прав» (С.Ф. Платонов)⁶⁰; «Восстание декабристов было, по существу, попыткой — перевести шляхетские замыслы XVIII в. на язык передовой европейской мысли XIX века и осложнить и дополнить постановку политических задач проблемами социальными (освобождение крестьян)» (П.Б. Струве)⁶¹. «Сами декабристы генеалогию своих идей вели вовсе не с Робеспьера и даже не с Радищева, но с “верховников” и Екатерины II, действительно, в истории “аристократического конституционализма” в России было гораздо больше и идейных, и тактических совпадений с декабризмом (особенно это касается переворота 11 марта 1801 г.), чем в истории революционного движения XIX — начала XX в.» (В.М. Бокова)⁶². Иными словами, декабристы в продолжение политической игры дворянства и самодержавия, сделали нетривиальный ход, перехватив инициативу выдвижения крестьянского вопроса у монархии, использовавшей его для сдерживания политических appetитов «благородного сословия». Передовая

часть дворянства в лице декабристов решила обменять крепостное право (в недалекой перспективе все равно обреченное) на участие в руководстве государством⁶³.

При чтении славянофильских деклараций возникает ощущение, что их авторы настолько преклоняются

⁶³ См. любопытные признания некоторых декабристов в их письмах Николаю I из заключения. А.А. Бестужев-Марлинский: «Что же касается собственно, до меня, то быв на словах ультра-либералом, дабы выиграть доверие товарищей, я внутренне склонялся в Монархию, аристократией умеренной. Желая блага отечеству, признаюсь, не был я чужд честолюбия. И вот почему соглашался я на мнение Батен[ъ]кова, что хорошо было бы возвести на престол Александра Николаевич [старшего сына Николая I, будущего Александра II]. Лястя мне, Батен[ъ]ков говорил, что как исторически дворянин и человек, участвовавший в перевороте, я могу надеяться попасть в правительственную аристократию, которая при малолетнем Царе произведет постепенное освобождение России. Но как мы оба видели препятствие в особе Вашего Величества — истребить же Вас, Государь, по чести никогда не входило мне в голову, то в решительные минуты обратился я мыслью к Государю Цесаревичу, считая это легчайшим средством к примирению всех партий и делом, более ласкавшим мое самолюбие, ибо я считал себя конечно не хуже Орловых, времен Екатерины». Г.С. Батеньков: «История свидетельствует, что Россия благоденствовала всегда при монархах сильных, но имевших некоторые предостережения. С одной стороны, где монарх стоял прямо перед демократиею, там были непрерывны позорища мятежей; с другой же, где все предостережения для монарха исчезли, там являлся тиран, нарушающий общее и частное благо. Сыздавна существовали в России бояре, уваженные народом и сильные в делах. <...> Из сего заключал я, что сильное вельможество нам свойственно и необходимо. Сверх сего существует оно во всех славянских народах, нам единоплеменных» (Из писем и показаний декабристов. С. 42–43, 48).

⁶⁰ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 672–673.

⁶¹ Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 464.

⁶² Бокова В.М. От составителя // Декабристы и их время. М., 1995. С. 13.

перед русским крестьянством, что готовы быть послушными проводниками его стремлений. На самом же деле, в условиях абсолютной крестьянской безгласности, славянофилы вполне самозвано присваивают себе престижную роль толкователей народной воли, тем самым придавая особую весомость своим теоретическим построениям. О том, что крестьянские чаяния весьма далеки от славянофильских, свидетельствует негативная реакция «поселян» на реформу 1861 года, при проведении которой реформаторы-славянофилы строго блюди помещичьи (а значит, и свои) материальные интересы⁶⁴.

⁶⁴ Особенно впечатляют рекомендации певца «соборности» А.С. Хомякова по взиманию с крестьян выкупных платежей (1859 г.): «Считаю своим долгом прибавить, что взыскание годовой уплаты по совершенным выкупам должно быть с миров и производимо с величайшей строгостью, посредством продажи имущества, скота и т.д. особенно же посредством жеребьевого рекрутства с продажей квитанций не с аукциона (ибо это унижительно для казны), но по положенной цене, с жеребьевым розыгрышем между покупщиками. В случае крайней неисправности должно допустить выселение целых деревень в Сибирь, с продажей их земельного надела; но таких случаев почти не может быть. В этом деле неумолимая и, по-видимому, жестокая строгость есть истинное милосердие» (цит. по: Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого. М., 1992. Вып. 2. С. 35–36). В крестьянском вопросе, комментирует А.Валицкий, проекты Хомякова «явно противоречили основным принципам славянофильской утопии: вопреки ее антикапиталистическому духу Хомяков не ставил вопроса, как предотвратить развитие капитализма в России, но заботился лишь о том, чтобы это развитие было по возможности менее неблагоприятным для помещичьего дворянства <...> Такую же позицию заняли в крестьянском вопросе славянофильские деятели, непосредственно занятые подготовкой реформы, — Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев и

Замечательным примером влияния дворянских сословных интересов на националистический дискурс является толстовская «Война и мир» — величайший памятник русской националистической мифологии. Американская славистка Кэтрин Б.Фоейр в своей специальной работе, основанной на тщательном изучении черновиков великого романа, убедительно показала, что возникновение его замысла во второй половине 1850-х гг. напрямую связано с резко негативным восприятием Толстым готовящейся крестьянской реформы, как подрывающей социально-политическое положение дворянства. Художественная ткань книги подчинена жесткой авторской тенденции — прославить провинциальное дворянство и его органическую связь с простонародной почвой (вспомним хрестоматийные сцены охоты и русской пляски Наташи) в противовес придворной аристократии, столичной бюрократии и интеллектуалам-выскачкам из разночинцев⁶⁵.

В.А. Черкасский» (Там же. С. 36). См. на эту тему также насыщенные обширным фактическим материалом монографии Е.А. Дудзинской «Славянофилы в общественной борьбе» (М., 1983) «Славянофилы в пореформенной России» (М., 1994); автор, правда, преувеличивает «буржуазные тенденции» у славянофилов.

⁶⁵ Один из набросков к «Войне и миру» «показывает, насколько существенной для замысла романа была озабоченность Толстого классовыми отношениями в России: «Свет московской и петербургской заняты своими исключительными интересами, не признают людьми не Апраксиных, а горе, несчастья сближают их с *русскими* и с помещиками и с народом». Здесь Толстой по сути делит нацию на две группы. Высшее общество «двух столиц» противопоставлено помещикам и крестьянам, при этом вторую группу Толстой именует «русскими», тем самым недвусмысленно высказывая свою оценку <...> для Толстого народ (в смысле простонародья) в русском обществе играл лишь второстепен-

Таким образом, можно констатировать, что националистический дискурс использовался дворянством как средство для поддержания своего социального доминирования, в каком бы облике ни выступали идеологи дворянского национализма — как народные *попечители* или народные *освободители*, как традиционалисты или как модернисты. В этом нет ничего странного, бескорыстных социальных групп не существует. Другой вопрос — *в какой степени националистическая теория воплощалась в националистической практике?* Признание нации единым организмом предполагает не только скандирование известного набора мобилизационных лозунгов, но и конкретные шаги по социальному, правовому и культурному сближению всех частей национального целого, иначе они рискуют остаться друг для друга чужими. Насколько далеко дворянство продвинулось по этому пути?

Не будем говорить о XVIII в. — времени простодушного и беззастенчиво-

ую роль; простолюдины были объектами, а не субъектами, материалом, а не творцами. <...> Стоит, например, перечислить основных героев «Войны и мира», а затем второстепенных и третьестепенных персонажей, чтобы убедиться в том, что при этом мы все еще не выйдем за пределы дворянского круга. Платона Каратаева можно назвать исключением, но он скорее ходячая идея, чем живой персонаж, он служит лишь поводом для озарения Пьера. Каратаев играет в романе по отношению к Пьеру роль, в чем-то аналогичную той роли, что играет для князя Андрея внезапно зазеленевший дуб. В романе крестьяне играют лишь второстепенные роли, и это вполне адекватно политическому мировоззрению Толстого. Они похожи на природные силы — неразумные и бессознательные. Именно поэтому Толстой объединяет их с помещиками — дело не в том, что он интересуется желаниями крестьян или ценит их мнения: для Толстого прав тот, кто находится в гармонии с природой» (Фойер К.Б. Генезис «Войны и мира». СПб., 2002. С. 159, 160, 163).

го упоения «благородного сословия» прелестями рабовладения и статусом единственного полномочного представителя нации. Но даже после «открытия» нации как совокупности всех социальных слоев с ядром в лице крестьянства в начале XIX в. мало что меняется⁶⁶. Именно дворянство явилось главным тормозом отмены крепостного права, без чего никакое нациостроительство было невозможно⁶⁷. Причем это касается не только каких-нибудь косных собакевичей и ноздревых, но и лучших представителей интеллектуальной элиты. Кто из них воспользовался указом о вольных хлебопашцах? Из значительных фигур на память приходит только Н.П. Огарев, даже его бли-

⁶⁶ Чего стоит практика продажи русскими офицерами, служившими в Финляндии, своих крепостных местным жителям, на что в 1827 г. был наложен высочайший запрет! (См.: Романович-Славатинский А.В. Указ. соч. С. 311).

⁶⁷ Даже в 1849 г. могли появляться такого рода апологии крепостничества: «Невежество крестьян, их суеверие, закоснелость и непреодолимая привязанность к старым обычаям делают их неспособными к восприятию убеждения в законопослушностях и к сознанию непреложного долга гражданской зависимости... время, смягчив просвещением нравы дворянства, изглаживает уже и следы прежнего их обращения с крепостными людьми... но крестьяне вообще все еще остаются в том же мраке, сквозь который не проникают благотворные лучи просвещения; вера их — суеверие, исполнение обязанностей — следствие привычки, страха и зависимости; нравственность требует строгого надзора и направления; особенно, если крестьянин определяет себя ремеслу, или промышленности вне земледелия: это последнее порождает нередко разврат, своеволие и неповиновение власти. Кто же может предотвратить все эти уклонения от порядка и добрых нравов, как не помещик, имеющий ближайший надзор над всем быта простолюдина?» (некто Стунеев, ельнинский предводитель дворянства) (Там же. С. 404).

жайший друг и соратник Герцен, символ русского свободолюбия, на это не решился. Ни декабристы, ни Пушкин, ни славянофилы, ни западники не торопились подкреплять свое народолюбие личным примером. Объяснения этого факта могут быть разными, но честнее других оказался эталон либерального государственного деятеля, дворянин в первом поколении М.М. Сперанский, написавший в частном письме (1818), что боится потерять «30 000 годового дохода»⁶⁸. Когда же дело дошло до государственной реформы, помещики постарались провести ее с минимальными потерями (или даже с выгодой) для себя. В Центральном районе крестьяне потеряли 20% земли, а на Черноземье — 16%. Освобожденные «поселяне», изначально были поставлены «в условия катастрофического малоземелья. Без посторонних заработков бывшие крепостные не только не могли платить подати, но зачастую не могли прокормиться собственным хлебом»⁶⁹.

После реформы дворянство и крестьянство продолжали жить в разных социокультурных мирах, которые были законсервированы путем организации общинного устройства крестьянского быта с особым правовым и культурным полем. Лишение крестьянина права на частную земельную собственность и его обязанности по отношению к бывшим владельцам приводили к невозможности массового крестьянского переселения из переполненного центра на малозаселенные окраины. Лишь в конце XIX в. переселенческая политика активизировалась, а окончательно стала приоритетной государственной задачей только при Столыпине. Таким образом, сначала из-за крепостного права, а затем из-за его неизжитых последствий была, во-первых, сорвана возможность действительной, а не декоративной русификации окраин, а во-вторых, создан очаг социального кон-

фликта в самом центре Великороссии.

Обычно считается, что пореформенное дворянство пребывало в состоянии глубокого кризиса. Недавно эта «аксиома» была поставлена под сомнение американским историком С.Беккером, попытавшимся доказать, что к началу XX в. дворянство стало превращаться из феодального сословия в класс капиталистов-землевладельцев⁷⁰. Но и советская историография в ряде добротных исследований показывала, что хотя дворянство и потеряло много позиций, говорить о его полном упадке не приходится. Дворянское землевладение постепенно сокращается (в период с 1877–1878 по 1905 год его доля в Европейской России упала с 18,7% до 13,7%, а в частном землевладении — с 79,8% до 61,9%), но «процент его в основных землевладельческих районах оказывается более высоким, если не учитывать в значительной степени неиспользованные земельные площади северных, приуральских и юго-восточных губерний, составлявшие свыше 50% всего земельного фонда Европейской России. Во-вторых, удельный вес дворянских земель в стоимостном выражении был выше, чем в соотношении земельных площадей, составляя в 1877 г. 28,7%, а в 1905 г. — 21,3% от стоимости всей земли»⁷¹. Общая стоимость земель, находившегося в руках помещичьего дворянства в пятидесяти губерниях Европейской России в начале XX в. на 60% превышала общую массу акционерных капиталов в стране⁷². В руках помещиков-латифундистов практически полностью находилась торговля зерновыми с Европой. Дворянство продолжало занимать ключевые позиции в государственном аппарате, в

⁷⁰ Беккер С. Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004.

⁷¹ Корелин А.П. Указ. соч. С. 58.

⁷² См.: Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 12.

⁶⁸ Там же. С. 399.

⁶⁹ Нефедов С.А. Указ. соч. С. 238, 240–241.

1897 г. потомственные дворяне составляли 71,5% высших чиновников первых четырех классов и 91,9% генералов и адмиралов⁷³. Гласные губернских земских собраний на 87% состояли из потомственных дворян, причем более чем на 60% — из «крупных и крупнейших землевладельцев»⁷⁴.

Продолжая оставаться важнейшей частью элиты Российской империи, дворянство, к сожалению, не показывало пример социально (а следовательно, и национально) ответственного поведения. Достаточно посмотреть как происходила раскладка налогового бремени: «...по сравнению с другими странами, участие зажиточных слоев населения в налоговых тяготах было незначительным. Поземельный налог давал в России лишь 1,5% доходов бюджета, в то время как во Франции — 9,1%. Налог на городскую недвижимость в России давал 0,77% доходов, а налог на денежный капитал — 1,4%. В других странах эти подативходили в состав подоходного налога, который давал в Пруссии 16,4%, а в Англии — 18% доходов. Высшие классы российского общества по-прежнему пользовались привилегиями, унаследованными от эпохи крепостного права и несовместимыми с понятием о цивилизованном обществе. Нежелание высших классов нести налоговые тяготы было одним из факторов, обуславливавших финансовую слабость России. <...> В 1897 г. дворяне в среднем платили с десятины своих земель 20 коп. налогов; нищее крестьянство платило с десятины 63 коп. налогов и 72 коп. выкупных платежей, всего 1 руб. 35 коп. — в семь раз больше, чем дворяне»⁷⁵. В то время как почти половина русского этноса жила в условиях хронического недоедания, уровень потребления элиты был не-

допустимо высок: «В 1907 г. было вывезено хлеба на 431 млн. руб.; взамен были ввезены высококачественные потребительские товары для высших классов на 180 млн руб. и 150–200 млн руб. составили расходы “русских путешественников” за границей (многие представители русской знати постоянно жили во Франции). Для сравнения, в том же году было ввезено машин и промышленного оборудования на 40 млн руб., сельскохозяйственной техники — на 18 млн руб. Таким образом, на нужды индустриализации шла лишь небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта»⁷⁶.

По мнению американского историка Грегори Л.Фриза, дворянство так и не преодолело «сословную парадигму» своего развития, что стало «важнейшей преградой на пути политической модернизации царского режима»⁷⁷, то есть на пути строительства в России национального государства. Это, в частности, выразилось в яростном отрицании реформы местного самоуправления П.А. Столыпина, пытавшегося придать ему реально бессословный (то есть национальный) характер, на съездах Объединенного дворянства, в резолюциях которых подчеркивалось, что устранение сословных привилегий дворянства несовместимо с «правильной заботой о сохранении и развитии монархического начала»⁷⁸. И даже столыпинский проект введения избирательных курий по национальному (а не по сословному) признаку в земствах Западного края, для усиления в них русского элемента над польским (который был представлен шляхтой), вызвал жесткую оппозицию дворянства в Думе и Госсовете, спровоцировавшую правительственный

⁷⁶ Там же. С. 251.

⁷⁷ Фриз Г.Л. Сословная парадигма и социальная истории России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 160.

⁷⁸ Цит. по: Дякин В.С. Указ. соч. С. 101.

⁷³ Корелин А.П. Указ. соч. С. 86, 94.

⁷⁴ Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 86–87.

⁷⁵ Нефедов С.А. Указ. соч. С. 286, 301–302.

кризис. Социальная солидарность оказалась для русских помещиков важнее национальной. Получается, что целое столетие дворянского национализма прошло напрасно. «Ничего не забыли и ничему не научились...»

Не была преодолена и культурная отчужденность верхов от низов, к 1917 г. только треть населения России была грамотной.

Результат: «В течение всего лишь трех месяцев после Февральской революции в России были сожжены и разграблены все без исключения помещичьи усадьбы — вне зависимости от степени либерализма их хозяев и прогрессивности методов ведения хозяйства, на штыки были подняты сотни офицеров — многие из которых в ходе

войны в подлинном смысле слова стали братьями по оружию мужикам в серых шинелях. И это слишком явно указывает: в перспективе народного мнения российская элита представляла собой не просто иное сословие, а иной — чужой и враждебный народ. Со *своими* так не поступают»⁷⁹.

Мораль: зашкаливающий сословно-классовый эгоизм элиты не может не привести к социальной катастрофе; мало артикулировать националистический дискурс, необходимо проводить национальную политику. Вера — это поступки.

⁷⁹ Соловей В.Д. Русская история: Новое прочтение. М., 2005. С. 128.

Елена Семенова НА ЭТНИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

Елена Семенова — русская писательница, поэтесса, историк, редактор информационного портала «Архипелаг Святая Русь» (<http://www.rus-archipelag.ucoz.ru>). Ее новая книга посвящена свежим, незалеченным ранам русского народа — трагической судьбе русских на постсоветском пространстве.

«Братством народов» прожужжали уши всем. Но вот что характерно: советскими стали преимущественно русские люди. Ни грузины, ни армяне, ни киргизы, ни иные народы не забывали своего исконного имени, не забывали ни на мгновение, что они — грузины, армяне, киргизы... Да, все национальные республики подчинялись советским законам, но оставались национальными. И понятие советский человек олицетворялось в основном русскими...

...Вдруг выяснилось, что никакого советского братства не было и нет, а «братские народы» всё это время копили в себе зёрна шовинизма, удобренные некогда большевиками, и ненависть к «оккупантам», причём понимая под таковыми не столько Советский Союз, сколько Россию, не столько коммунистов, сколько русских. Платой за иллюзии «братства» стала русская кровь, хлынувшая на окраинах гибнущей державы...»

Судьба русских в Средней Азии, Закавказье, Молдавии, на Украине; равнодушие «родины-мачехи» к русским беженцам и переселенцам; национальная политика современной Российской Федерации — эти и другие «горячие» темы ярко обрисованы в новой книге Елены Семеновой.

Книга готовится к печати.

Заявки на приобретение книги «На этнической войне» можно направлять по адресу: Москва, 119017, ул. Пятницкая, 37.

Олег Неменский

НАЦИОНАЛИЗМ ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ

Со времени появления основных теоретических работ по национализму Ганса Кона (то есть с середины XX века) в мысли о нации утвердилось основная линия типологизации национальных проектов: это различие западного национализма (гражданского, государственного, представленного в первую очередь Великобританией, Францией и США) и восточного (культурного, этнического, ярко представленного немецкой и славянской традицией). Примечательно, что с тех пор никаких серьезных нововведений, получивших широкое признание, в типологию национализма так и не было введено. Так или иначе, идет уточнение этих двух типов и их дробление по тем или иным признакам. Не раз уже подчеркивалось и то, что это два различных типа именно национализма, то есть тех проектов, по которым создавались нации, но не самих наций. Нации сохраняют в себе многие черты, обусловленные особенностями создавших их национализмов, однако сами по себе столь определенно на эти типы не делятся, обладая принципиальной общностью черт. Более того, в любых западных нациях можно найти немало свойств и того, и другого типа. Что, тем не менее, никак не отменяет значимость типологизации национализмов, так как главный вопрос, интересующий исследователя нации, состоит именно в том, как, на основе чего нации формируются.

Время достаточно проверило полезность и адекватность разведения этих двух типов. Однако думается, что кри-

териев для типологизации национализмов может быть и больше. Возможно, проблема национальной теории состоит в том, что она привыкла иметь дело с материалом именно Западной Европы, своеобразии исторического опыта которой предопределяет некоторые ограничения для исследовательской мысли. Последнее становится очень заметно тогда, когда западные теоретики нации пытаются описывать исторический опыт народов бывшей Российской империи: уже общим местом стала констатация их относительной или даже крайней неадекватности. При этом собственно типологическая мысль здесь оказывается весьма скудной, так как все местные национализмы так или иначе описываются через «восточный», этнокультурный тип.

Между тем материал Восточной и также Центральной Европы способен дать основания для проведения некоторых новых различий националистической мысли, которые как раз здесь оказываются принципиально значимыми и даже определяющими для любых констатаций о взаимоотношении местных национальных проектов. При этом стоит особенно отметить, что обычный для этих просторов этнонационализм здесь уже давно не является единственным типом: помимо появления ряда откровенно (то есть сознательно) гражданских национальных проектов, некоторые прежние этнонационализмы показали свою способность существовать образцом изменяться и перейти на рельсы гражд-

данственного подхода к строительству нации.

Надо оговориться, что, работая с этим материалом, национальная мысль уже давно выделила еще два типа национализма: национализм государственных наций и антиимперский национализм, формирующийся как национально-освободительная идеология. Однако как раз это разделение дает больше всего осечек. Можно привести пример венгерского национализма, до событий Второй мировой вполне совмещавшего оба типа, а также столь трудно понимаемого на Западе русского национализма, так же (если выделять собственно националистическую мысль из господствовавшей имперской) во многом имевшего антиимперскую направленность. Вряд ли такая типология может объяснить и преимущественно антинемецкую направленность старого латышского национализма или же антипольскую — литовского.

Обе обозначенные типологизации исходят из соотношения «народ — государство», рассматривая именно государственный принцип как определяющий характер национального проекта: ставится ли задача создать единую нацию в рамках уже существующей государственности (гражданский национализм), объединения целого ряда донациональных государств в единую нацию на основе этнокультурной общности — или же выделения такой общности из многоэтничной империи в особую национальную государственность (все это так или иначе этнонационализм). Однако такой подход недооценивает, что собственно национальная государственность является лишь конечным результатом предпринимаемого националистами процесса, но не его основой. Сама мысль о нации основывается на той или иной идентичности и связанной с ней культурной традиции, а это ставит вопрос о соотношении «народ — культура», ведь культурные традиции друг другу совсем не обяза-

тельно типологически тождественны. Сама идея нации — нововременная, современная, она предполагает определенную стадию развития культуры. И здесь проблема уже не в том, есть ли у народа своя государственность и какова она, а в том, есть ли у него своя достаточно развитая культура.

Вынесенные в заглавие настоящей статьи понятия «городского» и «сельского» национализмов вовсе не отсылают к уже традиционным рассуждениям о том, что националистические настроения в среде городских и сельских жителей довольно заметно разнятся друг от друга (с неизбежными при этом выводами о большей «эксклюзивности» села). Речь идет о принципиальных свойствах национальных проектов, которые, так или иначе, всегда являются продуктом мысли городских интеллектуальных и политических кругов, приходя потом в село уже в виде более-менее стройных идеологий. Я здесь обращаю внимание на принципиальное различие культурных основ самих националистических построений.

Нетрудно заметить, что, в отличие от ситуации на Западе, народы остальной части Европы принципиально отличались друг от друга именно по состоянию культур на время зарождения их национальных проектов. Главная особенность: многие из них просто не имели к тому времени развитой городской культуры. Более того, здесь было немало народов, вовсе не имевших своей городской культуры. Некоторые из них не имели такой культуры никогда, а некоторые хотя и обладали в прошлом своей аристократией и городской жизнью, но к XIX веку оказались на положении сельского населения, живущего между инокультурными (и иноязычными) городами.

Городская культура — особый исторический феномен. Именно с развитием городской жизни начинается собственно история. В городах формируется особый исторический опыт,

обретается письменная культура, историческая память. Не только в современных (пост)индустриальных, но и в старых аграрных обществах именно с городом неразрывно связана жизнь социальной и культурной элиты, аристократии. Культура Нового времени, породившая национальную модель общества, была связана именно с городской культурной средой.

Село же является хранителем традиционной дописьменной культуры. К эпохе национальных возрождений сельская жизнь почти во всей Центральной и Восточной Европе мало чем отличалась от того, какой она была несколько сотен лет назад. Во многом можно ставить под вопрос даже степень адаптации селянством христианской религиозности, а бытовая сторона их жизни мало чем отличалась от догосударственной эпохи. Культурная пропасть между городом и деревней оставалась чрезвычайно глубокой даже в XX веке, что нашло выразительное отражение в марксистских социальных концепциях о «двух культурах», а также о борьбе «мировой деревни» с «мировым городом».

Однако в эпоху национализма было предложено стать нациями не только народам с развитой городской культурой, но и этим «сельским народам», не имеющим ни своих литературных языков, ни своей системы образования, ни своей печати, ни своей политической жизни, ни того образованного культурного слоя, который мог бы все это создавать. То есть не имеющим ничего из того, что, по мнению почти всех теоретиков национализма, является необходимым условием для складывания наций.

Наиболее ранним и ярким примером такого «подтягивания» сельского люда до национального бытия стало чешское национальное возрождение. Чехи имели в прошлом свою высокую аристократическую культуру, ренессансный XVI век. Однако после Белогорской битвы 1620 г. немецкий элемент обрел

здесь столь преобладающее значение, что к середине следующего века чешская городская культура фактически была утрачена. Чешский язык вышел из употребления не только в городах, но во многом даже и в сельской местности (вследствие давней немецкой колонизации), и как письменный перестал развиваться. В конце XVIII века Йозеф Добровский высказал предположение, что чешский уже стал мертвым языком. Его не изучали в школах, на нем не выпускали книг. Богемская шляхта и мещанство были немецкими по языку и «богемцами» по самосознанию. И в таких условиях появляется культурное движение по возрождению всего чешского.

Ранние чешские «будители» были вынуждены самостоятельно изучать чешский язык, так как их родным был немецкий. Франц Палацкий¹ призывал «научиться думать, говорить и писать по-чешски» — и это был крайне смелый для того времени лозунг, так как «мужичий» язык меньше всего подходил для культурной деятельности. За этим языком шли в те немногие села, где он еще был жив. Само стремление этих людей немецкой культуры возродить культуру чешскую — своеобразный сюжет эпохи немецкого романтизма и о нем можно говорить отдельно². Сейчас главное подчеркнуть факт: уже к середине XIX века стала складываться собственно чешская интеллигенция

¹ Фридрих Энгельс как-то назвал его «свихнувшимся ученым немцем» — характеристика, которую он наверняка мог применить к большинству других деятелей чешского национального возрождения (см.: *Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии*. Гл. VII. Поляки, чехи и немцы // *Маркс К., Энгельс Ф. ПСС. Изд. 2-е. Т. VIII. М., 1957. С. 54–55*).

² См. об этом подробнее: *Неменский О.Б. Феномен чешского национального возрождения как теоретическая проблема // Вестник Университета Российской академии образования. 2004. № 2. С. 79–99*.

и чешская буржуазия, а еще через немало более полувека появилась государственность, основанная на чешском национальном проекте. И хотя даже в 30-х гг. XX века она еще многим казалась искусственной и нежизнеспособной, в наши дни существование особой чешской нации уже никто отрицать не решится. Нации, создание которой начиналось почти с нуля небольшой группой инокультурных интеллектуалов. В прошлом немецкие по культуре и языку города теперь говорят на языке, сконструированном в XIX веке филологами на основе сельской мовы, а их жители считают себя не «немцами», не «богемцами», а «чехами», как и жители тех сел.

В истории Западной Европы примеры подобных национализмов найти трудно. Можно сравнить с кельтскими проектами, со становлением той же ирландской нации. И все же Ирландия складывалась на основе английской городской культуры и так англоязычной и осталась. Там «село» так и не одолело город — не удалось даже возродить саму ирландскую сельскую культуру. А вот в Восточной Европе примеров, схожих с чешским, можно привести еще немало. Во многом таков был национализм народов, освобождавшихся от Османской империи или из-под венгерской власти, таков был национализм народов Прибалтики.

Не везде столь чисто повторялась ситуация изобретения национальной культуры представителями иных культур. Большую роль играл и переход сельского населения в города. Выходцы из деревни, обосновываясь в городе, усваивали иные культурные традиции и обучались другим языкам, однако нередко сохраняли особую идентичность. Век утверждения идеологии национализма не мог обойти стороной и этих людей — в их среде появлялись идеи о национальном самоопределении и для их сельских народов, мечта о возвращении себе городов. Например, в исторически немецком городе

Риге латышская община была легализована только в 1868 году, и в том же году вышел первый учебник латышского языка, написанный по-русски. Это нормальный для того времени процесс — эмансипации народов, не имевших прежде развитой культуры, появления их собственной городской среды. Однако он проходил уже не сам по себе, а попутно с формированием национальных идеологий — развития современной идеи о нации в приложении к этим народам, появления проектов их национальных государственных.

Этот «сельский национализм» существенным образом отличается от национализма тех народов, которые издавна обладали своей городской культурой, и его главной отличительной чертой является искусственность. Само это слово — «искусственность» — ни в коей мере не подразумевает отрицания его прав на существование. Наоборот, сама логика национализма утверждает это право. Однако это слово характеризует важнейшую сторону такого национализма: он проходит через долгий этап сознательной творческой работы интеллектуалов по догоняющему и неизбежно подражательному созданию литературных языков, «национальных» историй, традиций городской жизни, системы образования и т.д. Кроме того, им приходится проходить этап борьбы за признание своих прав на существование со стороны тех старых крупных культур, на замещение которых в городах они претендуют. Культура села — глубоко традиционная, древняя; в ней меньше всего отражается исторический опыт эпохи письменной культуры. Освоение сельскими жителями города — это всегда перенятие, аккумуляция, разрушающая собственно деревенскую культуру.

Можно было бы сказать, что у обоих типов национализмов — городского и сельского — схожие задачи. Перед городским национализмом стоит задача утверждения в селе, в преобладающих массах деревенского насе-

ления (и это достигается через административное воздействие и систему всеобщего начального образования). Перед сельским национализмом стоит задача «завоевания» города. Однако само по себе явление национализма — принципиально городское, это продукт развития городской культуры. И поэтому национальный проект, основанный на сельском народе, всегда вынужден изобретать недостающую ему городскую культуру. И все же полного замещения отсутствующих веков городского развития произойти не может, поэтому сельский характер национализма оставляет печать на всем проекте, сохраняя свое значение и для уже созданной нации.

Важно подчеркнуть, что различие городского и сельского типов национализма вовсе не тождественно и совсем не всегда совпадает с национализмом государственных и порабощенных наций. Яркий пример национального движения, имевшего подчеркнуто мещанско-аристократический характер, но формировавшегося именно на основе национально-освободительных задач, — польский национализм. Для него вообще важнейшей проблемой была инокультурность села на западнорусских землях, которые и стали основным пространством его формирования и борьбы. Можно привести пример и столь древней и развитой городской культуры, как итальянская, между тем итальянский национализм так же становился отчасти как антиимперское освободительное движение. В то же время история России XX века дает немало примеров, когда насильственно созданная «имперским» центром национальная автономия с этническими кадрами во главе вынуждена создавать свою национальную городскую культуру уже постфактум, в условиях уже наличествующей национальной формы государственности.

* * *

Особенно сложно сложилась судьба городского и сельского национализма на русском культурном пространстве. Рассуждая о русском национализме, приходится делать оговорку, что как такового русского национального проекта так еще и не сложилось: русские — единственный народ европейской части света, до сих пор не преобразовавший свою жизнь в национальные формы и даже не имеющий определенной идеологии создания нации. Тем не менее русская националистическая мысль имеет уже более чем столетнюю историю и в некоторой степени позволяет судить о самых общих свойствах проекта. Кроме того, русские имеют давно сложившийся литературный язык, сам по себе задающий некие рамки национальной мысли. При этом она вынуждена развиваться в условиях спора и столкновения с другими национальными проектами, принципиально ей альтернативными и имеющими региональное приложение.

Русский национализм в любом случае является городским: за ним стоит многовековая история русской городской жизни и аристократической культуры. При том это проект по логике своего создания общерусский, то есть претендующий на все историческое пространство Русской земли в том ее понимании, какое было запечатлено в культуре самое позднее с XI–XIII вв. Общерусским является по своей природе и русский литературный язык, историю которого невозможно представить без западнорусского этапа развития. Тем не менее центрированность российской государственности вокруг Москвы способствовала появлению в русском самосознании очень явных региональных черт: оно склонно к актуализации особенностей именно региона волго-окского междуречья. История и культура отдаленных земель — северных, южных, и особенно западных — современной русской идентичностью адаптированы довольно слабо. Это

проявилось еще в XIX веке, когда на Русской же земле стали складываться национальные проекты, отвергающие общерусскую идентичность. Характерная черта всех этих проектов — их ярко выраженный сельский характер.

Можно говорить об украинском, белорусском, казакийском и еще нескольких таких проектах, проявивших себя в меньшей степени. Даже на общем восточноевропейском фоне они выделяются особым своеобразием. Их оригинальность в первую очередь в том, что они — не просто национализмы сельских народов, претендующие на «завоевание города», но и сознательно антигородские проекты.

В отличие от ряда других народов, действительно сельских и потому вынужденных конструировать свое городское пространство почти с нуля, у того населения, на которое претендует, например, украинство, городская культура была и никуда не исчезала. В прошлом современной Украины — многовековое развитие городской жизни, имевшее значительное своеобразие и высокие культурные достижения (вспомним, например, братское движение православных мещан, славяно-греко-латинские академии и т.д.). Даже в казалась бы уже польско-еврейском городе Львове в середине — второй половине XIX века мы наблюдаем большой подъем восточнославянской интеллектуальной жизни, причем основанный во многом на тех институтах местной русской городской жизни, которые сформировались здесь еще в XVI веке (например, ставропигия). Особая местная городская традиция сложилась в XVII–XIX вв. на землях собственно Украины, то есть казачьих территориях. В Киеве местная городская жизнь никогда не прекращалась и не становилась инокультурной. Я уж не говорю о блистательном развитии городской жизни на просторах присоединенных земель Новороссии.

Однако вся старая автохтонная го-

родская культура территории современной Украины стала органической частью общерусской культуры, стала одной из основ возрожденного общерусского культурного пространства. И так было даже в оторванном от России Львове. Попытки создать здесь особый национальный проект, отличный от русского, провалились — слишком уж местное письменное «язычие», как его тогда называли, было схоже с русским литературным языком, да и идеологических оснований для различения с общерусской культурой явно неоставало. Т.н. «русофильское» идейное и политическое движение стало здесь господствующим и оставалось таким до времени насильственного уничтожения основных его носителей. Тем более выразительной было господство общерусской культуры и самосознания в Киеве и других городах в России. Их культура была не великорусской, не привнесенной из Северо-Восточной Руси — она органически продолжала местное развитие городской жизни, уходящее корнями еще во времена Киевской Руси.

Однако эта культура, как часть и основа городского по своей природе общерусского национального проекта, оказалась ненужной сельскому проекту украинской нации. Зарождался он так же, как и все подобные проекты: городская русскоязычная интеллигенция увлеклась сельской мовой Полтавщины и попыталась ввести ее в культурный оборот. Здесь — так поначалу даже в качестве шутки («Энеида» И.Котляревского). Однако сельский национализм возник и уже к концу века стал заметной общественной силой. Его изначальной особенностью была необходимость приходить в города на смену местной же (то есть той же народности) городской жизни, противостоять своей же городской культуре. Для этого со временем потребовались даже такие экстраординарные меры, как смена идентичности и самоназвания с «русского» на «украинское».

При общем свойстве всех сельских национализмов — их неизбежной искусственности, догоняющем конструировании своей городской среды — украинский проект был вынужден конструировать новую идентичность даже того сельского населения, на котором он поначалу основывался. Это действительно помогало разграничить представителей традиционной культуры и самосознания, обладающих своей местной и сельской, и городской культурной традицией, и носителей нового национального проекта. Но и это же в результате трансформировало малорусский сельский национальный проект в украинство, то есть создало современную украинскую идеологию, которую трудно поставить рядом с другими «сельскими» национализмами именно за ее принципиальную антиисторичность и этноцидный характер по отношению к своему же народу.

Эта ситуация уникальна: здесь не было адаптации селом инокультурной городской жизни, а наоборот — отвержение собственной городской среды и ее традиций. Этот сельский национализм не «вспоминал» яркое городское прошлое своего народа, а наоборот — усиленно его забывал. Именно поэтому он воспринимался носителями традиционной идентичности не как национальное движение возрождающейся народности, но как «сепаратизм», то есть движение по выделению из общего этнокультурного пространства (о политическом отделении речи еще долго не шло). Это особый подтип сельского национализма — антигородской, то есть направленный не на (вос)создание своей городской культуры, а на ее уничтожение. И именно из-за этого он являлся (и по сей день является) альтернативным для своего народа: его задача — в определенном регионе заместить собой другой — городской — проект той же народности. Здесь сама по себе типологизация национализмов как «городских» и «сельских» помогает определить сущность этой ситуации

сосуществования альтернативных национальных проектов в одном этническом пространстве.

Примечательно, что теперь украинство, выросшее из сельского национализма и вроде как однозначно квалифицируемое как «этнонационализм», проявило способность играть роль гражданского национального проекта. Это стало возможным благодаря его господствующему положению в созданной внешней «имперской» силой государственности и одновременно оторванности от реальной исторической этничности всех его жителей и регионов. И хотя обе трактовки украинства — этноцентричная и гражданская — в наши дни открыто соревнуются на Украине, способность украинской идеологии к строительству гражданской нации была ярко продемонстрирована в период президентства Л.Кучмы и остается вполне реальной альтернативой государственной политики.

Однако несомненно, что появление и такое яркое развитие альтернативного сельского национализма в пространстве русской этничности было обусловлено и слабыми сторонами складывавшегося общерусского проекта. Можно сказать, что этот проект изначально был слишком выраженно городской. Огромные просторы, охватывающие регионы с довольно разным историческим опытом, были объединены подчеркнуто междугородними отношениями. Не случайно даже в древнерусскую эпоху все земли именовались именно по крупным городам. Русь не знала такой урбанистической культуры, как Западная Европа, и тем не менее к веку национализма она подошла с очень аристократичной городской культурой, мало учитывающей своеобразие региональной сельской жизни. Еще более это усугубила Петровская эпоха, итогом которой стала подлинная культурная пропасть между вестернизированным городом и «патриархальной» деревней.

Этот разрыв стал одной из важнейших тем русской культуры всего XIX века. И если в начале века мы видим лишь отдельные размышления об этом (как, например, в дневниках А.С. Грибоедова), то в середине — второй половине века глубокое осознание этой проблемы становится определяющей стороной идеологии такого мощного общественного течения как народничество. По сути, именно на идее «хождения в народ» и вырос в Малороссии свой сельский национализм. Этому способствовало и то, что оторванная от городской среды старая сельская культура сохраняла заметное своеобразие различных исторических регионов, в культуре верхов почти не выраженное. А в условиях продолжительного господства крепостнических отношений село было более архаичным, чем где-либо в Западной Европе. Именно ситуация сильнейшего отрыва городской культуры от деревенской, общего признания необходимости «идти в село — искать корни нашей культуры» позволила увидеть в региональном сельском диалекте нечто «исконное» и требующее возрождения, а к городской культуре отнестись как к чему-то искусственному и поверхностному. Само слово «народ» в русском языке обрело значение «сельского люда», что разительно отличает русскую культуру от, например, польской, в которой слово «*nar d*» закрепилось за шляхтой. И если русское общество было озабочено вопросом, как вернуть в «народ» культурные верхи общества, то польская мысль одновременно с этим трудилась над вопросом, как включить в «*nar d*» большие сельские

массы, проявившие свою пассивность и безразличие к национальным задачам во время польских восстаний.

Так, русское осознание оторванности городской культуры от «подлинно народной», популярность народнических идей и имперское торможение процесса русской национальной консолидации создало идеальные условия для появления альтернативных сельских национальных проектов. А последующий приход к власти политической силы, сознательно поддерживавшей все малые национализмы в Империи и с симпатией относившейся к любому противопоставлению «народных масс» «верхам» старого общества, позволило этим сельским национализмам перескочить этап конкурентной борьбы с общерусским национализмом. Для других сельских национальных проектов такую роль сыграли события вокруг Первой и Второй мировых войн (произошедшее в результате очищение от немецкого населения Чехии, Латвии и Эстонии, деполонизация Западной Украины и Белоруссии, элиминация венгерского фактора в словацкой части Чехословакии и польского в Литве и т.д.). XX век стал веком побед целого сонма национальных проектов, основанных на усиленной модернизации сельских культур.

Такое создание нации посредством «победы деревни над городом» — принципиально иной путь формирования современных обществ, чем классический (немецкий) этнокультурный национализм или классический (французский) государственный национализм, в обоих случаях предполагающие развитие старой городской культуры.

Татьяна Соловей, Валерий Соловей

РУССКИЕ КАК ЭТНОКЛАСС

Антагонизм между левыми и националистами, традиционно присущий западной и отечественной политике, одним из своих главных интеллектуальных следствий имеет не менее традиционное противопоставление категорий «нация» и «класс» в политическом и научном дискурсах. Специально обращаем внимание на характер этой каузальной связи. Не те или иные трактовки национального/этнического и классового или различное понимание их баланса в человеческой истории служат истоком национализма и левой идеи. Дело обстоит ровно наоборот: объяснение движущих сил истории (то есть интеллектуальные схемы) вытекает из дотеоретической, культурной аксиоматики. Мы становимся националистами или коммунистами вовсе не потому, что убеждены в интеллектуальной правоте классового или национального подхода; выбор интеллектуальной парадигмы, способа осмысления человеческой истории в решающей степени обусловлен нашей идеологической позицией, социокультурным багажом и, вполне вероятно, психологическим профилем.

Понимание глубинной, в прямом смысле слова экзистенциальной укорененности левизны и национализма объясняет затруднительность лево-правого (национал-большевистского, социал-национального) синтеза. Не то что он вообще неосуществим — в европейском контексте подобный синтез более или менее удачно реализовался в рамках фашистских *движений* (не *режимов!*) 20–30-х годов прошлого века, в национальных фронтах оккупированных немцами стран времен Второй мировой войны, в Румынии и Албании

социалистической эпохи, — однако нигде так и не стал исторически долговременным и устойчивым.

И уж точно национал-большевистский синтез никогда не был политической реальностью в России — советской и постсоветской, оставаясь не более чем интеллектуальным фантазмом интеллигентских группочек. В политике и идеологии советского коммунизма русский национализм играл исключительно инструментальную роль или, перефразируя знаменитый афоризм доктора Геббельса (кстати, изначально тяготевшего к левому, антикапиталистическому и антиолигархическому нацизму), национализм был клеткой, в которую следовало заманить птичку. Провал *любых* попыток право-левого, коммуно-националистического объединения в посткоммунистической России со всей очевидностью указывает на субстанциальную несовместимость вступавших в него политических сил — у левых и националистов оказались разные социокультурные коды, разные группы крови.

Однако из невозможности политического объединения левых и националистов вовсе не следует априорная непримиримость интеллектуальных схем и концепций, тяготеющих к классовой или национальной парадигме в объяснении человеческой истории. Более того, даже априори эти подходы пересекаются. Люди как существа социальные принадлежат к социальным группам, включая макрогруппы — классы, но в то же самое время у всех людей имеется национальность. Тем самым эпицентр дискуссии смещается в область выяснения баланса классового и национального — баланса, который

ни в малейшей мере не предопределен, а каждый раз определяется контекстуально, то есть исходя из конкретной ситуации.

Не говорим уже, что ни одна из существующих научных парадигм не способна породить такой всеохватывающей интеллектуальной сетки, которой можно было бы объять всю человеческую историю. Объяснительная сила любой из научных парадигм принципиально ограничена, причем пределы этой силы, равно как и возможность применения той или иной парадигмы определяются строго контекстуально.

Приведем лишь один, хотя и весьма важный пример, непосредственно характеризующий соотношение классового и национального подходов. Вскормленный марксистским молоком классовой легитимности советский коммунистический режим в первое двадцатилетие своего существования на дух не переносил русскую этничность и всячески третировал ее, пытаясь вытравить русский дух и само русское имя¹. Однако в ситуации немецкого вторжения ему пришлось срочно перейти от классового интернационализма к *национальной русской* легитимности, еще недавно считавшейся «шовинистической и великодержавной».

Классовый подход потерпел сокрушительное поражение и как идеология, то есть вдохновляющий миф, и как квазинаучный способ объяснения действительности. Вступив в пределы «первого государства рабочих и крестьян», одетые в военную форму германские пролетарии вовсе не повернули стволы «шмайсеров» против собственного национал-социалистического правитель-

ства, а тени «невинно убиенных» пролетарских «святых» Карла Либкнехта и Розы Люксембург не могли воодушевить русских солдат и вызвать у них готовность «сражаться до последнего патрона, до последней капли крови».

Фронтальная схватка германского нацизма и советского большевизма была не столкновением классового и национального принципов, а сражением двух национализмов — немецкого и русского. По крайней мере тов. Сталин прекрасно отдавал себе в этом отчет: «Некоторые товарищи еще недопонимают, что главная сила в нашей стране — великая великорусская нация... Великая Отечественная война ведется за спасение, за свободу и независимость нашей Родины во главе с великим русским народом»². В каком-то смысле Вторая мировая война вообще стала триумфом национализма, дала мощный толчок взгляду на мир сквозь призму национальной дифференциации.

Вышесказанное не стоит рассматривать как попытку доказательства абсолютного приоритета национального над классовым — с неменьшим успехом можно привести примеры, доказывающие прямо противоположное. Даже при небольших интеллектуальных усилиях легко выстроить изощренную классификационную схему, охватывающую различные варианты сочетания, соотношения национального и классового факторов. Однако нас интересует не *ars para ars* (в данном случае: теория ради теории), а конкретные исследовательские задачи, которые, настойчиво повторим это еще раз, должны решаться исключительно *контекстуально*, а не вообще.

Для историка России главная из этих задач — соотношение классового и национального подходов в русской истории. Следуя заявленному методологическому принципу, ее решение

¹ Подробнее о русофобии коммунистической власти см. главу «СССР против русских» книги В.Д. Соловья «Кровь и почва русской истории» (М., 2008) и главу «Антирусская империя» книги: *Соловей Татьяна, Соловей Валерий. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма* (М., 2009).

² Цит. по: *Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2004: Учеб. пособие для студентов вузов*. М., 2005. С. 343.

должно начинаться с определения доминирующего контекста (или принципиальной рамки) отечественной истории. С нашей точки зрения, в течение большей части XIV–XX вв. это была *имперская* рамка — не важно, в форме самодержавной или коммунистической империи.

Принципиальное отличие отечественной империи от иных имперских политий состояло в ее континентальном характере, что подразумевало опору в первую очередь на внутренние ресурсы, а не на колонии. Хотя Российская империя не была единственной континентальной империей Нового времени, она выделялась среди них наибольшей нормой эксплуатации внутренних ресурсов, причем главным ресурсом был собственно русский народ.

Номинально правящий, он в массе своей не пользовался хоть какими-нибудь льготами и преференциями, зато нес основную тяжесть содержания империи. В имперском контексте *русский народ как этническая группа* оказался поистине колониально эксплуатируемым, а Россия — внутренней колонией. Такое положение русских дает основание определить их как *этнокласс* (термин известного социолога крестьянства Теодора Шанина), то есть такую *социальную группу*, принадлежность к которой определяется не по собственно социальному, а по *этническому* признаку. Причем эта номинально господствовавшая группа в действительности оказалась объектом самой жестокой и беспощадной, без преувеличения колониальной эксплуатации со стороны имперского государства.

Такова была красная линия имперской политики в ее досоветской и советской формах. Причем при Советах положение русских лишь ухудшилось. Если Старый порядок был нерусским, то новый — последовательно, целеустремленно и открыто антирусским.

Разумеется, подобное утверждение

не имеет права оставаться ни тезисным, ни голословным. Мы развернем его настолько подробно, насколько позволяет объем статьи.

Великорусские крестьяне были закабалены сильнее других народов и, в среднем, хуже обеспечены землей. Накануне крестьянской реформы 1861 г. политические права, уровень образования и доходов среди русских крестьян центральных губерний были ниже, чем среди поляков, финнов, украинцев, сибирских поселенцев и даже, вероятно, ниже, чем среди татар. Если представители «великорусского господствующего племени» легко могли стать крепостными дворян-мусульман и даже дворян-иудеев³, то православные дворяне владеть крестьянами-мусульманами не могли, а крепостных иудеев в природе и вовсе не существовало.

Но и после освобождения русские продолжали нести основную тяжесть налогового бремени: в конце XIX — начале XX века у жителей русских губерний оно было в среднем на 59% больше, чем у населения национальных окраин. То была целенаправленная стратегия перераспределения ресурсов в пользу национальной периферии: «Правительство с помощью налоговой системы *намеренно* (курсив наш. — Т.С., В.С.) поддерживало такое положение в империи, чтобы материальный уровень жизни нерусских, проживавших в национальных окраинах, был выше, чем собственно русских, нерусские народы всегда платили меньшие налоги и пользовались льготами»⁴.

Вот характерные факты. С 1868 г. по

³ Например, в XVIII в. Нота Ноткин и Иосиф Цейтлин (имел чин надворного советника), оставаясь в иудейской вере, владели большими имениями с сотнями крепостных. См.: Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 102.

⁴ Миронов Б. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. 3-е изд. Т. 1. 2003. С. 33.

1881 г. из Туркестана в Государственное казначейство поступило около 54,7 млн рублей дохода, а было израсходовано 140,6 млн, то есть почти в 3 раза больше. Разницу, как говорилось в отчете ревизии 1882–1883 гг., Туркестанский край «изъял» за «счет податных сил русского народа»⁵. По сведениям хорошо информированного Александра Суворина, в 1890-х гг. государство тратило на Кавказ до 45 млн рублей в год, а получало только 18 млн, дефицит в 27 млн опять таки покрывал великорусский центр⁶.

В то время как в официальном дискурсе слово «колония» не употреблялось в отношении Финляндии и Ингерманландии, Польши и Закавказья, немецкие, голландские, армянские и проч. поселенцы в великорусских губерниях официально именовались «колонистами»! По парадоксалистскому определению историка Василия Ключевского, в России центр находился на периферии.

Показатели детской смертности среди великороссов были почти в два раза выше, чем у латышей, эстонцев и молдаван, почти в полтора раза выше, чем у украинцев, белорусов и евреев, и существенно выше, чем у татар, башкир и чувашей.

На православных русских не распространялась имперская веротерпимость, они не имели свободы религиозного выбора.

В конце XIX в. доля грамотных среди русских составляла около 25–27%, что было втрое ниже, чем у народов Прибалтики и финнов, значительно ниже, чем у поляков. Впрочем, стоило ли этому удивляться после беспрецедентной деградации России и русского народа, вызванной политикой Петра I. По точной характеристике Сергея Сергеева: «В социокультурном плане

Петр произвел настоящую консервативную революцию»⁷. Если в допетровской Руси уровень грамотности был довольно высок, составляя даже среди крестьян 15%⁸, то в конце XVIII в. он уже не превышал 1%. Между тем как Австрийская империя в это время уже планировала введение всеобщего начального образования.

Поскольку самодержавная власть сознательно избегала значительной доли инородцев в армии, то, даже перестав быть количественным большинством в империи, русские все равно поставляли больше всего рекрутов в имперскую армию, 86% корпуса которой составляли восточные славяне. При этом по причине физической непригодности в России освобождалось от призыва на действительную службу от 15 до 20% призывников, в то время как в Германии только 3%, а во Франции — 1%⁹.

Краткое, но емкое резюме положение русских в империи дал автор капитальной работы по ее социальной истории: «В целом индекс человеческого развития у нерусских был выше, чем у русских, и положение нерусских в целом было более предпочтительным»¹⁰.

Совершенно очевидно, что материально небогатая, чрезвычайно обширная, этнически и культурно гетерогенная континентальная сухопутная империя существовала исключительно благодаря эксплуатации русских этни-

⁷ Сергеев Сергей. Нация и национализм в русской истории и русской мысли. [Неопубл. рукопись.] [М., 2008.]

⁸ Соболевский А.И. Образованность Московской Руси. СПб., 1894. С. 7–11.

⁹ См.: Козлов В.И. История трагедии великого народа: Русский вопрос. М., 1996. С. 49, 51; Хоскинг Джеффри. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2000. С. 55; Цимбаев Н.И. Россия и русские: Национальный вопрос в Российской империи // Русский народ: историческая судьба в XX веке. М., 1993. С. 48 и др.

¹⁰ Миронов Б. Указ. соч. С. XXX.

⁵ Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 136–137.

⁶ Суворин А.С. В ожидании века XX. Маленькие письма (1889–1903). М., 2005. С. 248.

ческих ресурсов. При этом ни в одном из государств современного ей мира этническое ядро не находилось столь длительное время в столь ущемленном положении, как в Российской империи. Виною тому была не русская слабость, а русская сила — было что эксплуатировать. В исторической ретроспективе хорошо заметно, что эксплуатация русских этнических ресурсов превосходила все мыслимые и немыслимые размеры, что людей не жалели (знаменитое «бабы рожать не разучились»), что русскими затыкали все дырки и прорехи имперского строительства, взамен предлагая лишь сомнительную моральную компенсацию — право гордиться имперским бременем.

Со стороны это бремя выглядело почетным и ответственным, но вряд ли оно импонировало низовому люду. И совершенно точно не принесло счастья русскому народу. «Победные парады в Берлине и в Париже, в Вене и в Варшаве никак не компенсируют тех страданий, которые принесли русскому народу Гитлеры, Наполеоны, Пилсудские, Карлы и прочие. Победные знамена над парижскими и берлинскими триумфальными арками не восстановили ни одной сожженной избы»¹¹.

Таким образом, главное, *системообразующее противоречие* империи составлял принципиальный *конфликт между русским народом и имперским государством*.

Это утверждение оппонирует традиционной точке зрения, что именно социальные конфликты, разогретые войнами, попустительствуемые безволием и некомпетентностью верховной власти, привели к крушению Старого порядка в начале XX в. Действительно, в горниле Великой русской революции русский народ и русская знать оказались по разную сторону баррикад, что, казалось бы, служит главным аргументом в пользу классового

подхода для объяснения ее причин и характера.

Однако этот подход упускает из виду, что конфликт между народом и элитой в старой империи носил не только социальный, но и, в меньшей мере, *социокультурный* характер. Простые русские воспринимали элиту и сравнительно немногочисленные образованные слои общества в целом именно как *другой народ* — другой в культурном и этническом отношении. Вполне стихийно и инстинктивно они придерживались, говоря академическим языком, *исключающей* концепции русской нации: из нее исключались образованные слои *in toto*. Исключались, ибо отождествлялись с угнетавшей народ империей.

В этом ракурсе революционная динамика начала XX в. оказывается национально-освободительной борьбой русского народа против чуждого ему в социальном, культурном и этническом смыслах правящего слова и ненавистной империи¹². Русские выступали против старой империи именно как этнокласс — макрогруппа, для которой социальное и этническое измерения если не полностью, то в значительной мере совпадали.

Пришедшие к власти на титаническом порыве русского народа к справедливости и свободе большевики извлекли уроки из гибели самодержавной империи. Один из главных состоял в недопустимости масштабного культурного размежевания, способного привести к разделению единого народа на противостоящие друг другу социокультурные группы — фактически, разные народы. Результатом большевистской модернизации стала социокультурная гомогенизация отечественного общества. Даже самые яростные критики коммунистической

¹¹ Солоневич Иван. Народная монархия. М., 1991. С. 184.

¹² Подробнее об этнической подоплеке Великой русской революции см.: Солоневич В.Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008 (главы 3 и 6).

номенклатуры на исходе советской эпохи не могли вменить ей в упрек, что она говорит со своим народом на разных языках, как то было в начале XX века, зачастую в прямом смысле слова. В культурном смысле правящий слой СССР ничем существенным не отличался от массового советского среднего класса, а социальные различия в советском обществе не были чреватые социальными антагонизмами.

Характерно, что ни одна из серьезных (да и несерьезных, кажется, тоже) теоретических моделей не объясняет падение советской сверхдержавы в духе классовой парадигмы, то есть аналогично объяснению гибели старой империи. А между тем сходство этих двух катастроф рельефно проступит, если сравнивать их именно сквозь намеченную нами интеллектуальную призму.

В самом деле, что связывает самодержавную Россию с коммунистическим СССР? Конечно же, организация власти и пространства по имперскому типу! Преимущество состояла и в том, что обе империи жили и развивались за счет русского мужика. Причем в «красной» империи норма его эксплуатации, тяжесть выпавшей на русский народ социальной и антропологической нагрузки не просто превышала тяжесть дореволюционного груза, а вообще зашкаливала. Русские в прямом смысле слова оказались рабочим скотом и пушечным мясом социалистического строительства и коммунистической экспансии, а их номинальная родина — «социалистическая Россия» — внутренней колонией.

Английский историк Джеффри Хоскинг в своей фундаментальной книге убедительно показал, что советская мощь была куплена ценой колоссальных жертв со стороны русского народа¹³. Американский автор вообще

называет Советский Союз «империей наоборот» — государственной конструкцией, где номинальная метрополия ущемлялась и дискриминировалась в пользу периферии, а русское ядро — в пользу этнических меньшинств¹⁴. И чем могущественнее становилась страна, тем больший объем ресурсов перекачивался, перенаправлялся от ее ядра на окраины. В сущности, сами русские — их сила и жертвенность — и составляли главный ресурс нового строя. В этом отношении коммунистическая эпоха довела до логического завершения заложенную еще старой империей тенденцию¹⁵.

Естественно, сохранялось и кардинальное противоречие имперской политики — противоречие между имперским государством и русским народом, чье положение зависимого этнокласса еще более усилилось. Поэтому Советский Союз был обречен точно так же, как была обречена самодержавная империя. Правда, в отличие от последней, он просуществовал буквально историческое мгновение, что указывает на фундаментальную внутреннюю слабость «великого и ужасного» СССР.

В некотором смысле первопричина его гибели лежит на поверхности, и если глубокомысленные аналитики ее игнорируют, то именно в силу самоочевидности. Фундаментальный факт состоит в том, что русские не вступились за советское государство — ни имперская элита, включая военную и спецслужбистскую (намеренно, кстати, комплектовавшихся почти исключительно восточными славянами), ни общество в целом. А ведь именно готовность проливать кровь — свою и чужую — служит решающим доказательством жизнеспособности государства

¹⁴ *Martin T. The Affirmative Actions Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001.*

¹⁵ Подробнее о положении русских в СССР см.: *Соловей В.Д. Указ. соч. Гл. 4; Соловей Татьяна, Соловей Валерий. Указ. соч. Гл. 7.*

¹³ *Hosking Jeffrey. Rulers and Victims. The Russians in the Soviet Union. L., 2006.* Характерно, что на русский язык название книги переводится как «Властители и жертвы».

и политической системы. «Дело прочно, когда под ним струится кровь...»

В этом смысле Российская империя оказалась жизнеспособнее своей преемницы, ведь ее гибель спровоцировала свирепую Гражданскую войну. В 1950-е годы французы воевали за «французский Алжир», в 1990-е сербы сражались за «великую Сербию». Но русские не подняли знамя борьбы за «единый и неделимый СССР», не попытались раздуть пламя «советской Вандеи». А это значит, что «великую советскую Родину» они уже давно ощущали не матерью, а мачехой, что СССР не был для них ни ценностью, ни сферой реализации ощутимых преимуществ и материальных интересов. И в этом отношении **все русские без остатка** — снизу доверху и сверху донизу — впервые в отечественной истории оказались едины¹⁶. Как говорится, на хорошее не допросишься, а на плохое всегда рады.

Казалось, что кардинальная смена рамки отечественной истории, трансформация империи в национальное государство откроет перед русским народом столбовую дорогу, что русские из этнокласса имперских «терпил», вынужденных обслуживать интересы нерусской и даже антирусской империи, превратятся в суверенную демократическую нацию — общество людей, свободно живущих и хозяйствующих на своей земле. Впервые за последние несколько сот лет национальной истории у русских появился реальный шанс превратиться **из народа для других в народ для себя**. Но не тут-то было.

Но, хотя контекст изменился (Россия перестала быть империей), положение русских как приниженного этнокласса не только сохранилось, а даже усугубилось в «национальном и демократическом» государстве Россия.

Взамен чаемой свободы национальной жизни, свободы распоряжения собственной судьбой и богатствами своей страны они очутились в еще более тяжелом и мерзком рабстве. По крайней мере таково массовое, преобладающее самоощущение русских, чувствующих себя этнически униженным и социальным подавленным большинством.

Объяснение колониального отношения правящей элиты РФ к русскому народу якобы этнически нерусским характером правящей элиты и крупного бизнеса подкупает своей простотой, но как минимум не точно. Подавляющее большинство правящей элиты, равно как и основную часть крупного бизнеса составляют этнические русские. Однако национальность никак не предрасполагает их к позитивному и сочувственному отношению к соплеменникам. Норма эксплуатации на предприятиях «Роснефти» ничуть не ниже, чем в «ЛУКойле», а потогонная система в империях Дерипаски и Доронины не гуманнее, чем в оных Вексельберга и Фридмана. Ага, воскликнет в этом месте доморощенный марксист: капиталист не имеет национальности, а капиталистическая эксплуатация интернациональна.

Но дело ведь не только в выросшей социальной нагрузке. Русские ежедневно и ежечасно подвергаются культурному и морально-психологическому унижению **по этническому признаку**, то есть потому, что они русские. В отношении **только и именно русских** в отечественных массмедиа доминирует классический колониальный дискурс, концептуализированный знаменитым Э.Саидом¹⁷. Хотя вслух сейчас и не заявляется, как это было в прошлом десятилетии, но подразумевается, что «каждый русский — фашист»; правда, находятся «гуманисты», придерживающиеся точки зрения, что «не каждый

¹⁶ О роли русского народа в гибели СССР подробно см.: *Соловей В.Д.* Указ. соч. Гл. 4; *Соловей Татьяна, Соловей Валерий.* Указ. соч. Гл. 7.

¹⁷ Подробно об этом см.: *Соловей В.Д.* Указ. соч. Гл. 9, 10, 11; *Соловей Татьяна, Соловей Валерий.* Указ. соч. Гл. 12, 13.

русский фашист». Это несколько не преувеличение: контент-анализ федеральных российских СМИ выявил тенденцию к смысловому отождествлению слов «русский», «национализм» и «фашизм»¹⁸.

Таково преобладающее настроение журналистской братии и немалой части интеллектуального класса вне зависимости от национальности. Специально подчеркиваем, что в фокусе депривации находятся русские в целом, русские как этническая группа. Мало того, что их горбом создано национальное богатство, расхищенное правящим классом, мало того, что русские служат главным объектом социальной эксплуатации, их еще постоянно упрекают и унижают за то, что они русские.

И не надо ссылаться на квазипатриотический официальный дискурс. Ведь он не подкреплён аналогичными социальными и социокультурными практиками, точнее, официальные практики прямо противоположны дискурсу.

¹⁸ Подробнее об этом см.: *Соловей Татьяна, Соловей Валерий*. Указ. соч. С. 360–361.

В начале XXI в. восстановлена ситуация столетней давности, когда наложение социальных и культурных барьеров, превратив народ и элиту в де-факто разные народы, вызвало тяжелейший антагонизм между ними. Сейчас ситуация усугубляется еще и очевидным **антропологическим размежеванием**: отношения низов и верхов все больше напоминают отношения между различными биологическими видами. Это не просто красивая метафора, а научная гипотеза, получающая подтверждения в том числе из биологии человека¹⁹.

В «пространстве свободной охоты», как назвал Россию наиболее откровенный и концептуально мыслящий отечественный олигарх, русский народ оказался дичью, преследуемой хищной элитой. Дилемма проста: русские будут уничтожены или дичь превратится в охотников.

¹⁹ Подробнее об этой гипотезе см.: *Соловей В.Д.* Указ. соч. Гл. 11; *Соловей Валерий*. «Мы» и «они» // Литературная газета. 2007. № 52 (26–31 декабря). С. 3.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

Татьяна Соловей, Валерий Соловей. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009. — 440 с.

А.С.

РУССКИЕ: ЖИТЬ ИЛИ УМЕРЕТЬ?

28 мая 2009 г. очередное заседание экспертного клуба «Русский интерес» было посвящено обсуждению научного бестселлера В.Д. и Т.Д. Соловей «Несостоявшаяся революция». С небольшим докладом выступил и автор этих строк. Но ввиду того, что текст книги чрезвычайно многопланов и преисполнен смыслами, в дальнейшем возникла необходимость значительно расширить отзыв. Слишком заметной вехой оказалась яркая и хорошо написанная книга Соловьев, слишком важных вопросов касается она. Необходимо охватить анализом всю их концепцию в целом, ибо речь там идет не о частных особенностях русского движения, а — ни много ни мало — о всей судьбе русского народа, переживающего критический момент. Будут ли русские жить как народ в будущие века — или вскоре сойдут с исторической сцены, как сошли эллины, римляне, египтяне и др., исчерпав свою витальную силу, растворившись в иных народах, пусть даже сохранив имя, но сменив и потеряв свою кровь, а с ней, как водится, и душу? Вот вопросы, ответ на которые ищет в своих книгах Валерий Соловей, а также его сестра. Надеюсь, они небезразличны и читателям.

Поэтому я предлагаю здесь развернутый «ответ инсайдера» — не только политолога и историка, но и действующего политика русского националистического направления, хорошо представляющего себе изнутри тот объект,

который Соловьи изучали снаружи. (К тому же мне и раньше приходилось исследовать книги В.Соловья «с карандашом» — см. «Политический класс» за 2007 год, № 2, статью под заглавием «Соловей русского национализма».) Сознывая, что полноценную контроверзу можно дать лишь в не менее объемной и эпохальной монографии, я ограничусь здесь лишь кратким перечнем того бесспорного, спорного и неприемлемого, что мне удалось обнаружить в труде названных ученых.

Об исторически бесспорном и логически спорном

Прежде всего должен от лица всех русских национал-патриотов выразить глубокую признательность авторам, двум докторам наук — а Валерию Соловью, с учетом предыдущих книг, в особенности — за их беспрецедентный подвиг: своими книгами они пробили огромную брешь в заговоре молчания вокруг русской темы. Не секрет, что наша академическая наука чуждается, даже чурается этой темы, предпочитает ее замалчивать, наложила негласное табу на русскую проблематику. При чем книги Соловьев новаторские, разрывающие многие ложные и обветшалые представления и псевдоценности.

По очень большому ряду позиций эта книга совпадает с моими убеждениями и с теорией этнического русского национализма, которая разрабатывается в течение двух последних десятилетий. В частности, я согласен с Соловьями в том, что:

— русскость определяется по крови, а не по языковому, культурному или цивилизационным критериям;

— русским людям всегда был неосознанно, инстинктивно присущ расовый образ мысли, проявлявшийся в высокой степени эндогамности;

— Россия создана именно русским и никаким другим народом;

— Россия либо будет русским национальным государством, либо ее не будет вообще;

— номинальная имперская метрополия — русская Россия — на деле была «внутренней колонией», где национальная периферия существовала и развивалась за счет центрального (русского) народа. Русские дискриминировались и эксплуатировались (чем дальше, тем больше) в пользу этнических меньшинств;

— главный конфликт исторической России — между русским народом и имперской властью, имперской парадигмой (здесь я должен буду ниже оговориться);

— при этом реально существовал симбиоз государства и русского народа, приносившего себя в жертву сознательно; однако одновременно народ неосознанно истощался как ресурс;

— осознание либо прочувствование указанного конфликта привело в конце концов к полному внутреннему разрыву симбиотической связи и безучастному отношению русских к гибели СССР, который не был ни государством русских, ни, тем более, государством для русских (вообще, анализ антирусской сути большевизма и советской власти у авторов беспощадно точен и вызывает восхищение смелостью, основательностью и последовательностью разоблачений);

— современная Россия, будучи по своему составу совершенно иной, чем до 1991 года, мононациональной русской страной, сохраняет, однако, старую установку на дискриминацию и эксплуатацию русских и даже ужесточает ее, выбивая основание из-под надежд на новый симбиоз; соответственно, русских перестало устраивать государство Российское в его нынешнем виде;

— «Русские перестали быть имперской нацией» (общественное сознание еще не переварило этот факт, но дело идет к тому);

— всякий мессианизм вообще (имперский в частности) должен быть сдан в архив: для русских пришло время заняться исключительно собой; суть происходящего — «превращение русских из народа для других в народ для себя»;

— существуют три альтернативы для современного русского национализма: преобразование империи в русское национальное государство / трансформация континентальной империи в колониальную / полное уравнивание русских в правах со всеми народами России;

— современный русский национализм либерален и демократичен; его ближайшее будущее — выход за пределы «политического гетто», для чего следует решительно расстаться с любыми рудиментами консерватизма.

В общем и целом все написанное Соловьями на тему «русские и империя», а равно принципиальный биологизм авторов вызывает у меня понимание и согласие, кроме двух моментов.

Во-первых, я не могу согласиться, что империя сама по себе есть главная причина этнического краха русских. Часто бывая в Европе, я вижу, что мы, по сравнению с белыми европейскими этносами (да и американцами европейского происхождения), еще очень даже живы, а вот они уж точно одной ногой уже в могиле. Недаром информированнейший Патрик Бьюкенен разразился книгой с названием «Смерть Запада». Их крах куда страшней и основательней (пока еще), чем наш. Самые дальновидные из западных людей недаром взирают на русских как на последнюю надежду европеоидов. Следовательно, дело не только в конфликте русских с государством: ведь у прочих белых этой причины не было, а крах налицо. По прогнозам, за сто лет (сер. XX — сер. XXI вв.) доля европеоидов в соста-

ве населения Земли сократится с 30% до 15%. Значит, надо искать общий алгоритм гибели европеоидов как расы, а не только русских как этноса. На эту тему мной написана книжка «Итоги XX века для России. Европа, Америка и Россия: этнодемографические и этнополитические аспекты современной истории».

Во-вторых, я не считаю, что русский национализм можно и нужно рассматривать как рефлексию на противоречие между народом и государством. Это равнозначно признанию аномалии именно русского национализма, исключению его из ряда всех прочих национализмов. Но ведь национализм свойствен в той или иной степени всем живым народам, хотя причины его подчас лежат совсем в иной области. С чем связан данный ложный, на мой взгляд, тезис? С базовым определением национализма у Соловьев, которое меня удовлетворить не может.

Сегодня модно ссылаться на западных конструктивистов (Геллнера, Хобсбаума и др.), которые, по правде говоря, очень мало понимают в национализме. Слава богу, Соловьи этого избежали, но... взяли за основу столь же неавторитетное мнение отечественного присяжного либерала-конструктивиста (!) В.В. Малахова о национализме только как о политической идеологии. Зачем, почему, с какой стати? А из чего же вырастает политическая идеология? И как можно какую-либо идеологию принять, а тем более выдавать за феномен? Непонятно.

В современной отечественной традиции утвердился более верный подход к национализму именно как к феномену: национализм есть деятельная любовь к своему народу (примерно так же толкуют это слово и основные зарубежные словари) и/или инстинкт самосохранения народа, на что указывал еще Иван Ильин. Инстинкт, который может спать, когда все благополучно, но просыпается в годину испытаний.

Подобные чувства и инстинкты существуют на доидеологическом уровне, а доктринальное оформление они могут получить или не получить смотря по обстоятельствам.

Приняв определение Ильина, мы бы никак не смогли согласиться, будто исключительно только конфликт между русским народом и государством был единственным «главным нервом и скрытой пружиной» русской истории. В меньшей степени таковыми были многочисленные нашествия иноплеменных (хазар, печенегов, половцев, татар, немцев, шведов, поляков, французов, снова немцев, евреев и т.д.) на нашу открытую всем ветрам континентальную Родину. И никак в меньшей степени эти нашествия будили и порождали русский национализм. Так что правильнее было бы сказать, что национализм русского народа выковывался между молотом инородческих нашествий и наковальней правительственного хищнического употребления, между чужим оккупантом и своим самодержцем (который на поверку-то последние двести лет и не был своим, русским: Романовы, начиная с Екатерины II, Ленин, большевики, Сталин, Андропов).

Отсюда же, от «малаховского» неправильного, по моему убеждению, определения национализма логически проистекает ошибка, которую я бы назвал грубой: отождествление национализма с патриотизмом (с. 9). Еще в середине 1990-х в националистических кругах прошла капитальная дискуссия «Национализм против патриотизма», участниками которой Соловьи, к сожалению, не были. Ее итоги отражены в моих книгах и статьях. Основной и непреложный для националиста тезис: «Нация первична, государство вторично»; для патриота — все наоборот. Размежевание прошло, и оно необратимо.

Самое интересное, что вся книга Соловьев противоречит принятому ими определению национализма, ибо как политическая идеология русский на-

ционализм сложился буквально вчера, в то время как историки отмеряют его со времен Никона и Аввакума.

Что еще мне показалось спорным в книге Соловьев?

1. Авторы указывают на «три порока» русского национализма: «слабость интеллекта, дефицит воли и организационная импотенция».

Такому суровому и на первый взгляд справедливому приговору хочется, однако, возразить. Если уж авторы взяли за основу малаховский взгляд на национализм как на политическую идеологию, то надо признать, что именно русский-то национализм еще чрезвычайно молод. Хотя корни его уходят далеко (я разделяю взгляд Соловьев на старообрядцев XVII века как на далеких предтеч националистов, пусть лишь по чувству национально-религиозной исключительности и превосходства), но как цельная, зрелая концепция этнический (а другого и быть не может) национализм сложился только в последние годы. Русские до сих пор консолидировались на каком угодно принципе (территория, государство, религия, династия, мессианская идея и проч.), только не на принципе крови. И потребовалось последовательное крушение и развенчание всех этих ложных (!) принципов, чтобы простая идея «русский, помоги русскому» перестала шокировать самих же русских и начала обретать черты националистического императива.

Молодость русского этнического национализма позволяет мне назвать тоже три, но совершенно другие, причины его слабости:

1) отсутствие у русских опыта этнической консолидации (особенно очевидное на фоне таких народов, как евреи, чеченцы и др.), исторически не окрепшие позиции спасительного этнического национализма;

2) невосстановленность русской биосоциальной элиты, уничтоженной с 1917 по 1950-е гг., отравленность со-

временной русской интеллигентской элиты западничеством и ее разбавленность нерусским элементом, а также невнятность русской цивилизационной идентичности и как следствие — онтологически тщетные, но настойчивые попытки подменить этнический национализм — национализмом цивилизационным;

3) слабость и политическая незрелость национального русского капитала и отсутствие в данной связи «генерального заказчика» националистических преобразований в политике. А без генерального заказчика никакая сеть националистических организаций и СМИ в принципе не способна консолидироваться и превратиться в стальной механизм таких преобразований, а больше напоминает феодальную раздробленность, ибо каждая ячейка воюет с соседней за место под солнцем.

Все это поправимо, если, конечно, не опускать руки. А с исправлением этой стратегической ситуации сами собой исправятся и вышеназванные «пороки».

И еще: Соловьи напрасно называют в числе трех пороков — дефицит воли. Воли националистам вполне хватило на то, чтобы задавить революцию 1905–1907 годов. Не в дефиците воли было дело и в 1917 или 1991 гг., когда националисты упустили «лежащую на земле власть». А в том, что в обоих случаях, чтобы эту власть поднять, требовалось кричать «Долой!» (в первом случае — самодержавие, во втором — КПСС). А вот этого-то националисты и не могли, ибо были плоть от плоти гибнущей власти, чувствовали свое с ней сродство, не могли в ее лице предать самих себя, не могли кусать вскормившую их руку. Это была зависимость и от строя, и от конкретных людей. Националисты начала века были искренними монархистами (а востребованы были ниспровергателями монархии), националисты конца века — столь же искренними советскими людьми (а к власти в тот момент могли прийти только анти-

советчики). Отказаться от своих политических убеждений ни те, ни другие не смогли и потому схватку за власть в обоих случаях проиграли.

2. Душа любой научной работы — библиография, по ее составу можно судить о книге в целом. Мне в книге библиография показалась весьма представительной и интересной, но далеко не полной. Не хватило ссылок на важные, принципиальные работы ряда авторов: А.Г. Кузьмина (об истоках и специфике русского национального характера), В.Кожина (в плане критики сочинения У.Лакера о черносотенцах, а также в плане подробного и увлекательного повествования об особой крестьянской войне, ведшейся как бы «внутри» войны Гражданской), А.Каппелера («Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад») и академика В.Любавского («Очерки истории колонизации России»), Д.А. Коцюбинского («Русский национализм в начале XX столетия»), академика И.Р. Шафаревича («Трехтысячелетняя загадка») и некоторых других.

Библиографической лакуной выглядит отсутствие ссылок на внутренние документы (газеты, брошюры, манифесты, программы, открытые письма, принципиальные статьи и т.д.) русского движения, которое предстает читателю в кривом зеркале профессиональных ангажированных грантоедов, собирательно именуемых нарицательным именем «верховские-прибыловские». Последнее пятнадцатилетие почти полностью освещено Соловьями на основе подобных источников, не блещущих достоверностью.

Такое же одностороннее доверие к авторам либерального лагеря подводит, на мой взгляд, Соловьев и в другой важной части их анализа, где речь идет о проблемах демографии и миграции. Авторы почему-то опираются на труды такого одиозного социолога, как Анатолий Вишневский, напрасно игнорируя целую когорту его прин-

ципальных и не менее авторитетных противников. Причем не только консервативного (например, профессора Анатолий Антонов, Наталия Зверева, Антонина Носкова и др.), но и либерального (Александр Горянин) направления.

Мне представляется неоправданным и то благоговение, с которым в книге цитируются зарубежные исследователи (Лакер, Хоскинг и др.), которые, часто располагая хорошей фактической базой, решительно не ориентируются притом в реалиях русской истории и современности — по простой причине нерусского и нероссийского (порой и несоветского) менталитета, невключенности в нашу экзистенцию, в наши «внутренние обстоятельства». Их попытки мерить русских на западный аршин не вызывают ничего, кроме иронических сожалений. Я не против использования собранного ими материала, но не доверился бы их оценкам безоголосно. В некоторых научных кругах апелляция к западному научному наследию считается хорошим тоном, но что там в действительности хорошего? Много раз приходилось убеждать как в безнадежном идеализме западных авторов, включая знаменитостей, так и в их приверженности науке мнений, а не фактов. Таковы традиции, в коих они воспитаны. Хотя бывают и исключения (упомянутый Каппелер, например). Практические результаты такого изучения наших реалий мы наблюдали недавно в Южной Осетии и Грузии, где расчеты заокеанских стратегов, скрупулезно выверенные их наукой, оказались позорно опрокинуты на практике.

3. Думаю, что авторы напрасно утверждают (причем неоднократно), будто «русские этнические преференции спровоцировали бы возмущение нерусских народов», будь то империя Романовых или СССР. Это алармистское утверждение ничем не обосновано и вряд ли может быть обосновано. Об этом вполне однозначно говорит

распад Советского Союза, в результате которого в ряде бывших республик образовались жестко этнократические государства, несмотря на то, что титульное население составляло там менее 50% (процент ниже, чем у русских в обеих бывших империях). Казахи в Казахстане на момент признания независимости составляли немногим более 40% населения, однако в Конституции нового государства указано, что Казахстан есть форма самоопределения именно казахского народа (и политическая практика это недвусмысленно подтвердила). Про Эстонию или Латвию, где «титульных» было также меньше 50%, я и не говорю. Отчего же нас все время пугают возмущением народов даже в нынешней России, где русские составляют свыше 80%?! Мне такие «страшилки» кажутся научно несостоятельными, а ведь они действуют, бьют русских национальных политиков по рукам! Этого, на мой взгляд, следовало бы избегать. Особенно сейчас, когда ситуация с каждым днем развивается в нашу пользу, и нам может понадобиться вся наша решительность для разворота к русскому национальному государству. Сегодня требование для русских как равноправия, так и определенных преференций не ослабляет, а напротив, способно лишь укрепить Россию.

Молчать нельзя обсуждать

Спорным кажется мне подход Соловьев к национальному аспекту Октябрьской революции 1917 года, которую они безоговорочно считают и называют русской, то есть затейной и совершенной русским народом для себя. Согласиться с этим нельзя.

Много лет занимаясь данным вопросом, я пришел к выводу о принципиальном отличии данного события от крестьянских войн и восстаний, неоднократно поднимавшихся действительно русским народом в прошлом и столько же раз с успехом подавлявшихся русским правительством. Это

отличие состояло в том, что революция и Гражданская война со стороны красных по своим целям и задачам была антирусской, по своему исходному замыслу и по руководству еврейской, по своим движущим силам в значительной, если не определяющей, степени нерусской. Особенного внимания заслуживает тот факт, что во всех т.н. точках бифуркации, когда ход войны мог переломиться в ту или иную сторону, перелом в пользу красных совершался именно вмешательством нерусских сил. В первую очередь — еврейских волевых руководителей и комиссаров, во вторую — несокрушимых латышских стрелков, но также и венгров, китайцев, поляков, финнов, представителей иных нерусских народов, не говоря уж о немцах, всемерно поддержавших революцию 1917 г. деньгами и не только. Как выяснилось недавно, втайне приложили руку и англичане-союзники... Это был едва ли не крестовый поход многих народов мира против русских, за которых заступиться оказалось некому (Дикая дивизия, посланная было Корниловым на Петроград, дала себя распропагандировать и дело провалила, а в дальнейшем горцы систематически били белогвардейцам в спину).

Можно не обинуясь сказать, что единственный в истории успех очередного русского бунта был обусловлен именно и только тем, что на русском народном «теле» данного бунта сидела на сей раз еврейская «голова», а «руками» зачастую служили крайне антирусски настроенные представители других народов империи. Началась эта Великая национальная антирусская революция и гражданская война, по сути, еще в 1916 году, когда в ответ на попытку правительства мобилизовать инородцев на военно-тыловые (!) работы полыхнуло так называемое «Среднеазиатское восстание», вскоре охватившее всю Самаркандскую, Сырдарьинскую, Ферганскую, Закаспийскую, Акмолинскую, Семипалатинскую, Семиреченскую, Тургайскую

и Уральскую области с более чем 10-миллионным населением. Так и не затушенное царским правительством, это восстание плавно переросло затем в тотальный антирусский мятеж инородцев в 1917–1921 годах.

Я намеренно подчеркиваю последнюю дату, поскольку именно в этом году на X съезде РКП(б) по итогам Гражданской войны победителями была принята программа, закабалявшая русский народ, официально превращавшая его в бесправного и вечного донора для всех других народов советской империи: нерусская революция, победив, немедленно реализовала свои антирусские цели. О самом факте закабаления Соловьи пишут очень много, ярко и убедительно (глава «Антирусская империя» поистине бесподобна). Их почему-то не смущает вопиющее противоречие: если революция была таки русской, то почему же ее победа сразу, немедленно обернулась столь сокрушительным стратегическим поражением для русских? Почему «русская» революция победила с чудовищно антирусским результатом? А ведь это были еще только цветочки! Самый страшный итог названных событий состоял в тотальном уничтожении к 1950-м гг. русской биосоциальной элиты, рожденной тысячу лет, от чего мы не можем оправиться до сих пор.

В сборнике «Из глубины» (1918) Бердяев резюмировал: «Русская революция антинациональна по своему характеру, она превратила Россию в бездыханный труп». Так оно и было: историческая Россия была большевиками убита.

Соловьи констатируют, что после 1917 года «русскому народу предстояло выступить в роли коллективного ответчика за империю перед лицом малых народов». Но эта констатация ничего не объясняет. Не сами же мы на эту роль направились! Русских, как это обычно бывает с побежденными, выставили в ней те, кто нас победил в ходе Гражданской войны, и нелепо

даже думать, что это были мы же, русские. Русский Холокост как результат русской революции — какого же авторы мнения о нас, русских? Кто мы в их глазах — идиоты? Мазохисты? Самоубийцы? Как объяснить такой исторический выверт?

Ответ лежит на поверхности. Цели и задачи социалистической, «пролетарской» революции никогда, еще от Маркса, Лассаля и Коминтерна, не соотносились с судьбой России и ничего общего с благом русских не имели. Они изначально ориентировались на интернационал и мировую революцию и формулировались по большей части представителями совсем другого народа, еврейского. Революция была во всех смыслах нерусской и антирусской еще на стадии замысла, проекта. Нерусским и антирусским было, если уместно такое сравнение, самое лекало, по которому она кроилась. Уподоблять радикальную русскую утопию «мужицкого царства» — марксистскому *credo*, как это делают Соловьи на с. 168, кажется довольно диким непредвзятому уму.

Ну и затем: возглавлялись все основные левореволюционные партии — большевики, меньшевики, эсеры — не вовсе исключительно, но преимущественно евреями, авторитет которых был подавляющим, а вес определяющим.

Решающее участие евреев в подготовке «русской» революции выявилось задолго до нее самой. Ярчайший пример — судьба императора Александра II. Идея убийства царя-Освободителя возникла в комитете подпольной партии «Народная воля», куда вошли два еврея (Гольденберг и Зунделевич), два поляка (Кобылянский и Квятковский) и один русский (Михайлов). Первым подал мысль убить императора и предложил для этого свои услуги именно Гольденберг, как стало известно позднее по его показаниям, опубликованным в «Историческом вестнике» за 1910 год. Однако было сочтено поли-

тически неуместным передавать дело убийства русского царя в руки еврея. Покушение удалось 1 марта 1881 года. Хотя бомбистами были назначены русский Рысаков и поляк Гриневицкий, но история подготовки преступления пестрит еврейскими именами террористов: Натансон, Дейч, Айзик, Арончик, Аптекман, Девель, Бух, Гельфман, Фриденсон, Цукерман, Лубкин, Гартман и др.

Взошедший на престол сын убитого Александр III начал широкомасштабное преследование революционеров, что вызвало новую волну еврейской ненависти. Среди покушавшихся на нового императора был и Александр Ульянов, старший внук еврея Израиля Бланка. Его поймали и казнили. Узнав о его смерти, младший брат Владимир Ульянов (будущий Ленин) проникся мечтой страшно отомстить Дому Романовых. Эту клятву личной мести он, как известно, сдержал до конца.

Историю революции в России невозможно рассматривать вне признания определяющей роли еврейского фактора. Александр III, отчасти осознавший роль «избранного народа» на трагическом опыте своего отца и развития революции вообще, попытался восстановить черту оседлости, стал возвращать обратно в ее пределы евреев, распространившихся по России. В 1891 г. императору был представлен доклад о постепенном выселении евреев из Москвы и Московской губернии; Александр написал на документе кратко: «Исполнить». Выселение еврейского населения было возложено на директора департамента полиции, впоследствии министра внутренних дел фон Плеве и на генерал-губернатора Москвы, брата царя — великого князя Сергея Александровича. Они не справились с задачей до конца, однако оба отныне оказались обречены на казнь, за которой четко просматривается фигура эсеровского обер-террориста Евно Фишелевича Азефа. Был убит эсером и другой министр полиции, Сипя-

гин (казнь убийцы вызвала панегирик подельника Азефа — Григория Гершунни); вершиной революционного террора стало убийство премьер-министра Столыпина (национальная мотивация его убийцы Мордки Богрова детально раскрыта Солженицыным в «Красном колесе»).

Террор, фактически подготовивший революции 1905 и 1917 гг., не случайно возглавляли именно евреи. Составляя среди населения России всего 4,2%, евреи среди политических преступников на 1911 год составили 29,1%. Если по статистике вывести некую среднюю норму, отражающую количество политических преступников в среде того или иного народа Российской империи, то выясняется, что у евреев эта норма была превышена в восемь раз, а у русских занижена в полтора раза! Поистине, «русская» революция на деле была еврейской, отрицать это невозможно.

Евреи решительно возглавили как первую, так и вторую социалистические революции в России, а затем и новую, советскую власть. По мере того как историческая перспектива «оседывалась» большевиками, а власть концентрировалась в их руках, революционное еврейство все сильнее устремлялось именно в эту правящую партию и тоже в ней концентрировалось. В августе 1917 года на VI съезде РСДРП(б) в нее вступила всем составом Междурайонная организация РСДРП (группировка Троцкого), в абсолютном большинстве состоявшая из евреев. В январе 1918 г. по инициативе Ленина был даже создан временный комиссариат (с 1921 г. — отдел) по еврейским делам Наркомнаца и специальные еврейские коммунистические секции РКП(б). В марте 1921 г. на 13-й конференции в Минске решение об официальном вступлении всем составом в РКП(б) принял Бунд. В декабре 1922 г. аналогичное решение приняла партия «рабочего сионизма» Поалей Цион (Еврейская Коммунистическая

партия). На XI съезде компартии весной 1922 г. делегаты евреи (14,8%) по численности уступали уже только русским (65,3%). И т.д. Но дело, повторюсь, не столько в количестве, сколько в том, что евреи заняли самые высокие посты в социалистическом государстве: в госаппарате, в партии, в карательных органах. Но, опять-таки, речь не только о самой верхушке власти. По данным американских архивов, где хранятся донесения из нашей страны дипломатов тех лет, в какой-то момент из 384 комиссаров советской власти числилось: 2 негра, 16 китайцев, 15 армян, 13 русских и... свыше 300 евреев. Таковы характерные и неоспоримые исторические факты.

Уничтожив и деклассировав русскую биосоциальную элиту, большевики встали перед необходимостью тотально заменить русскую интеллигенцию, отшатнувшуюся от революции еще 1905 года, не принявшую революцию 1917 года и саботировавшую распоряжения советской власти, на некий лояльный контингент. Таковым, естественно, оказалась еврейская интеллигенция, о чем имеются вполне откровенные и однозначные показания не только Ленина, Бухарина, Калинина и др., но и нынешних наиболее объективных еврейских историков (Р.Нудельман и др.). И эта тотальная замена таки была осуществлена, о чем свидетельствует огромное количество источников.

Остается только недоумевать, почему такие пронизательные ученые, как брат и сестра Соловьи, все еще пребывают в уверенности, что Октябрьская революция была «русской». Такое определение можно было бы дать разве что той долгой и ожесточенной мужицкой войне, которую русские повстанцы вели на два фронта против белых и красных одновременно (о чем убедительно писал Вадим Кожин) и которую красные в итоге жестоко раздавили и продолжали давить вплоть до 1930-х гг. Эта война и впрямь

была русской и по целям и стилю, и по руководству, и по движущим силам — взять за образец хоть бы Тамбовское восстание или вольницу Махно. Но ее Соловьи вообще не заметили.

Надеюсь, никто не упрекнет авторов в том, что блистательно разрушив одно застарелое табу (вокруг русского вопроса), они сознательно укрепили другое (вокруг вопроса еврейского). Но почему бы им не пересмотреть свои взгляды ради вящей научной объективности?

Неубедительное объяснение

Не один год посвятив штудированию еврейской темы, должен (в том числе в связи с вышесказанным) выразить решительное несогласие в целом со всей главой, ей посвященной. Мне приходится возражать авторам прежде всего потому, что еврейский вопрос настолько тесно переплелся с русским, что решить одно, не задев другого, уже не представляется возможным.

Соловьи пишут: «Главная тайна русского антисемитизма состоит в том, что им движет глубинный страх перед евреями... Рискнем предположить, что глубинным источником антисемитизма оказался комплекс русской неполноценности, который парадоксально культивировался именно русскими националистами. А как еще иначе расценить требования государственной защиты русского народа от “жидовской эксплуатации” и “жидовского развращения”? Разве это не было признанием русской слабости перед лицом силы евреев?» (с. 161).

Два обстоятельства мешают мне принять концепцию Соловьев.

Во-первых, начало XX столетия («серебряный век» русской культуры) отмечено таким расцветом, высшим взлетом собственно русской науки, литературы и искусства, что ни о каком комплексе неполноценности у русских тех лет не может быть и речи. Огромное обилие именно русских имен во всех сферах духовного производства

вызывает изумление и восхищение. Скорее наоборот, этот расцвет вызывал подобный комплекс у других народов империи, в том числе евреев, явно стремившихся русским подражать. Эпоха величайших свершений, дерзаний, пророчеств и озарений, открытий и т.д., увенчавшаяся (наконец-то!) широким и громким признанием на Западе — она, напротив, наполняла русские души чувством гордости и собственного могущества, превосходства. Особенно именно в связи с успехами в Париже, Берлине, Лондоне: ведь если русская интеллигенция и комплексовала весь XIX век, то именно перед Западом, перед Европой, а уж никак не перед евреями, чье участие в этом буйном расцвете было исчезающе мало, а то, что проглядывается, целиком лежало в русле именно русской традиции. Исаак Левитан, Леонид Пастернак, Осип Браз, полукровка Валентин Серов — что в их творчестве было еврейского, нерусского? Не найти днем с огнем. А еврей скульптор Марк Антокольский, посвятивший почти весь свой талант возвеличиванию русских исторических героев, и даже свой шедевр — «Христос перед судом народа» — создавший как обвинительный акт против собственных соплеменников? А братья Рубинштейны — разве они писали и исполняли еврейскую, а не русскую музыку в ее лучших традициях? Время же Марка Шагала и иже с ним придет только после революции, когда чисто еврейская культурная популяция пышно расцветет на щедро одобренной русской кровью земле. Как и время Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака, которых я лично, кстати, тоже отношу к русской традиции, в отличие, скажем, от современных им Эдуарда Багрицкого или Джека Алтаузена. Так что вряд ли образованные русские люди имели до революции какие-либо основания комплексовать перед лицом евреев. Никакого духовного превосходства те не обнаруживали, хотя и старались (особенно журналисты, критики).

Во-вторых, не только русское образованное сообщество, но и в целом русский народ на всем пространстве России тоже был избыточно уверен в собственных силах и не имел никаких видимых оснований ужасаться евреев. Их ужасались только там, где успели реально узнать за века совместного проживания: в юго-западных губерниях. Но великорусское население, в массе своей (86%) состоявшее из малограмотных и вовсе неграмотных крестьян, не замечало и не желало замечать, кто возглавляет отряды «борцов за социальную справедливость», «борцов за лучшее будущее для трудового народа». Какая разница: еврей, не еврей? Ведь они за нас: за бедных, за русских!

Народ не разобрал искусной мимики и легко принял национально чужих за социально своих. Во время свободных выборов в Учредительное собрание, состоявшихся сразу после Октябрьской революции 1917 года, подавляющее большинство избирателей, свыше 90%, проголосовало за левые партии, причем 58% и 25% соответственно именно за эсеров и большевиков, чье руководство состояло в наибольшей мере из евреев.

Этот ярчайший и неоспоримый факт делает невозможной гипотезу Соловьев о каком-то комплексе русских перед евреями, ибо показывает как раз таки полное слепое, я бы даже сказал — безумное бесстрашие первых в отношении вторых.

А как же быть с «глубинным страхом» и с «требованием государственной защиты», действительно свойственным, к примеру, русским националистическим депутатам из юго-западных губерний? Да очень просто! Этот страх и эти требования вовсе не носили параноидального характера навязчивых фобий, а сполна фундаментировались житейской практикой, собственным горьким опытом и многолетними наблюдениями самих депутатов, отслеживавших евреев в жизни! И притом в массе, в статистически

значимом объеме. Зеркало сознания депутатов вовсе не было кривым, оно верно отражало ситуацию в соответствующих регионах. Почему бы нам всем (и авторам, разумеется, тоже) не исходить из презумпции адекватности и добросовестности этих свидетелей и основательности их опасений и обвинений? Ведь не за то бьют волка, что сер, а за то, что овцу съел! Соловьям, судя по их ироническому тону, кажется забавной сама мысль об эксплуатации и развращении евреями русских, но она не казалось таковой ни крестьянам, оказавшимся у евреев в аренде, на откупе или в долговой кабале, ни самим евреям, не раз попадавшим под запущенный ими бумеранг притеснений и насилия (гайдамаки, петлюровцы, отряды Булак-Булаховича, бандеровцы и проч.). И если во время оно Спиноза прозорливо заметил, что евреи антисемитизм повсюду приносят за собой, то современный нам главный раввин Копенгагена Бент Мельхиор недавно остроумно подтвердил: антисемитизм есть везде, где проживают евреи.

Однако на большей части территории России евреи до революции не жили, никаких фобий и комплексов у местного населения не вызывали, и анти-антисемитские результаты выборов в «Учредилку» об этом свидетельствуют как нельзя яснее.

Так что ирония авторов кажется мне здесь неуместной. Как, кстати, и в части их критики конспирологии, до которой я и сам не большой охотник. Но как не признать, что порой и конспирологи оказываются правы. Давно ли мы смеялись над выражениями типа «Ленин — немецкий агент» или «Троцкий — наймит англо-американского капитала». Но вот открылись закрытые дотолы архивы, вышли из тени на свет фигуры Парвуса и Шиффа, руководителей разведслужбы Великобритании и многое другое... Сегодня просвещенный человек остережется хохотать над указанными утверждениями, потому что они — правда. Будем же осторож-

нее в суждениях и мы, когда речь идет о народе, говорящем сам о себе: «Вот народ, живет отдельно и среди народов не числится».

Крови царя на нас нет

Отдельным пунктом вынужден прокомментировать задержавшее мое внимание высказывание Соловьев: «Этнический фактор действительно сыграл решающую роль в революционных потрясениях начала XX в., однако, вопреки сумеречным конспирологическим фантазиям, то была не еврейская, а русская этничность. Именно “народбогоносец” расправился с помазанником Божиим и отряхнул со своих ног прах Старого порядка» (с. 166). О национальном лице «русской революции» написано выше. Здесь коснусь лишь темы цареубийства.

Простое чувство справедливости решительно восстает против этого резко заявляющего и заставляет возразить.

Случилось так, что мне довелось в Париже держать в руках и листать машинописный оригинал книги Роберта Вильтона «Злодеяние над царской семьей, совершенное большевиками и немцами» (Париж, Шота Чиковани, 2005). Вильтон, британский подданный, родившийся и выросший в России, был спецкором «Таймс». В ходе Германской войны награжден царем Николаем II за фронтовые репортажи орденом св. Георгия. Во время Гражданской войны находился в армии Колчака, жил в специальном вагоне вместе с эвакуирующимися английскими дипломатами и был ближайшим помощником следователя Н.Соколова, расследовавшего уголовное дело о цареубийстве. Соколов хранил все следственные материалы в купе Вильтона, пользуясь его особым статусом. Оказавшись в Англии, Вильтон немедленно по свежим впечатлениям публикует в 1920 году книгу «Последние дни Романовых» — уникальный и, бесспорно, донныне лучший источник по истории данного злодеяния. После выхода английского

издания Вильтон потерял работу, подвергшись травле и преследованиям, а вскоре тяжело заболел и умер. Владея русским языком как родным, он успел подготовить и даже выправить новый вариант книги, но русскому оригиналу суждено было пролежать в столе более восьмидесяти лет, дожидаясь публикации. Вот этот-то оригинал, правленный самим автором, и привелось мне внимательно рассматривать. Его наиболее характерная особенность в том, что Роберт Вильтон, творивший без оглядки на внутреннюю цензуру, вынужден был затем учесть печальный опыт первой публикации, столь дорого ему стоивший. А потому по всему тексту, готовя его к обнародованию, он собственной рукой аккуратно подчеркивал в большинстве случаев слова «еврей», «евреи» — и повставлял сверху: «большевик», «большевики» (что отразилось и в новом заглавии). Рукопись вся насквозь пестрит помарками такого рода.

Право, читая у Соловьев соответствующую главу, так и тянет произвести противоположную процедуру.

Попытку задним числом переложить ответственность за царубийство с больной головы на здоровую представляется мне заведомо провальной. Ведь всем давно известно и помимо Вильтона, кто, лично и конкретно, задумал, приказал и санкционировал убийство царской семьи: Ленин и Свердлов, ни в одном из коих не было ни единой капли русской крови. Отлично известна и национальность главных организаторов и исполнителей — Белобородова (Вайсбарта), Шаи Голощекина и Юровского, который до конца жизни гордился своим преступлением. Их тоже никак нельзя причислить к русским.

Данное утверждение, как и все сказанное выше, — ни в коем случае не антисемитская инвектива, это лишь непреложные факты, от которых неприлично отворачиваться историку.

Характерная и трогательная деталь: царубийцы перед расстрелом заме-

нили внутреннюю охрану, состоящую из русских солдат, австрийцами и мадьярами. Именно потому, что им было абсолютно очевидно то, что оказалось скрыто для Соловьев: русские люди не стали бы стрелять в «помазанника Божия», а тем более в его жену и детей. Они могли взбунтоваться, ситуация могла выйти из-под контроля, преступный замысел провалился бы.

Таким образом, в криминальной истории убийства царской семьи, как и в не менее криминальной истории убийства исторической России, отчетливо видны все звенья: заказчики, организаторы и исполнители. И все они, как на грех, — нерусского происхождения (если не считать одуроченной биомассы пугачевско-разинско-анархического толка в Красной армии да части офицерства, чьи семьи оказались в заложниках у революционных бандитов).

Преступление слишком серьезно, чтобы за него отвечал невиновный.

Я легко могу понять чувство Вильтона, водившее его рукой при выправке текста. Понять наших авторов мне труднее.

О неприемлемом

Неприемлемое начинается, когда авторы от истории и теории переходят к современной политической практике.

Самое уязвимое в книге — наблюдения по поводу современного национализма, начиная с середины 1990-х годов. Вплоть до потери или подмены объекта исследования. Отчасти это связано с недостатками метода. Дело в том, что кардинальная ошибка в базовых понятиях привела, как и следовало ожидать, к каскаду ошибочных же утверждений, начиная с выбора фигурантов. Кто только не зачислен Соловьями в русские националисты! Тут оказались не только Бабурин, Руцкой или Нарочницкая (имперски настроенные патриоты, то есть «недонационалисты»), но даже евразиец Дугин, даже великодержавный космополит Про-

ханов, большевик-интернационалист Лимонов и оборотень Жириновский, а с оговорками — так даже и Анатолий Чубайс (с. 383). Словом, все те, кого реальные русские националисты никогда не согласятся считать националистами, разве что с приставкой «квази». Судить по этим деятелям о русском национализме нельзя, это безнадежно уведет нас в сторону от истин — как прикладных, так и теоретических, как промежуточных, так и конечных. Для тех, кто не ограничивается изучением текстов, а не гнушается «полевыми исследованиями», наблюдениями и живописанием националистов *ad vivum*, это очень ясно.

Характерен казус Бабурина, попытавшегося в 2007 году убедить Кремль и общественность в том, что он-то и есть главный националист, контролирующий русское движение. Дело кончилось позорным конфузом 4 ноября, когда коалиция реальных националистов вывела на общий Русский марш около семи тысяч человек, а Бабурин в тот же день — чуть более трехсот «прикормленных», оболыщенных обещаниями или иначе связанных с ним лично людей. После чего подобные притязания самонадеянному политику пришлось оставить: националист из него не получился не только в глазах президента или народа, но даже в своих собственных.

Не менее характерен казус «националиста» Лимонова, скатившегося к союзу с крайними либерал-космополитами, принявшими его, невзирая на весь «национализм», чего не могло бы быть в принципе по причинам естественно-биологическим, будь в Лимонове хоть капля национализма без кавычек.

Соловьи судят с позиций сторонних наблюдателей, сами они никогда не состояли в русском движении и далеки от его внутренних обстоятельств, чем и объясняется во многом дрейф их объекта исследования, когда оптика историков вперяется вместо оригинала — в

копию или симулякр. Именно поэтому некоторые важные, ответственные инвективы и рекомендации авторов бьют мимо цели: они несоотносимы с реальным русским движением.

Интересно, что авторы попадают в логическую ловушку, которую сами себе и поставили, доверившись ложному малаховскому определению национализма как политической идеологии. Ибо если это так, то следует признать, что русский национализм как таковой более-менее сложился в основных чертах только к нашим дням. И изучать его, следовательно, есть смысл не с Союза русского народа или славянофилов, а тем более — старообрядцев, как это делают Соловьи, а с начала 2000-х годов. Ведь парадокс 1990-х состоял в том, что русские националисты уже водились в изобилии, а вот русского национализма именно как интегральной идеологии, представляющей общую платформу националистов всех мастей, еще не было. Первая попытка создания такой объединительной платформы (116 пунктов) была предпринята Оргкомитетом Национально-Державной партии России в 2001 году, но опыт НДПР, не один год бывшей «первой среди равных» в русском движении, вообще не привлек внимания Соловьев. Следующая попытка — «Программа-максимум и Программа-минимум», принятая на учредительной конференции Русского национального движения (январь 2004). Были и другие, менее заметные объединительные документы. Последним сводным манифестом такого рода можно считать мой обзор на сайте АПН ответов русских националистов на семнадцать вопросов кремлевского журналиста Павла Данилина (март 2009).

Соловьи стремятся к широкоформатной панораме, они предпочитают пастозные мазки и работают чаще шпателем там, где порой уместнее муштабель и тонкие лессировки. Опасаются перенапрячь историческое зрение? Они пишут несколько свысока:

«Калькулирование идеологических различий между мелкими группками и крошечными партийками — занятие сродни изучению сегментов дождевого червя» (с. 317). Думаю, что не только продвинутые гельминтологи (как известно, именно черви были главным пожизненным предметом увлечения Чарльза Дарвина), но и многие историки сочли бы это заявление кощунственным и лишаящим исследователей перспективы. Ведь движение истории иногда заметнее не в массах, а в узких кружках («якобинских кафе»); просто всему свое время. Иной раз нужен телескоп, а иной — и микроскоп. Оттого, что у русских националистов сегодня нет крупных организаций, подобных «Памяти» или РНЕ, или той же НДПР периода подъема, не следует пренебрегать изучением малых и даже экспериментальных групп. Что поделаешь: массовый русский национализм еще не вышел открыто на авансцену истории XXI века.

Сказанное в максимальной степени относится к национализму как идеологии, раз уж авторы сами избрали такой подход. Но Соловьи не бывали в русских дискуссионных клубах 1990-х гг.: ни в Российском общественно-политическом центре (семинар «Национальная доктрина России», ведущий А.Н. Савельев), ни в Государственной Думе (семинар «Нация и государство» при комитете по геополитике, ведущий А.В. Архипов), ни на иных такого же типа толковищах. А зря. Именно подобные микроплощадки (плюс некоторые полужэкспериментальные СМИ) своевременно послужили подлинными лабораториями русского национализма, в которых и дистиллировался актуальный дискурс. Свидетельствую это как непререкаемый участник всех баталий и дискуссий по ключевым вопросам русского национализма, инвентаризовавший их в документе под названием «*Credo*» («Национальная газета» № 11 / 2006 — № 2 / 2007).

Не случайно в библиографии, отно-

сящейся к 1990–2000-м годам, у Соловьев нет ни одного (!) инсайдерского источника, кроме конъюнктурной книги Петра Хомякова, и авторы вынуждены опираться на популярные либерально-демократические поделки «специалистов», коих никогда на пушечный выстрел не подпускали к Движению и чьи многостраничные заказные творения в значительной степени являются туфтой в самом научном смысле слова. Итак, можно с огорчением отметить, что раздел книги, посвященный последнему пятнадцатилетию, фундирован слишком недостаточно.

Этот пробел дает себя знать в некоторых принципиальных моментах. В частности, ожесточенная дискуссия между патриотами и националистами, четко и навсегда размежевавшая их во второй половине 1990-х, прошла мимо внимания Соловьев, по старинке отождествляющих эти понятия. Верно отметив, что в 1990-е «была воспроизведена основополагающая дилемма <...>: русские для государства или государство для русских», Соловьи ошибочно отнесли ее в целом к националистической парадигме, в то время как она лишь воплощает пресловутую дилемму «патриотизм — национализм».

То же касается оппозиции «национализм политический — национализм этнический», которую Соловьи полагают мифом (с. 317). Но это не так. Мифом, если на то пошло, можно считать сам по себе политический (гражданский) национализм, в маске которого обычно выступает заурядный патриотизм. Но теоретическое, идейное противостояние им порождено вполне реально, как в глобальном (контроверза французской и немецкой концепций нации), так и в местном масштабе. О чем убедительно поведал Михаил Ремизов в докладе «Русский национализм как идеология модернизации» на конференции «Русские в XXI веке. Стратегии возрождения» (октябрь 2006): докладчик справедливо отметил полную идейную капитуляцию в Рос-

сии несостоятельного политического национализма перед национализмом этническим.

То же можно сказать и об оппозиции «национализма слесарского» (эта разновидность отмечена Соловьями на с. 321) и «национализма профессорского», сложившегося к концу 1990-х. Сегодня именно «профессорская» разновидность доминирует и определяет сам дискурс — и это ново и важно, но Соловьями, хотя их самих вполне можно записать в победители, этот факт не отражен.

О том, что с середины 1990-х гг. Соловьи сняли руку с пульса реального русского движения, погрузившись в проблемы теории, говорит погрешность в десять (!) лет, с которой они датируют такую важную вещь, как размещение в «фокусе русского националистического дискурса» двух тем: «Россия как национальное государство» и «Возможность национальной демократии». Не в середине 2000-х, как они уверяют читателя, а в середине 1990-х гг. произошло это знаменательное событие, о чем свидетельствуют многочисленные документальные памятники, среди которых на первом месте — проект новой Конституции России («Русский проект. Конституция России: новый вариант». М., 1998), обсуждавшийся еще в 1997 году, в частности, на страницах «Независимой газеты», а также книга автора сих строк «Национал-демократия» (М., 1996).

К издержкам отстраненно-наблюдательской позиции Соловьев я отнес бы также демонстративную недооценку языческого («родноверческого») в интерпретации неоязычников) тренда в русском движении. В то время как на деле мы имеем полномасштабную подвигу всего движения в целом, что соответствует тому общему процессу неоварваризации, расхристианизации и дегуманизации, который так удачно подметили и так блестяще описали Соловьи. Наличие в руководстве русских националистических организаций и

СМИ лиц нехристианской ориентации во всевозрастающем количестве, сдача лидирующих позиций ортодоксальными христианами, определенное вытеснение их на периферию движения, архизация и маргинализация — все это симптомы, важные для прогнозиста. Можно с уверенностью сказать, что они означают неизбежную и необратимую дальнейшую этнизацию дискурса, рост ксенофобии и антисемитизма, переход к крайним непарламентским формам политической борьбы, к пути «железа и крови» в государственном строительстве и т.д.

Отсутствие инсайдерской информации, излишнее доверие к ангажированным источникам и пренебрежительное отношение к «малым сим» приводит авторов к репликации поверхностных и/или мифологических сведений о конкретных национал-патриотических организациях (КРО, «Родина» и др.) и политических деятелях (Лев Рохлин и др.). Истинная подоплека многих важных событий оказалась от них скрыта, что отразилось на трактовке всего русского движения.

И не потому ли уничижительные характеристики «вождей» русского национализма так показательно безадресны и неконкретны? Наслаиваясь одна на другую, эти характеристики, ввиду их голословности, невольно экстраполируются на все движение в целом, что вряд ли может сослужить добрую службу грядущим исследователям. Вот, к примеру: «Националисты были настолько рады получить хоть какую-нибудь должностишку, немного денег и доступ в СМИ, что в этой своей радости выглядели откровенно неприлично». Или еще: «При разговорах с “вождями” русского национализма складывалось устойчивое впечатление, что эти люди склонны полагаться исключительно на пролетарскую смекалку и арийскую интуицию»; «трусливые, ленивые и неумные, кропотливой повседневной политической работе они предпочитали пьянки,

на которых ругательски ругали “окупационный режим”, ”жидов” и пре- краснодушно мечтали о национальном восстании»; «они нередко выступали в роли охвостья вновь созданной коммунистической партии»; «националисты надеялись, что, получив власть, Ельцин начнет восстанавливать традиционную российскую империю с националистами в качестве опоры этой власти»... И т.д.

О ком все это? Ни о ком — или обо всех... Одни намеки, ни одного имени, кроме одиозного БаркашЕва (так по паспорту). Но Баркашев и в лучшие-то годы не олицетворял русское движение в целом, а сегодня и вовсе лишь курьезный реликт. Справедливо ли такое полуумолчание? Ведь если все сказанное — правда и все обвинения — небеспочвенны, то почему надо было утаивать конкретные имена? Научность только бы выиграла от открытости. Если же нет, то стоило ли бросать тень на все русское движение так огульно и голословно?

Так же безымянны и потому кажутся недостаточно достоверными и редкие позитивные характеристики националистов, например: «Нужна была некоторая смелость уже для того, чтобы вслух провозгласить себя националистами и республиканцами». К чему эта игра в «авторитет и тайну»?

Мне думается, что даже простое, но полное «инвентарное» перечисление, без оценки и классификации, основных фигурантов русского движения оказало бы услугу специалистам и любителям, и непонятно, почему Соловьи лишили их этого подспорья.

О глубине айсберга

Соловьи, игнорируя айсбергообразную природу русского движения как национально-освободительного, ругаются: «В целом сообщество русского национализма можно квалифицировать как гражданское и правозащитное движение».

Только-то и всего? Боюсь, что это

далеко не так! Таким мечтал бы видеть движение Кремль, употребивший все мыслимые усилия для вытеснения националистов из публичной, легальной политики. Но чего же он добился этим? Редуцирования националистов и впрямь до состояния правозащитной мелюзги? Нет, дело гораздо, гораздо серьезнее.

Айсберг имеет не только видимую всем надводную часть, но и во много раз более массивную — подводную. Не стану пересказывать тут свою статью «Русское подполье. Реальность, миф, перспектива» (<http://www.apn.ru/publications/article21441.htm>), приведу только главный вывод, разделяемый и моими непримиримыми политическими оппонентами с разных флангов:

«Партизанская война. Вот ключевое слово, вот именно то определение, которым характеризуется самосознание всех, о ком эта статья. Так они видят себя, так понимают свое дело — Дело с большой буквы. Изменить это самосознание уже невозможно никакими средствами и способами. Ни убеждением, ни, тем более, силой. Это надо ясно понимать... Пока взрослые люди заняты элементарным выживанием, борьбой за существование, за кусок хлеба и крышу над головой, пока российские офицеры, доведенные до ручки, предпочитают стрелять в себя, а не в своих обидчиков (за 2008 год покончили с собой 53 офицера, включая героя России В.Полянского), словом, пока взрослый народ погрузился в политическую спячку, надеясь, очевидно, что все неприятности авось рассосутся как-нибудь сами собой, русская молодежь решила взять на себя ответственность за завтрашний день, за себя и за всех остальных, за вас и за нас. И отправилась на необъявленную этническую войну».

Партизанскую войну в России Соловьи не видят в упор. А ведь это не гипотеза, не игра теоретизирующего ума. Это уже разумная действительность в самом что ни на есть гегелев-

ском смысле слова. Кровь струится с обеих сторон едва ли не ежедневно. А это значит, если верить поэту Николаю Некрасову, что «дело прочно». Однажды некрасовская формулировка уже была апробирована русской историей...

Высокий интеллект Соловьев позволяет им, в большинстве случаев, делать правильные выводы даже в обход сомнительных наблюдений. Так, они совершенно справедливо резюмируют: «С уверенностью можно утверждать: на сегодняшний день русскому национализму так и не удалось стать субъектом политики, что ставит под сомнение его способность участвовать в решении судьбы страны в решающий для нее момент».

Это правда. Но не вся. Действительно, правосубъектность русского народа — по-прежнему вопрос номер один в повестке дня. И более узко: русскому движению тоже необходим свой субъект, авторитетный и полномочный. Его пока еще нет. Но все, что написали Соловьи о парадигмальных сдвигах в русской идеологии сегодня, а также и то, о чем они умолчали, свидетельствует об одном.

Страна ждет. Жатва зреет. На подходе и жнецы.

Финальный аккорд

Многое можно было бы еще сказать о книге Соловьев, как *pro*, так и *contra*. Первого, безусловно, гораздо больше. И поскольку русский националистический дискурс с каждым днем сегодня завоевывает все большее идеологическое пространство и повышает свой статус в обществе, некоторые наблюдения и выводы авторов приобретают особенное значение и важность. Как повод к конструктивным раздумьям, а то и как прямое руководство к действию. На одном таком наблюдении я хотел бы остановиться отдельно. На сей раз с учетом своего двадцатилетнего опыта социологического изучения интеллигенции.

Я не раз говорил и писал о превращении в XX веке интеллигенции из социальной диаспоры в настоящий класс-гегемон, ориентированный как в целом, так и в наиболее репрезентативной своей части (влиятельная интеллигенция «второго порядка», обслуживающая духовные запросы преимущественно самой интеллигенции, создающая дискурсы и приоритеты) на ценности буржуазной демократии. Именно этот класс и совершил буржуазно-демократическую революцию 1991–1993 гг., был ее главной движущей силой. Этот факт во многом объясняет труднообъяснимое: почему так называемая «русская партия» в ходе данной революции не только не смогла перехватить власть, «поднять ее с земли», но и «расточилась яко дым», продлив свое существование только в мемуарах ее пожилых активистов.

Все дело в том, что, как убедительно показали Соловьи, «русская партия» имела совершенно негодную идейную основу, неприемлемую для наиболее значительной количественно и авторитетной качественно (то есть передовой) фракции интеллигенции. Ибо «русская партия» исповедовала и проповедовала: 1) союз с правящей партией коммунистов, 2) социализм, 3) «деревенскость» (выражавшуюся в творчестве писателей-«деревенщиков», бывших знаменем этой партии). Попытка увязать онтологическую русскость исключительно с деревней и социализмом плюс антиопозиционность — худшего коктейля для вербовки революционного класса-гегемона 1980-х годов было невозможно придумать. Проиграв вчистую битву за умы передовой интеллигенции, русские националисты формации 1970-х потеряли всю перспективу и надолго испортили восприятие самого русского дискурса в нашем обществе.

Но я добавлю к сему немаловажное: беда в том, что «русская партия» совершенно сознательно выбрала себе неверный объект пропаганды и агитации.

Об этом откровенно и исчерпывающе точно написал глубоко посвященный во внутренние обстоятельства Сергей Семанов, считающийся неформальным лидером той самой бывшей «русской партии». Он, указав, что-де в 1970-е годы «русско-патриотическая идея уже крепко вкоренилась в массы», делает затем неожиданное саморазоблачительное пояснение: «Отнюдь не в рабочих или студенческих общежитиях обитали эти “массы” — там безоглядно царили футбол-хоккей и детективы. И не в широких слоях средней интеллигенции, которые всегда составляли в России основную часть читателей периодики, но почитывали они тогда “Новый мир” и “Литературку”. Нет, мы сознательно ставили цель добратся до души среднего партработника, служащего, чиновника правоохранительных органов, офицеров и генералов армии» (Семанов С. Председатель КГБ Юрий Андропов. М., 2003. С. 195–196).

Иными словами, вся надежда возлагалась именно на тех, кого революция 1991–1993 гг. смела в момент, как пыль, как ветошь, а они даже и не вякнули в защиту себя и своей страны, коей служили и присягали. Это была громадная стратегическая ошибка, роковой промах «русской партии», сделавшей всю свою ставку «не на ту лошадь».

Русские патриоты предпочли аппаратную игру — реальной политике, работе со значимым большинством. Все их главные ставки — деревня, социализм, КПСС — оказались биты. Кем? Той самой силой, которой они пренебрегли так легкомысленно и недальновидно. Главной движущей силой революции 1991–1993 гг.: интеллигенцией мегаполисов. На которую «русисты» (как называл их Андропов) влиять не только практически не могли, но, что очень важно, осознанно не пожелали! И для которой компот из вышеназванных трех компонентов был заведомо тошнотворен. Позволив «деревенщикам» и социалистам олицетворять русское движение, националисты

брежневской эпохи пошли «поперек прогресса», разошлись с историей — и все проиграли.

С ними проиграла и вся Россия, весь русский народ.

Современная формация русско-го национализма, чтобы победить, должна учесть все эти ошибки. Она должна апеллировать к наиболее прогрессивной части общества. Она обязана вынуть «щи из бороды» (вариант: «бороду из щей»), предстать в облике интеллектуального форпоста, исключительно урбанистического, цивилизующего и технотронного, постмодернистского и авангардного, а вовсе не консервативного толка. Обязана осуществить «союз ума и капитала» (русской интеллигенции и русского предпринимательского класса), чему увлечение социализмом может только навредить. И пуще огня должна бояться выхода из оппозиционного сектора политики, памятуя жалкую судьбу своих предшественников начала и конца XX столетия.

Как развяжется русский узелок?

На этот вопрос я отвечаю совсем не так, как авторы замечательной книги о несостоявшейся революции.

Вся книга в целом представляет собой своего рода упрек русскому народу. «Единственный шанс общества защитить свои права, — пишут авторы, — в борьбе, единственная возможность изменить свою участь и вернуться на путь социального прогресса — в сносе государственно-властной машины и изменении вектора развития». Как живо это напоминает мне тщетные пятнадцатилетние призывы моего «сратника» (но не единомышленника) Бориса Миронова к национальному восстанию! Но русский народ упорно не делает того, что ждут и требуют от него Соловьи и Миронов. И вот со многих страниц книги мне слышится рефрен: «Ну что же вы, родимые?!»

А родимые... Пророка национальную революцию и даже расписывая

по пунктам ее грядущие особенности, Соловьи между делом оговариваются: «Витальная слабость русского народа выступает ограничителем масштабов и глубины революции».

Вот то-то и оно! В стопятидесяти-миллионном народе признаки живой жизни и витальной силы являют ныне одни только скинхеды. Увы и ах. И все стороны процесса это чувствуют и понимают (кроме Миронова, конечно). Но о какой же революции тогда может идти речь? Ведь ТАКАЯ революция будет неизбежно и сразу раздавлена консолидированной властью в два счета, как некогда площадь Тяньаньмынь.

Верно и то, как пишут Соловьи, что «после очередного приступа Хаоса» (революции, сиречь) мы «вообще не можем быть уверены», что Россия останется на свете.

Наконец, неужто мы революций не видели, забыли, что они собой представляют? Много крови (русской, между прочим), много бестолковщины. В награду — тот самый Хаос. Социально дефективные (по определению) революционные массы востребуют себе соответствующих вожаков: убогих, невежественных и твердолобых недоучек, но вместе с тем легковверных, самовлюбленных и жестоких демагогов национал-социалистического толка. Революционная стихия, которую в итоге возглавит какой-нибудь полковник без царя в голове, набитой завиральными идеями, рожденными казармой... Благодарим покорно!

Можно, конечно, теоретически вообразить себе революцию без масс, по сути — революцию без революции: коренное изменение строя, произведенное неизвестно кем в силу неизвестно чего. Святым духом, что ли. Но такая гипотеза здесь не обсуждаема.

Так что же делать и как тут быть?

Заключительная глава книги Соловьев называется «Почему не состоялась национальная революция». Это заключение на деле — развернутое резюме или автореферат: сжатый

пересказ всего основного содержания книги. Он блистателен (мелкие неточности и оговорки не в счет), в нем можно полностью согласиться с очень многим и важным. Только не с основным выводом. Ибо на главный вопрос о том, почему же русская национальная революция не состоялась, я бы ответил просто: потому что она не нужна. Со всем.

Мы придем к победе русского национализма и преобразим межумочную Российскую Федерацию в Русское национальное государство.

Но к этой победе мы пойдем другим путем.

АЛЕКСАНДР ХРАМОВ

ГОСУДАРСТВО «НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ РЕВОЛЮЦИИ»

Историки Татьяна и Валерий Соловьев написали книгу о том, почему русский национализм терпит поражения.

В России о национализме не принято говорить спокойно. Обычно слово «национализм» используется как ругательство, национализм чаще всего «рассматривают» в контексте «борьбы с национализмом». Поэтому этот заведомо идеологически окрашенный подход исключает возможность беспристрастного анализа национализма и его значения в становлении современных обществ.

Национализм в истории Европы XIX и XX веков сыграл (а во многом и продолжает играть, вспомним косовский прецедент) определяющую роль. Создание независимого греческого государства, итальянское Рисорджименто, революции 1848–1849 гг., образование единого немецкого государства, образование балканских государств, младотурецкая революция, распад Австро-Венгрии, образование в 1989

году демократических национальных государств в Восточной Европе, распад Югославии — вот далеко не полный список триумфального шествия национализма по Европе. Образование национальных государств совпадало с экономической и политической модернизацией традиционных аграрных обществ. Нравится нам это или нет, но облик современной Европы сформирован чередой побед национальных движений.

В этом контексте история русского национализма (именно русского, национальные движения народов бывшей Российской империи и Советского Союза — отдельная тема) представляется поистине удивительной. Русский национализм не только не смог добиться создания русского национального государства или же эффективной национализации империи, то есть достичь каких-то положительных успехов. Но русский национализм не смог оформиться и как движение сопротивления по отношению к открыто антирусскому советскому государству. Наконец, после непродолжительного периода конца 80-х, когда имела место относительно активная борьба за интересы России как «русского ядра» СССР, русские националисты оказались не в состоянии ничего поделать с тем, что Российская Федерация стала «наследницей СССР», унаследовав худшие черты советского государства.

Короче говоря, история русского национализма в течение более ста пятидесяти лет его существования была историей непрерывных поражений и провалов. Историки Валерий и Татьяна Соловей в своей книге «Несостоявшаяся революция»¹ попытались проанализировать причину этой глобальной неудачи русского национализма. И надо сказать, у них это получилось очень

убедительно. «Несостоявшаяся революция» — один из немногих примеров спокойного и вполне адекватного анализа русского национализма. Книга, хотя и написана преимущественно в публицистическом ключе, ценна тем, что задает парадигму как для дальнейших исследований в области истории русского национального проекта и русской нации, так и для самоинтерпретации русским национальным дискурсом своего собственного места и значения в системе политических координат.

Ключевой тезис книги — антагонизм интересов русской нации и имперского государства. «Главным противоречием имперской политики в ее досоветском и советском обликах был не конфликт между империей и национальными окраинами, а конфликт между имперской властью и русским народом. Номинальные правители империи — русские — на деле оказывались рабочим скотом и пушечным мясом имперской экспансии. Номинальная имперская метрополия — Россия — была внутренней колонией» (с. 418).

Эту мысль авторы настойчиво повторяют в каждой главе. Но их нельзя за это упрекнуть. Ведь понимание того, что главной тягловой силой и главной жертвой как Российской империи, так и Советского государства были именно русские, все еще не стало достоянием широкой публики.

Хотя споры о том, можно ли считать Российскую империю или СССР империями в традиционном смысле этого слова, ведутся уже давно. Обычно и западные исследователи, и ангажированные российские апологеты отечественной истории сходятся в том, что российское государство было «империей без империализма». Или «империей наоборот», в которой не центр жил за счет эксплуатации колоний, а колонии жили за счет эксплуатации центра.

Например, покорение Средней Азии и многолетняя Кавказская война, самая значительная статья расходов в

¹ Татьяна Соловей, Валерий Соловей. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009. — 440 с.

царском бюджете, велись за счет русского крестьянства центральных губерний России, которое облагалось повышенными налогами и поставляло рекрутов в царскую армию. Напротив, нерусские народности пользовались многочисленными льготами, в том числе были свободны и от рекрутской повинности: когда их впервые, в начале Первой мировой войны, стали мобилизовать, вспыхнули многочисленные восстания. Главным парадоксом Российской империи было то, что ее «русское ядро» (нечерноземные губернии) было более отсталым, безземельным, неграмотным, чем многие из ее окраин (не говоря уже о Польше и Финляндии, даже Малороссия находилась в более выгодном положении).

Конечно, нельзя отрицать, что Российская империя использовала и вполне традиционные имперские практики, но складывается такое ощущение, что она сильно запаздывала с их применением: сначала захватывались территории (экспансия велась за счет русского населения центральной России) и лишь потом имперская администрация начинала решать, что же можно с ними делать и как возместить убытки по их захвату. Так, превращение Туркестана (который был захвачен главным образом в стремлении «насолить» Великобритании) в доходный «сырьевой придаток»² империи началось лишь спустя несколько десятилетий после его покорения, а приобретенные в XIX веке земли стали целенаправленно использоваться для ликвидации крестьянского малоземелья только при Столыпине...

Российская империя так и не смогла реализовать общерусский проект, слив малороссов, белорусов и великороссов в единую нацию (такой проект стал популярным в Российской империи под впечатлением от объединения Герма-

нии и создания общенемецкой нации). Русский национальный проект, несмотря на отдельные действия Александра III и Николая II, никогда не был для империи приоритетным. Как писал Теодор Виск, «"национальная политика" Российской империи была далека от современного национализма, она преимущественно преследовала цель сохранения громадной, подчеркнута наднациональной империи, и лишь во вторую очередь занималась утверждением русской национальной культуры»³.

Но если Российская империя была просто нерусской (возможно, именно в силу общей отсталости она запаздывала со вступлением в национальную эру), то пришедший ей на смену Советский Союз стал открыто антирусским государством, во много раз усилив эксплуатацию русского этноса, которая, хотя и имела место в Российской империи, но никогда не достигала в ней таких масштабов. Политика борьбы с «великорусским шовинизмом», необходимость расплаты русских за «царизм», а после середины 30-х — разнообразные обязанности русского «старшего брата» по отношению к националам декларировались и реализовывались на всех уровнях. Если практически все нерусские меньшинства имели право на национально-культурное развитие и национально-территориальные образования в составе Союза, то только за русскими это право систематически отрицалось. Политика модернизации, которую проводило советское государство, применительно к русскому населению не только не создала русской политической нации, но, напротив, была нацелена на то, чтобы предотвратить это всеми возможными способами. В лучшем случае, в эпоху Брежнев, русским отводили роль некоего цементирующего субстрата в рамках «советского многонационального на-

² См.: Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 135, 149.

³ Цит. по: *David G. Rowley. Imperial versus national discourse: the case of Russia // Nations and Nationalism, 2000. V. 6. № 1. P. 23–42.*

рода». Проводилась целенаправленная политика «коренизации управленческого аппарата» и «выравнивания республик» (за счет «братской помощи» РСФСР). Русское население оказалось распыленным на пространствах Советского государства, русскими кадрами комплектовалась индустриальная промышленность, развиваемая на окраинах. Между тем процент русских в населении СССР стремительно падал, происходили необратимые демографические изменения.

Нельзя не согласиться с выводами авторов книги: «Советский Союз обрушился из-за беспрецедентного биологического ущерба, который русскому народу причинило коммунистическое правление» (с. 209).

Но, совершенно справедливо отмечают авторы, несмотря на указанный антагонизм империи и русской нации, русские националисты каким-то непостижимым образом продолжали мыслить как имперские государственники, уповая на сильную власть. На российскую власть, которая всегда оставалась нерусской (в лучшем случае). Началось это еще со славянофилов, которые, хотя и были достаточно типичными представителями романтического национализма, охватившего тогда всю Европу, сознательно отрекались от революционных и демократических моментов в своем учении и подчеркивали свою лояльность самодержавию. Впрочем, даже подчеркнутая лояльность не всегда помогала. Николай I велел посадить Самарина в Петропавловскую крепость за то, что тот пытался в «Письмах из Риги» поставить вопрос о положении русского населения в Прибалтике (на дворе как раз был 1849-й, в Европе гремели национально-освободительные революции).

Заниматься в российском государстве защитой интересов русской нации всегда было опасно. Но русские националисты упорно продолжали оставаться «охранителями», не понимая, что выступают за нерусское по приро-

де своей государство. «Для националистов было неприемлемо последовательное выступление против империи, которую они вполне обоснованно считали историческим созданием русского народа», — пишут Т. и В. Соловей (с. 324). Но, подчеркивают авторы, создание это десятилетие за десятилетием душило своего создателя, империя жила за счет русских, но редко давала им что-то взамен.

Русские националисты всегда (и в царское, и советское, и в постсоветское) время уповали на действующую власть, на то, что она вдруг «прислушается к русским» и станет осуществлять «русскую политику». Поэтому сами они никогда не выступали в качестве самостоятельной политической силы. Как пишет историк Алексей Миллер, «правильнее говорить не о русском националистическом движении как организованной силе, а, скорее, о русском националистическом дискурсе, который в XIX веке постепенно утверждался в обществе, но не вел, вплоть до начала XX века, к возникновению политических структур»⁴. Но и в XX веке эффективных политических структур русского национализма создано не было. Так, организации правого толка, существовавшие в 1905–1917 гг., несмотря на свой массовый характер, были всего лишь придатком самодержавия и подчеркнута не претендовали на большее. Русские националисты ждали, когда власть повернется к ним лицом, но никогда за нее не боролись. «Националисты оказались неспособны бороться за власть... эта слабость национализма не порождена лишь советской эпохой, а представляет его генетический дефект, начиная со славянофилов» (с. 222).

Именно в консервативном, охранительном характере русского национализма, считают авторы, и заключается

⁴ Миллер Алексей. Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 68.

причина патологического неуспеха русского национального движения. Русские националисты уповали на нерусское государство. И в итоге проигрывали вместе с ним. Так, русские правые партии стремительно сошли со сцены вместе с падением самодержавия, за которое цеплялись до последнего. После Февральской революции на политической сцене важную роль играло множество сил, в том числе и многочисленные национальные движения «инородческих окраин». Но русские националисты практически не участвовали в борьбе за власть.

Опять-таки, русские националисты позднесоветского времени предпочитали уповать на старое, противиться демократическим переменам и рыночной экономике. И в итоге в ситуации краха Советского Союза они опять оказались в числе проигравших.

Авторы «Несостоявшейся революции» подробно анализируют и ту, и другую ситуацию и достаточно убедительно показывают, что неудача русского национализма продиктована упорным нежеланием встать на демократические и прогрессивные позиции. В Европе национализм же выигрывал именно как либерально-буржуазное направление.

Именно из-за политической слабости русского национализма Россия продолжает оставаться страной «несостоявшейся революции». В России русская национальная революция не состоялась как минимум дважды: в 1917 и 1991 гг. Имеет смысл немного подробнее остановиться на втором эпизоде «несостоявшейся революции».

Обычно все вопросы связываются с распадом СССР: можно ли было его сохранить и кто «виновен» в произошедшем. Думается, что это едва ли можно назвать конструктивным подходом. Донорство РСФСР по отношению к республикам Средней Азии не могло быть бесконечным: рождаемость «националов» в несколько раз обгоняла рождаемость русских, неуклонно падавшую

с послевоенных времен. При этом, несмотря на значительные вложения в индустриализацию национальных республик, производительность труда и эффективность использования производственного фонда снижались. Зато росли амбиции партийной этнократии союзных республик, так что режим Горбачева вынужден был поставить вопрос об «иждивенчестве». Рано или поздно система должна была рухнуть. Это неудивительно.

Удивительно другое: почему демократическая революция в России не совпала с русской национально-освободительной революцией? «В цепи европейских “бархатных революций” рубежа 80–90-х годов прошлого века и среди советских республик Россия оказалась единственной страной, где принципы демократии и либерализма были разведены с национальной традицией и сознательно противопоставлены ей» (с. 282).

Нельзя сказать, что команда Ельцина была чужда национальному вопросу. Напротив, курс на суверенизацию России в 1989–1991 гг. обосновывался не столько необходимостью демократических реформ (которые можно было пытаться проводить и в общесоюзном масштабе), сколько ущемлением интересов русской нации в СССР, о чем тогда много говорила как раз демократически настроенная общественность.

Но потом Ельцин сделал ставку на этнократию автономных республик в составе РФ и в итоге сохранил худшие особенности советского национально-территориального антирусского федерализма. Вместо русской нации стали говорить о «многонациональном российском народе», как раньше говорили о «народе советском». Россия не стала русским национальным государством — и поэтому миллионы русских за пределами РФ оказались брошенными на произвол судьбы.

Почему это произошло? Почему в

остальных республиках СССР стали строить национальные государства и только в РФ продолжали ориентироваться на советскую модель, дискриминационную по отношению к основной массе русского населения?

Представляется, что винить в этом стоит как раз неспособность русского национализма к политической самоорганизации и борьбе за власть. Ельцин просто не мог опереться на русских националистов: подавляющее большинство из них парадоксальным образом заняли имперские позиции и звали «назад в СССР». Общество «Память», увлеченное параноидальной «борьбой с жидомасонами», даже не пыталось оформиться в политическую партию. В национальных республиках в составе РФ, несмотря на то, что практически во всех из них русские составляли большинство, не было организованного русского национального движения, которое можно было бы противопоставить претензиям местной этнократии. В итоге Ельцин был вынужден откупаться от этнократии национальных республик «суверенитетом».

«Если бы русские националисты, подобно националистам других советских республик, а также восточно- и центральноевропейских стран соединили, обвенчали национализм с идеями демократических и рыночных преобразований, то получили бы подлинное бинарное оружие огромной политической мощи» (с. 263). Вместо этого русские националисты предпочли окраситься в красно-коричневые цвета, занять нишу маргиналов и скорбеть о крахе советского государства, которое все семьдесят лет своего существования ущемляло интересы русских.

Нельзя не согласиться с основным выводом книги: если русские националисты не учтут ошибок прошлого и впредь все равно продолжат держаться государственнических, имперских позиций, вместо того чтобы стать прогрессивной и демократической силой, они будут терпеть поражения и

дальше. «По самой сути своей русский национализм либерален и демократичен», — считают авторы (с. 433).

В целом «Несостоявшаяся революция» — очень интересная и актуальная книга. Но нельзя не отметить двух ее недостатков.

Обращаясь к современной российской действительности, авторы почему-то решили, что имперский период преодолен и что «русские наконец превратились из народа для других в народ для себя»: «Россия более не существует как империя» (с. 425). Едва ли с этим можно согласиться. И практика межбюджетных отношений между регионами, и дошедшая с советских времен практически без изменений система национально-территориального федерализма, в которой русским отказано в праве быть политическим субъектом, и, наконец, неизменный упор на «многонациональное» и «общероссийское» в противовес русскому — все это доказывает, что Россия продолжает оставаться империей, пусть и в урезанном виде. А вот продолжит ли существовать империя «несостоявшейся революции» или ей придет на смену иная политическая формация — покажет время.

Другой, существенно более серьезный упрек авторам книги можно сделать за попытки «биологического» рассмотрения национальной проблемы. К счастью, вызывающие недоумение упоминания о «русском этническом архетипе, генетически наследуемой ментальной структуре» (с. 420) достаточно редки в тексте, но будь их больше, они могли бы ощутимо снизить ценность книги.

Отсылки к «генетически наследуемому этническому архетипу» (к нему апеллируют авторы, когда пытаются, например, объяснить, почему старообрядцы не организовали вооруженного сопротивления или почему русские быстро смирились с советской властью), мягко говоря, весьма сомнительны и обладают нулевой объяснительной

ценностью. Не стоит подменять конкретную историческую аргументацию ссылками на метафизические «наследственные архетипы».

Кроме того, биологический, расовый момент, привносимый в национальный дискурс, всегда опасен. В том числе и для самого дискурса. Исторические недостатки в бытии нации начинают объяснять «природными, врожденными особенностями» ее носителей и, таким образом, предлагают с этими недостатками смириться и даже их полюбить.

Так, необходимость самодержавия для русских профессор-националист Павел Ковалевский обосновывал природной неспособностью их славянской природы к самоорганизации («Русский национализм и национальное воспита-

ние в России», 1912). А что, если подойти с точки зрения «этнических архетипов», то так можно интерпретировать и охранительный характер «русского национализма», признав его «расово» неизбежным. Едва ли авторы «Несостоявшейся революции» захотят с этим согласиться...

Нация не вызревает «биологически» и непроизвольно, а строится усилиями национально-ориентированных элит: такова современная научная парадигма понимания национальных процессов. И это же отправная точка для самих активистов национального движения, которые, только осознав себя в качестве творцов национальной судьбы, смогут добиться успеха в государстве «несостоявшейся революции». Если сами, конечно, этого захотят.

Валерий Сумин

ДОКУМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНЕНИЯ. К истории СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ

Предисловие публикатора

Мы начинаем знакомить читателя с русским движением современной России.

Как и другие национальные движения — татарское, якутское, тувинское и другие, оно формально возникло на руинах интернационально-коммунистической утопии, хотя и до 1991 г. существовало в латентном (например, т.н. «Русская партия внутри КПСС») или превращенном (например, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры) виде.

Борьбу с «русистами» Юрий Андропов, всесильный шеф КГБ, во многом определявший внутреннюю политику СССР, считал приоритетной задачей и ходу им не давал. По этой, в частности, причине формирование русского дискурса начала 1990-х проходило в антисоветском, антикоммунистическом ключе. Неудивительно, что русские организации брали себе за образец различных исторических противников советской власти из тех, что были поближе, под рукой. Для одних идеалом оказались православно-монархические организации типа Союза Михаила Архангела, для других — немецкий национал-социализм.

Но игра в персонажей, однажды уже

потерпевших историческое поражение, не может иметь успеха. Обратившись к прошлому, такие лидеры русского движения, как Д.Д. Васильев, А.Г. Стерлигов, А.П. Баркашев и т.п., лишали себя и своих товарищей исторической перспективы. Среди передовых и ответственных слоев общества, определяющих направление развития страны, нашлось мало желающих повторно вляпаться в ту же, давно протекшую мимо, реку. Прошумев и напугав обывателя, главным образом нерусского, «Память», «Русский собор», РНЕ и ряд более мелких организаций сошли с политической сцены, подтвердив давний афоризм: нельзя идти вперед с головой, повернутой назад.

Ни православно-монархические, ни национал-социалистические настроения не исчезли вовсе из русского политического спектра, но постепенно локализовались в своих нишах без претензий на общее руководство. Такие организации, как Союзы русского народа (Л.Ивашова, Б.Миронова и др., всего четыре разных СРН), Русский общенародный союз (И.Артемов), Национал-большевистская партия (не столько Э.Лимонова, сколько отколовшиеся от него части) или Славянский союз (Д.Демушкин) и др., живы, действенны и играют каждый свою партию в русском ансамбле, участвуя в

общих мероприятиях — митингах, демонстрациях, Русском марше и т.д.

Параллельно в начале 1990-х гг. возникли две квазинационалистические прокремлевские организации с весьма расплывчатой идеологией «за все хорошее»: Конгресс русских общин (Д.Рогозин) и Российский общенациональный союз (С.Бабурин). Однако ныне время невнятного, этнически амбивалентного патриотизма прошло, а моден и востребован стал русский национализм. Ни КРО, ни РОС (и их преемники) ни сформулировать самостоятельно, ни позаимствовать и озвучить националистическую программу так и не смогли и тоже навсегда сошли с авансцены России.

Стремление оторваться от устаревших образцов и создать современную русскую организацию вызвало к жизни Народную Национальную партию (А.Иванов-Сухаревский) и Национально-Державную партию России (Б.Миронов, А.Севастьянов, С.Терехов; с 2003 г. только Севастьянов и Терехов), а впоследствии и Партию защиты российской конституции «Русь» (Ю.Васин, М.Бурлаков, А.Никитин и другие). Несмотря на отказ в госрегистрации, эти партии некоторое время служили центрами притяжения национал-патриотических сил. Однако сыграть судьбоносную роль им не удалось.

Родимые пятна православной монархии и гитлеризма, вкуче с неудачной попыткой создать невнятную идеологию «русизма», не дали ННП достичь серьезного результата. А вождистские устремления Иванова-Сухаревского, не подкрепленные качествами подлинно общенародного лидера, и репрессии властей привели ННП к изоляции и бесславному концу. Подшивка газеты «Я — русский!», эклектичной и непоследовательной по содержанию, — вот все, что осталось от этой партии.

Проект НДПР имел принципиальную новизну: а) максимально широкую «Объединительную платформу»

в 116 пунктов, из которой были изъяты все камни преткновения и яблоки раздора, традиционные для русского движения; б) коллегиальное руководство — три сопредседателя вместо привычного вождя; в) сочетание красного национал-патриотизма (Терехов) с белым национализмом как авангардного (Севастьянов), так и консервативно-черносотенного (Миронов) типа. НДПР получила государственную регистрацию и стала расти как на дрожжах, но пала жертвой примитивной провокации, враждебной политики Минюста и чудовищной силы противодействия этнических демократов. В итоге ее регистрация оказалась по формальным основаниям отменена Минюстом через суд. В 2004 г. со всех партийных постов был снят Миронов как утративший доверие, в 2007 г. ушел в бабуринский «Народный союз» Терехов, в конце 2008-го из партии вышел Севастьянов. Наиболее памятная акция НДПР — проведение Всероссийской научно-практической конференции «Геноцид русского народа в XX и XXI вв.» (февраль 2005). Утрата перспектив легальной деятельности привела к полной консервации партии, не проводящей съездов и собраний с февраля 2007 года.

ПЗРК «Русь», испытав неудачу с регистрацией (фактически негласный запрет), также законсервирована, массовых акций не проводит.

Целенаправленная политика Кремля, зачистившая политическое пространство вокруг немногих свыше дозволенных партий, обесмыслила сегодня любую партийную работу, заставила искать новых путей в политике. Однако деятельность всех перечисленных выше и многих иных организаций и СМИ, а более того — естественный ход событий привели к неукротимому росту националистических настроений в массах, в самом русском народе, что фиксируется бесстрастными цифрами социологических опросов. Русский национализм постепенно стал

общественно-политическим мейн-стримом и интеллектуальной модой, привлекательной на сей раз даже для высших эшелонов власти, вынужденных заново нащупывать платформу консолидации большинства населения страны. На повестке дня сегодня — создание максимально респектабельного варианта русского национализма, соединенного с ценностями прогресса и демократии.

Вопрос о субъекте такого варианта остается открытым. Есть глубочайшие сомнения в том, что закрыть его удастся Кремлю, создав в своих политических лабораториях очередного управляемого биоробота — русского гомункулуса (неудачный опыт с «Родиной» и «Русским проектом» тому примером).

Но и со стороны русской общенности серьезных претендентов на роль полноправного представителя русского народа пока не видно. Процесс консолидации, структуризации русского народа едва только начался, предсказать его ход в деталях трудно.

Важно пока отметить одно. Сетевой характер современного русского движения, держащего в своей информационной и организационной орбите многие миллионы людей, — не навсегда. Сегодня он являет собой «феодалную раздробленность»: отдельные ячейки сети способны взаимодействовать лишь на короткий срок и лишь по конкретным поводам, а по большей части конкурируют друг с другом. Но любая сеть мгновенно преобразуется в работоспособную жесткую иерархию, пригодную для решения самых больших политических задач. Для этого нужно только одно: чтобы пришел Генеральный Заказчик, который бы всех участников сети построил, всех «озадачил» и всем в той или иной форме проплатил задание.

Пока у русских такого Заказчика нет. Но рано или поздно он должен появиться.

* * *

Нельзя сказать, что русское движение не предпринимало попыток само преодолеть собственную раздробленность, не ожидая Генерального Заказчика. Стремление к объединению проявлялось в нем почти так же ярко, как полная к тому неспособность.

Листая подшивку «Национальной газеты» (1995–2008), достаточно детально отражающую весь ход развития русской идеи в послеперестроечную эпоху, погружаешься в наше недавнее прошлое, оно живо встает перед нами в лицах. Как ни странно, оказывается, мы о многом не знали или забыли. И теперь глядим на несомненные и безусловные факты с недоумением: неужели так было?

Пожалуй, пора нам, русским националистам, самим начинать писать историю русского движения, пока за нас это не сделали всяческие верховские-прибыловские и прочие грантоеды, коих мы и на пушечный выстрел никогда не допускали к нашим внутренним обстоятельствам. Благо, есть документальные свидетельства.

Сегодня мы публикуем три исторических документа, отражающие новейший этап развития русского национализма, начавшийся после буржуазно-демократической революции 1991–1993 гг. Все они выражают стремление активистов движения к русскому национальному единству. Каждой публикации предпослан краткий комментарий, посвящающий читателя в обстоятельства создания того или иного документа.

I. Платформа «Русское согласие»

Предупреждение

Первая половина 1990-х годов — начальный этап формирования новаторского, неконсервативного, прогрессивного руссконационального дискурса. Ориентированного не на традиционные ценности — православие, монархию, социализм и почвенничество, а на

актуальные тенденции и приоритеты, в т.ч. капитализм и демократию.

Детонатором, запустившим необратимый и взрывообразный процесс развития новой русской идеологии, послужила публикация «Независимой газетой» 11 октября 1994 года статьи Александра Севастьянова «Национал-капитализм». Она вызвала шквал звонков и приток в редакцию многочисленных писем, а также появление на страницах газеты нескольких отзывов; одни кляли автора и грозили ему Нюрнбергским трибуналом, другие выражали солидарность с верным прогнозом.

Среди последних был доктор геолого-минералогических наук профессор Петр Михайлович Хомяков, отозвавшийся статьей «Прописные истины». По традиции «Независимая» предоставила Севастьянову право на ответ, и в новой статье «Национал-капитализм-II», возражая оппонентам, он между прочим откликнулся: «Хотел бы вначале поблагодарить доктора наук П.М. Хомякова, который как бы прошелся резцом и чеканом по моей грубоватой отливке, дополнив и концентрировав те мысли, на развитие которых мне не хватило места. Полемизировать с г-ном Хомяковым мне покамест не о чем: совпадение взглядов полное» («НГ» 06.11.94).

И неудивительно: в скором времени из печати вышла брошюра Хомякова «Национал-прогрессизм. Теория и идеология национального выживания и развития России», близкая по многим мотивам тем идеям, которые в сжатом и остром виде изложил в газетной статье Севастьянов. Брошюра была издана в серии «Библиотека Российского общенародного союза» С.Н. Бабурина, с предисловием политического секретаря Национал-республиканской партии России (НРПР) Н.А. Павлова. В то время Хомяков входил в руководство НРПР, был близок к ее лидеру — Н.Н. Лысенко — и формировал идеологию партии.

Вскоре на круглом столе на тему выбора стратегического союзника (евреи или мусульмане) для русских патриотов, проведенном под эгидой НРПР, состоялось знакомство Хомякова и Севастьянова, о чем свидетельствует дарственная надпись на упомянутой брошюре: *«Александр Никитичу в знак уважения с глубокой симпатией. 10.12.94. Хомяков»*. Правда, по проблеме круглого стола позиции Севастьянова (сторонника союза с мусульманами) и НРПР (предпочитавшей евреев и армян) резко разошлись, но на отношениях названных авторов это в то время не сказалось.

Знакомство двух энергичных и самостоятельно мыслящих ученых имело развитие, в том числе творческое. Через неделю, 16 декабря 1994 г., была сдана в набор книга Севастьянова «Национал-капитализм», встретившая одобрение Хомякова. Следом за ней в конце 1995 г. выходит книга Петра Михайловича «Национализм без социализма» (ред. И.Б. Авдеева). Она не просто была созвучна по названию названной выше книге. В то время оба идеолога выступали как практически полные единомышленники; во «Введении» автор «благодарит также Александра Никитича Севастьянова за ряд ценных замечаний, сделанных при подготовке рукописи».

Как выражаются завсегда и ипподрома, наши авторы «шли ноздря в ноздю». Их объединяло: принятие капитализма и демократии; отрицание имперского устройства России — безразлично, в романовском или советском варианте; скептическое отношение к отжившим традициям и ценностям; научный подход к политическим проблемам.

Не успела выйти книга Хомякова, как в мае 1996 года выходит книга Севастьянова «Национал-демократия», в приложении которой был размещен написанный обоими авторами совместно «Российский национал-капиталистический манифест» — вершина их взаимопонимания.

Другим следствием публикации в «Независимой» статьи «Национал-капитализм» стало знакомство автора с Сергеем Васильевичем Городниковым, физиком из Грозного, который жил литературным творчеством, но увлекся политологией (в том же 1994 году вышла его брошюра «Историческое предназначение русского национализма»). Городников разыскал Севастьянова и предложил сформировать кружок единомышленников, куда поначалу входил математик, доцент химфака МГУ Вадим Александрович Колосов, а чуть позже присоединился Виктор Владимирович Давыдов, в то время директор газеты «Русская Правда», учрежденной А.М. Аратовым.

Именно на этих встречах конца 1994 — начала 1995 года (не раньше, не позже) впервые примерялся и обкатывался новый для русского движения лозунг «национал-демократии». Это отразилось в практически одновременном учреждении Колосовым — журнала «Национальная демократия» (№ 1 — июль–август 1995), Давыдовым — «Национальной газеты» (№ 1 подписан в печать 03.06.95) и выпуске Севастьяновым сборника своих статей под общим названием «Национал-демократия» (сдан в набор 09.01.96).

Журнал «Национальная демократия» сегодня уже ненаходим. Первый номер содержал принципиальную статью Севастьянова «Об общественных задачах и способах их решения. Голос не из хора» расположенную непосредственно после редакционной передовицы (другие члены кружка в нем не опубликовались). К сожалению, после второго номера журнал заглох: учредитель — он же главный редактор — под давлением университетского начальства остановил его выпуск и вообще отошел от политической деятельности.

Тем временем, 8 апреля 1995 г., в результате слияния межреспубликанского Конгресса русских общин (КРО), возглавляемого Дмитрием Рогозиным,

с Федерацией товаропроизводителей России, возглавляемой Юрием Скоковым, состоялся учредительный съезд Всероссийского КРО. Был избран председатель Национального Совета — Скоков, председатель исполкома — Рогозин. В качестве официальной доктрины КРО пропагандировался «Манифест возрождения России» (СПб., 1996. «Авторский коллектив — А.Н. Савельев и С.П. Пыхтин. Общая редакция председателя “Конгресса русских общин” Д.О. Рогозина»). Центральная формулировка гласила: «Русские (русский народ) — представители этносов, формирующих национальные, государственные, культурные традиции России» (с. 7). Впоследствии Рогозин то признавал свое участие в создании «Манифеста», то отрекался от него, поскольку идеологией он никогда не интересовался и не занимался, всецело доверившись помощникам.

Вскоре Андрей Николаевич Савельев получил возможность вести в Российском общественно-политическом центре семинар «Национальная доктрина России», где в регулярных дебатах выступали многие активисты русского движения, включая всех перечисленных выше (в 1996 году вышел сборник стенограмм заседаний).

Летом 1996 года во 2-м гуманитарном корпусе МГУ состоялась презентация книги Севастьянова «Национал-демократия», в обсуждении которой среди многих принял участие Владимир Борисович Авдеев, в то время известный более всего как автор нашумевшей книги «Преодоление христианства», но уже отметившийся заявкой на серьезный подход к расовой тематике.

Так произошло постепенное знакомство всех соавторов первого русского объединительного проекта, зафиксированного на бумаге.

В начале 1997 года учредитель «Национальной газеты» Виктор Давыдов предложил Севастьянову возглавить редакцию. До этого редколлегия под руководством Александра Лобкова за

два года подготовила и выпустила всего лишь четыре номера на четырех полосах формата А3. Севастьянов согласился и пригласил к сотрудничеству наиболее активных и креативных коллег по движению, а для начала предложил создать общий программный документ, подготовил его черновик. Обсуждение и подписание состоялось в РОПЦе в кабинете Савельева.

И вот в первом же номере «Националки» за 1997 год появилась публикация под знаменательным названием «Русское согласие», которую сегодня можно по справедливости назвать исторической. Она полностью, включая редакционную врезку, воспроизводится ниже. Это своего рода манифест русского национализма авангардного образца.

Под публикацией стоит пять подписей в алфавитном порядке: Авдеев, Городников, Савельев, Севастьянов, Хомяков. Таков был на тот момент новейший русский идеологический арсенал.

Годы весьма далеко развели авторов этого некогда совместного документа, в том числе в связи с возникшими существенными идейно-политическими разногласиями. Между некоторыми авторами пробежала кошка, выросшая с тех пор до немалых размеров. Исчез из поля зрения самостоятельный политолог Городников, как и активист Давыдов. Вынужден был эмигрировать и просить политического убежища на Украине Хомяков. Сотрудничество и дружеское общение сегодня продолжают лишь попарно Савельев и Авдеев, Савельев и Хомяков, а также Авдеев и Севастьянов, совместно написавшие книжку «Раса и этнос», вышедшую в серии «Высшие курсы этнополитики».

Документ

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ

Имеет шанс на успех только борьба, ведущаяся не хаотически. Победу может принести только ясная стратегия.

2-я Конференция «Государство и национальная идеология» 01.11.96 г. прошла внешне скромно, но ее значение трудно переоценить. Впервые четко и согласованно заявило о себе конструктивное, современное, бескомпромиссное национальное направление русской политической мысли. (В отличие от предшествующих архаичных и эклектических деклараций и истерических действий русской радикальной оппозиции.)

Главные надежды связываются с достижением взаимопонимания по ряду важнейших проблем. Представителям различных идеологических течений русского национализма удалось привести свои взгляды в систему и сформулировать доктрину, в которой заложены возможности для развития целостного научного подхода к ключевым проблемам современной России.

Обсудив итоги конференции, группа идеологов разработала платформу «Русское согласие», на которую предлагает встать всем русским людям доброй воли.

РУССКОЕ СОГЛАСИЕ

1. Главные противоречия, определившие сегодня политическую, экономическую и социальную ситуацию, имеют национальную природу. Национальные отношения — определяющий фактор, действующий даже вопреки экономической и политической целесообразности.

2. Нация и народ — не одно и то же. Нация создается из народа при определенных исторических условиях и определенных политических усилиях. Нация начинается с осознания групповых интересов, а не абстрактных идеалов. Она формируется в борьбе за удовлетворение этих интересов.

Нация — не скопище фанатиков: она — сумма эгоистов. Но эгоистов умных и дисциплинированных, осознающих необходимость совместной борьбы за частные интересы как за групповые, умеющих подчиняться логике и дисциплине этой борьбы.

3. Мы выступаем за здоровый национализм, основанный на любви к своей, русской нации, заботе о ней и уверенности в том, что эта забота не может быть делом инородцев.

Наша главная задача — активизация русского фактора во всех социальных слоях, утверждение национальных приоритетов во всех сферах общества и государства.

4. Русский национализм органичен и спасителен для русских, он несет русским только благо. Наш национализм чужд иррациональной агрессивности. Мы исходим в своих намерениях и поступках только из активной защиты интересов своей нации, отказываясь от интернационального принципа «и вашим и нашим». Возрождение, оздоровление, демографический рост русского народа, превращение его в полноценную нацию — вот предмет наших забот.

5. Наши ближайшие политические цели: русский суверенитет, русская государственность, русская этнократия, воссоединение русского народа.

Пора закрыть «плавильный котел» на нашей земле. Ассимиляцию должно довести до конца, не добавляя в этот котел новых компонентов и стремясь к увеличению русской пропорции. В отношении нерусских нужна активная антииммиграционная политика. Расовая гигиена — осознанная необходимость.

Мы не надеемся на Запад, не ждем от него добра и не стремимся в «общеевропейский дом», «евразийский союз», или в объятия «прогрессивного человечества». Мы не признаем приоритетов международного права и намерены во всем исходить из национальных интересов и опираться на собственные силы.

6. У русского национализма своя идеология и своя политика. Следует растить свой миф, своих героев, свою когорту лидеров, своего вождя.

Мы не консерваторы. Наша идеология — это идеология современная, она нацелена в будущее, а не в прошлое. Наши цели впереди, и добиваться их мы будем современными методами. Русская национальная идеология не должна иметь ничего общего с архаикой. Историческим опытом можно пользоваться лишь как интеллектуальным инструментом, но не как источником целеполагания. Как националисты мы должны уважать своих предков, их судьбу, их борьбу,

их страдания и их воззрения. Но при всем уважении мы не станем строить свою экономику на сохе, а мировоззрение — на народной архаике, политической или религиозной. Мы против всех пережитков добуржуазного общества.

7. Современная борьба за национальные интересы есть в первую очередь борьба за научно-техническое и промышленное лидерство. Эта борьба требует четкого, деловитого, технократического стиля принятия политических решений. Одна из важнейших целей национального движения — создание и развитие собственного типа цивилизации, способной наилучшим образом решить современные проблемы: ресурсно-экологические, демографические, энергетические, технологические и культурные.

Поэтому мы осознаем неизбежность борьбы технократии с бюрократией, прослеживаем цивилизационное направление этой борьбы.

8. Технократическая политика не может быть политикой маргинальных слоев общества. Это политика, планируемая и осуществляемая при решающей роли интеллектуалов и предпринимателей. Это политика, проводимая непосредственно в их, хотя и не только в их интересах.

Инженер, учитель, врач, армейский офицер, ученый, студент, рабочий высшей квалификации, менеджер-производственник — вот основная опора национального движения, социальная база его актива.

Из сказанного вытекает, что национализм и социализм не совместимы. Национал-социализм — неудачная, а потому провалившаяся карикатура на национализм. Задача русских националистов — найти оптимальные формы национал-капитализма и обеспечить переход от дезорганизованного, разложившегося, неструктурированного общества к сословно-корпоративному. Русские националисты говорят «да» — всем социальным гарантиям, «нет» — социализму как общественному строю.

9. Необходимость эффективной общенациональной системы государственного управления не вызывает сомнений. Это не-

обходимый элемент цивилизации, которую не могут построить бандиты, спекулянты и инородцы. Но государство — только инструмент для достижения национальных целей. Государство существует для нации, а не нация — для государства.

На этапе обострения борьбы за национальные интересы система управления должна быть жесткой. Однако это не значит «жесткой» по отношению к собственной нации. Это не означает раздувания управленческого аппарата, как бывало в прошлом России. Антинациональное государство как структура и как бюрократический кадровый корпус должно быть перестроено и переподчинено национальным задачам.

Новая система общенационального управления будет построена не на традициях бюрократии, а на основе технократической целесообразности, технократических приоритетов.

10. Для нас нет ни идеологических идолов, ни идеологических жупелов. В борьбе за интересы русской нации и русской цивилизации можно использовать любые идеологические и политические конструкции.

Мы не умиляемся истории авторитарной России и не отказываемся от принципов демократии. Все, что полезно для нации, — достойно уважения, изучения, использования.

**В.Б. Авдеев, С.В. Городников,
А.Н. Савельев,**

А.Н. Севастьянов, П.М. Хомяков
(«Национальная газета» № 1 / 1997 г.)

II. «Объединительная платформа»

Предупреждение

История создания следующего объединительного документа такова.

Протекшие с выхода «Русского соглашения» три года были наполнены бурными событиями. Не выдержали проверки временем (в особенности в ходе выборов кампаний 1999–2000 гг.) и стали разваливаться старейшие и крупнейшие русские организации. Прак-

тически сошли со сцены «Память» (Д.Д. Васильева) и Русский собор (А.Г. Стерлигова). Конгресс русских общин помог Лужкову создать «Отечество», но затем, перекинувшись на сторону Кремля, с шумным скандалом его покинул; в результате Rogozin занял кресло руководителя международного комитета Госдумы, но вынужден был распустить КРО. Бабуринский РОС попытался создать коалицию с РОНС Игоря Артемова и православной организацией Владимира Осипова, но она рассыпалась, едва сложившись; все рядовые участники были жестоко разочарованы. «Великое и ужасное» РНЕ было фактически зарегистрировано для выборов под личиной «Спаса» (руководитель В.И. Давиденко), но как только Борис Миронов и Александр Севастьянов повели предвыборную агитацию в электронных СМИ и рейтинг «Спаса» начал стремительно расти, приближаясь к 15%, Ельцин лично распорядился снять его через суд с выборной дистанции, что и было сделано. Через год РНЕ распалось на несколько частей, исключив с руководящего поста своего бессменного главу А.П. Баркашева.

Таким образом, русское движение к концу 2000 года лежало в руинах. Это создавало чрезвычайно удобный случай, чтобы его полностью переформатировать, чтобы из груды осколков сложить новую мозаику, вдохнув новый энтузиазм в сердца многих тысяч людей, разочарованных расколами, всеобщим распадом и предательством лидеров.

В декабре 2000 года состоялись переговоры лидера Союза офицеров Станислава Николаевича Терехова и главного редактора «Национальной газеты» Александра Никитича Севастьянова о создании партии русских националистов. На тот момент Союз офицеров был вполне полнокровной, дееспособной патриотической организацией левого фланга. А «Националка», по мнению многих, имела

репутацию лучшей русской национал-патриотической надпартийной газеты.

В полном соответствии с ленинской формулой, эта газета оказалась не только агитатором и пропагандистом, но и организатором. Вовремя оценив исключительно благоприятный момент и собрав полную базу данных, Севастьянов уже давно вел бесплатную рассылку «Националки» по региональным штаб-квартирам всех основных русских организаций: РНЕ, КРО, РОС, ННП, НРПР, РОНС, «Державы», «Спаса» и т.д., включая казацкие организации и национал-патриотические СМИ. Все они, переживая политический кризис, нуждались в надежном источнике идей и фактов, наставнике и руководителе. Капая на вершины этих региональных политических пирамидок, необходимая информация растекалась потом до самого низа. Тотальная общероссийская сеть агитации и пропаганды была таким образом сплетена, оставалось только задействовать, активизировать эту сетевую структуру. В дальнейшем именно читатели «Националки», мгновенно мобилизованные ею, зарегистрировали две трети региональных отделений НДПР.

Переговоры двух политиков закончились решением: создать максимально широкую национал-патриотическую коалицию, которая должна была вовлечь в себя все здоровые силы данной части оппозиционного спектра, располагающие сколько-нибудь серьезными активами, даже если это всего лишь безупречная репутация и моральный авторитет. В дальнейшем сложившаяся коалиция подлежала преобразованию в партию.

Соответственно, следовало заранее озаботиться созданием такой идейно-политической платформы, которая позволила бы все эти силы объединить, невзирая на любые частные разногласия. Нужен был документ, под которым подписались бы и монархисты, и анархисты, и республиканцы, и коммунисты, и антикоммунисты, и право-

славные, и атеисты, и язычники и т.д., и т.п. К тому времени до многих уже стала доходить простая истина: идеи, идеалы и верования не столько объединяют, сколько разъединяют русских людей по партийным штаб-квартирам. А объединяет нас сегодня — только одно: русская кровь и борьба за общенациональные права и интересы. К этому и следовало апеллировать.

Создание чернового проекта объединительной программы было возложено на Севастьянова как профессионального и общепризнанного разработчика русской идеи. Вскоре, после консультаций с рядом близких по мыслям людей, он необходимую программу представил.

Непросто было убедить Терехова, что не следует выдвигать таких целей, как восстановление Советского Союза и построение социализма. Сыграло роль простое соображение: если-де мы левые с национальным русским надцветом, то придется вставать в длинную очередь леваков с Зюгановым во главе и дышать в затылок какому-нибудь Анпилову или Тюлькину. Если же мы русские националисты, неважно, с левым или правым уклоном (лучше всего с тем и другим), то конкурентов у нас просто нет. Терехов, незадолго до того полностью порвавший с Зюгановым, убедившись в его предательстве народных интересов, восчувствовал этот аргумент и согласился. Его смещение в сектор русского национализма произошло легко.

Тем временем уже стремительно ширилось подписание документа под названием «Меморандум», который гласил:

«Мы, руководители национально-патриотических организаций России, редакторы национально-патриотических СМИ, а также общественно-политические деятели подписываем от себя и от имени своих организаций этот меморандум о создании Организационного комитета по формированию единого всероссийского союза (партии) с вхождением в него национально-патриотических ор-

ганизаций России с целью защиты интересов русской нации во всех сферах жизни и возрождения ее великой державы.

Мы, подписавшиеся под этим документом, обязуемся приложить максимум наших сил и возможностей для обеспечения эффективной работы созданного Оргкомитета. Мы отбрасываем наши амбиции и взаимные обиды во имя общей цели — спасения России».

Свои подписи первыми поставили (в алфавитном порядке): В.Б. Авдеев (журнал «Атеней»), А.М. Аратов (Всероссийская издательская группа «Русская правда»), А.В. Архипов (Русское народное собрание, оргкомитет), Ю.А. Беляев (Партия Свободы), А.М. Бурхайло (Союз славян Адыгеи), Д.Н. Демушкин (Славянский союз, московская региональная организация), А.К. Иванов-Сухаревский (Народная Национальная партия, газета «Я — русский!»), В.И. Корчагин (газета «Русские Ведомости»), С.И. Кучеров (Информационное агентство «Державный союз»), В.Б. Петров (Комитет по защите территориальной целостности Российской Федерации), А.А. Попов (газета «Союз офицеров»), Д.Г. Румянцев (газета «Стенка»), А.Н. Севастьянов (Лига защиты национального достояния, газета «Национальная газета»), В.В. Селиванов (газета и Информационное агентство «Десница»), С.Н. Терехов (ОПО «Союз офицеров»). Впоследствии появились и другие подписанты.

Одновременно подписывались и «Правила внутреннего договора между участниками русского объединительного движения за создание единой русской партии», которые подписывали:

«1. Участниками считаются первые лица представленных в движении организаций: руководители русских партий и движений, главные редакторы русских СМИ. Список участников (как в центре, так и в регионах) тождествен федеральному избирательному списку на выборах в Государственную Думу России.

2. Участие в создании общего движения

и общей партии не исключает личного участия в иных партиях. Однако участие в иных блоках и движениях несовместимо с логикой общепартийного строительства, препятствует целям создания единой русской партии и является недопустимым.

3. Отношения подчинения между участниками исключаются.

4. Единственным высшим органом движения является Центральный Совет, в который входят все участники. ЦС собирается для оценки текущего момента и выработки решений не реже одного раза в две недели. Его решения, принимаемые только единогласно, являются обязательными для всех участников. Голос отсутствующего по уважительным причинам участника запрашивается по каналам связи в обязательном порядке. Участник может официально передать свой голос для голосования по конкретному вопросу другому участнику.

5. Участник, проголосовавший за решение Центрального Совета, а впоследствии отказавшийся его выполнять или саботирующий, исключается из движения.

6. Каждый участник добровольно принимает на себя одно из утвержденных ЦС направлений работы и добросовестно исполняет эту работу. Прекращение добросовестного исполнения добровольно взятых на себя обязательств влечет за собой исключение участника из движения.

7. Принятые ЦС решения не разглашаются, если этими решениями не предусмотрено иное.

8. Во избежание кривотолков участник, подписавший соответствующий манифест, передает в ЦС свою краткую биографию и копию метрического свидетельства».

В дальнейшем эти правила неукоснительно соблюдались. Единственный, кто решительно отказался демонстрировать свою метрику и сдавать копию с нее, был Борис Сергеевич Миронов, вошедший в ЦС непосредственно в день учредительного съезда Национально-державной партии России. Но это уже другая история.

Все участники ЦС знакомились с проектом «Объединительной платформы», обсуждали его, предлагали

свои замечания, исправления, дополнения. В итоге получился подлинно коллективный документ, более-менее устраивавший всех и каждого: случай беспрецедентный в русском лагере, если учесть большое количество участников и весь спектр частных противоречий между ними.

Наконец, под обсуждением была подведена черта, и документ был опубликован летом 2001 года в «Национальной газете» № 6–7 и в нулевом номере «Русского фронта» (так было решено назвать партийный орган). Как писалось в передовице «Пробил час!», предварявшей публикацию:

«18 мая 2001 года войдет в историю русского национал-патриотического движения как знаменательный день, когда известные лидеры русских организаций и главные редакторы русской прессы сели, отбросив амбиции, за круглый стол, чтобы обсудить принципы “Объединительной платформы” нового русского движения с целью создать единую партийную организацию. Это совещание, которым увенчалась трехмесячная предварительная работа по согласованию позиций, закончилось:

- 1) подписанием “Меморандума”;
- 2) принятием публикуемого ниже варианта текста “Объединительной платформы”;
- 3) созданием Оргкомитета по формированию единой партии и подготовке учредительного съезда.

Оба документа решено предать гласности».

Впоследствии «Платформа» неоднократно публиковалась, в частности на обороте популярной карты «Русская Россия. Карта компактного расселения русского этноса», изданной в том же году совместно Лигой защиты национального достоинства и «Национальной газетой».

«Объединительная платформа» никогда не являлась официальным партийным документом, будучи создана до учредительного съезда, утверждения партийной программы и получения государственной регистрации. Она

принималась в том числе при участии лиц, покинувших в дальнейшем Оргкомитет и НДПР. Однако она сыграла значительную роль в истории русского движения, впервые показав, что русский народ способен объединиться вокруг весьма обширных (116 пунктов) представлений о должном, несмотря на все частные идейно-политические разногласия. А главное — она помогла сплотить многие тысячи людей, поверивших в то, что политический союз всех русских людей на базе общих прав и интересов — не утопия, а вполне достижимая реальность. Предназначенную ей роль «Платформа» исполнила до конца. А возможно, еще послужит и в будущем.

Документ

«ЧТО НАС ОБЪЕДИНЯЕТ».
ОБЪЕДИНИТЕЛЬНАЯ ПЛАТФОРМА
НОВОГО РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ
С ЦЕЛЮ СОЗДАНИЯ ЕДИНОЙ
РУССКОЙ ПАРТИИ
«НАЦИОНАЛЬНО-ДЕРЖАВНАЯ ПАРТИЯ
РОССИИ»

Национально-Державная партия России, руководствуясь интересами русского народа и всех коренных народов России, а также ценностями справедливости и патриотизма, заявляет, что в случае ее прихода во власть будет проводить в жизнь следующие программные принципы.

1. В сфере государственного устройства:

а) основные принципы, определяющие политику:

— Нация и государство находятся в неразрывном органическом единстве;

— Россия есть государственно-политическая ипостась русского народа. Будет великая русская нация — будет и великая Россия. Не будет великой русской нации — от России останется лишь горстка разрозненных стран-колоний;

— Русской нации нужна Великая Россия — Держава — как основа ее сохранения и развития. Не будет Великой России — не будет и великой русской нации. И никак иначе;

— Россия, согласно нормам международного права, признается мононациональной страной русского народа, т.к. русские составляют в ней абсолютное большинство населения;

б) русский народ утверждается в официальном статусе коренной, титульной и единственной государствообразующей нации России;

коренным народом России признается народ, не имеющий за пределами России своей субъектности и государственности;

в) необходимо стремиться к созданию мирным путем процветающего Русского национального государства — России — в границах компактного проживания русско-го этноса;

г) необходимо уравнивать в правах области и края с республиками в составе Российской Федерации.

Все субъекты Федерации должны иметь равные права; они не могут руководствоваться актами, противоречащими федеральному законодательству.

Впоследствии федеративное устройство России может быть полностью или частично пересмотрено методом референдума или внесения изменений в Конституцию, а наименование «Российская Федерация» отменено;

д) необходимо пересмотреть действующую Конституцию России, игнорирующую права и интересы русского народа, и внести в нее изменения или принять новую в соответствии с законом;

в России сохраняется принцип республиканского правления, принцип разделения властей, права и свободы граждан;

е) государственный аппарат, правительство и СМИ должны быть полностью очищены от антирусски настроенных людей;

Министерство по делам национальностей ликвидируется, вместо него создается Министерство по делам русского народа, в составе которого сохраняется департамент по проблемам коренных народов России и национальных меньшинств;

необходимо принять закон об ответственности за русофобию;

необходимо ввести национально-пропорциональное представительство во

всех ветвях власти независимо от уровня;

к высшим государственным должностям не должны допускаться нерусские и породненные с нерусскими лица, представители сексуальных меньшинств;

ж) необходимо признать вне закона масонство и тоталитарные секты, а также иудаизм и сионизм как учения, пропагандирующие национальную исключительность, национальное превосходство евреев и неполноценность других людей по национальному признаку;

з) необходимо укрепить государственную власть, значительно усилить государственное вмешательство во все дела жизни общества в сфере политики, экономики, культуры, правопорядка;

необходимо серьезное укрепление дисциплины, наведение всеобщего порядка;

и) необходимо искоренение преступности, особенно организованной, краж имущества трудящихся, финансовых афер и махинаций еврейской и южной мафии;

рецидивисты и лица, совершившие тяжкие уголовные преступления, должны быть ограничены в правах;

рэкет и вообще криминал в сфере экономики должны быть уничтожены, уголовный кодекс ужесточен, права милиции расширены, восстановлены добровольные народные дружины;

в области карательной юстиции следует исходить из принципа: «преступность — это преступники»;

к) должна быть восстановлена юридически и практически в полном объеме «доперестроечная» смертная казнь без права на помилование за особо тяжкие преступления, в том числе за незаконное изготовление и сбыт наркотиков;

вводится такая конституционная норма, как лишение гражданства по решению Верховного суда;

л) суд присяжных ликвидируется;

м) признается факт геноцида по отношению к русскому народу. Правительству России будет предписано создать при Общественно-государственном Комитете по проблемам русского народа при президенте России Чрезвычайную государственную комиссию (ЧГК) по расследованию

фактов геноцида русского народа и преодолению его последствий. В ЧГК должны, наряду с официальными представителями министерств и ведомств, войти выборные представители русских общественных организаций;

н) принимаются первоочередные законы; «О гражданстве», «О правах коренных народов России», «О русофобии», «О разделенном положении единой русской нации и ее праве на воссоединение», «О коррупции», «О семье», «О земле».

2. В сфере межнациональных отношений:

а) признать, что главное достояние России — это населяющие ее народы. Сохранение безопасности, национальной культуры и самобытности каждого народа России — важная задача государства;

б) устранить имеющую место фактическую дискриминацию русских в России, особенно в республиках в составе РФ;

в) признать единство русского народа вне зависимости от границ и стран проживания;

признать, что русский народ, а также осетины, лезгины и некоторые другие коренные народы России оказались в разделенном положении и имеют право на воссоединение мирным путем и в границах международного права;

право на двойное гражданство имеют только представители коренных народов, оказавшихся в разделенном положении;

г) признать право русских по происхождению людей, а также представителей других коренных народов России на гражданство России вне зависимости от места постоянного жительства;

д) оказать срочную помощь русским беженцам и вынужденным переселенцам из бывших республик СССР и «горячих точек» России, обеспечить их работой и жильем;

е) принять программу переселения в Россию представителей коренных народов России, в первую очередь — русских, проживающих дисперсно вдали от границ России;

ж) принять программу ненасильственного переселения из России в Израиль —

евреев, чья деятельность не совместима с государственной пользой России;

з) с целью предотвращения роста безработицы, жилищного кризиса, санитарных проблем, наркомании и преступности в России ввести жесткий визовый режим для граждан дальнего и ближнего зарубежья, кроме лиц русской национальности. Выйти из всех международных соглашений по проблемам миграции. Депортировать в недельный срок всех незаконно проживающих в России мигрантов за их счет. Тех, у кого нет средств на оплату депортации, привлечь к принудительному труду, пока такие средства не появятся. Скрывающиеся от депортации незаконные мигранты должны быть объявлены вне закона, за их жизнь, здоровье и имущество никто не должен нести ответственность;

и) трудовая иммиграция, кроме лиц русской национальности, запрещается;

к) необходимо ввести в законодательство обязательное требование к кандидатам на выборах в органы власти о декларации своей истинной национальности (вплоть до третьего колена) и сексуальной ориентации;

м¹⁾ графа «национальность» в паспорте должна быть восстановлена, равно как процедура ее заполнения.

3. В сфере отношений со странами СНГ и Прибалтики:

а) договоры между Российской Федерацией и странами ближнего зарубежья должны подвергнуться коренному пересмотру в пользу России;

б) необходимо поддерживать русское население в странах ближнего зарубежья, оказывать всеми доступными мерами эффективное экономическое и политическое давление на правительства тех стран, которые подвергают русских дискриминации;

в) необходимо либо признать Приднестровскую республику, Абхазию и Южную Осетию как независимые государства, либо принять их в состав Российской Федерации на правах республик в составе РФ;

г) Севастополь как база Черноморского

¹ Пункт «л» пропущен в оригинале текста (ред.)

флота должен целиком принадлежать России; соответствующие соглашения с Украиной должны быть пересмотрены;

д) Россия и Белоруссия должны незамедлительно объединиться в единое государство.

4. В сфере внешней политики и международных отношений:

а) в России должен действовать приоритет национально-государственных интересов;

международное право и международные договоры, ратифицированные Россией, не должны иметь приоритета над внутренним законодательством;

б) Россия должна перестать следовать в фарватере политики США, Запада и Израиля; наша внешнеполитическая ориентация — Китай, Корея (Северная либо объединенная), Индия, Иран, арабский мир, Латинская и Центральная Америка; в Европе нашим стратегическим союзником, возможно, сможет стать Германия как центр противостояния США;

в) передача любых российских территорий иностранным государствам недопустима;

г) Россия должна всемерно поддерживать Ирак, палестинцев и иные арабские государства в их противостоянии с Израилем, незаконно оккупировавшим арабские земли и угнетающим палестинцев;

д) Россия должна поддерживать курдов в их борьбе за национальные права и автономию;

е) Россия не должна ратифицировать договоры, ограничивающие военные возможности России; уже заключенные договоры такого рода должны быть пересмотрены.

5. В военной области:

а) армия России должна быть народной, а не наемной; военная обязанность — привилегия русского народа (великороссы, малороссы, белорусы);

с воинскими преступлениями, особенно с дедовщиной, дезертирством и хищением оружия будет покончено беспощадно и любой ценой;

б) для исключения прямой военной конфронтации с США и НАТО России следует сохранить мощный ракетно-ядерный кулак,

построенный на основе сверхтяжелых ракет с разделяющимися головными частями, мобильных ракет на ж/д платформах и более современных комплексов, способных прорвать существующую и перспективную противоракетную оборону (ПРО) и нанести неприемлемый ущерб городам, промышленности и инфраструктуре США и других вероятных противников;

не допустить выхода США за пределы договора 1972 года по противоракетной обороне (ПРО), а в случае их одностороннего выхода из договора предпринять адекватные меры асимметричного характера; концепция первого и даже упреждающего ядерного удара, как ответ на агрессию превосходящих сил НАТО, становится ключевой в военной доктрине;

в) для ведения локальных военных конфликтов на Кавказе и в Средней Азии сформировать специальную группировку сухопутных войск, подготовленную к ведению антипартизанской войны, но имеющую в своем составе также крупные ударные соединения;

г) для обеспечения безопасности и порядка на основной территории России сформировать массовые соединения внутренних войск, подготовленных к антипартизанской и антитеррористической деятельности, а также максимально усилить их массовыми казачьими территориальными войсками, выполняющими те же функции;

д) сформировать крупную и боеспособную группировку сухопутных войск на Дальнем Востоке, обеспечивающую прикрытие морской границы и границы с Китаем с опорой на оперативно-тактическое ядерное оружие;

е) для обеспечения возможности поддержки наших потенциальных союзников сохранять достаточные по объему мобильные силы, сведенные в единое командование и включающие соединения воздушно-десантных войск, десантно-штурмовые части, соединения морской пехоты, ударные соединения и войсковую авиацию, а также десантный флот;

ж) резко усилить войсковую и территориальную противовоздушную оборону (ПВО), способную противостоять массивно-

ванным ударам противника с воздуха и использованию им высокоточного ракетного оружия большой дальности, в первую очередь крылатых ракет;

з) предпринять меры по восстановлению компактного, но мощного океанского флота с опорой на авианосцы и десантные корабли, а оборону собственного побережья от корабельных группировок противника построить на основе массового строительства ракетных катеров, береговых противокорабельных комплексов и подводных лодок с целью экономии средств;

и) самостоятельным видом вооруженной борьбы должна быть признана радиоэлектронная борьба, а также информационно-психологическая война, направленная как на борьбу с противником, так и на информирование собственного населения и населения третьих стран.

6. В экономической области:

а) Россия — самодостаточная страна, одна из немногих в мире;

в России есть все, чтобы ее народ мог жить безбедно, недостает лишь одного — власти русского народа;

б) основная цель государственной экономики — рост благосостояния граждан, основной метод — всемерный рост государственного бюджета и свободного предпринимательства;

в) руководящую и регулирующую роль в экономике должно играть государство, которому должно принадлежать не менее двух третей собственности в стране;

основа доходов государства — прибыль государственных предприятий, а не налоги с населения;

на государственных предприятиях восстанавливаются органы народного контроля;

г) необходима экспроприация банков, занимавшихся обманом физических и юридических лиц, аферами, а также сионистского и масонского капитала, капиталов южных мафий, капиталов компрадорской буржуазии;

необходимо деятельность Центробанка поставить под самый жесткий контроль правительства и Госдумы; создать комиссию из русских патриотов, которая разбе-

рется, куда пошли денежные потоки эмитированных с 1991 г. Центробанком рублей, кто и что на них приобрел. Виновных — под суд; все имущество, приобретенное на эти дутые рубли, конфисковать в пользу государства;

д) необходима экспроприация и национализация крупных объектов приватизации, приватизированных за бесценок или с нарушением закона, а также военно-промышленного комплекса, топливно-энергетического комплекса и естественных монополий, а также недр и вообще природных ресурсов, включая эфир;

продажа энергетических и иных ресурсов за рубеж осуществляется только по квотам после удовлетворения основных потребностей внутреннего рынка по внутренним ценам;

акцент должен делаться на экспорте горюче-смазочных материалов, но не сырой нефти;

земля не может быть объектом купли-продажи, но только аренды;

ввоз в Россию промышленных, в том числе ядерных, отходов запрещается;

е) экономика должна быть смешанной: наряду с преобладающим государственным сектором, включающим крупные и часть средних предприятий, должен сохраняться частный сектор экономики, включающий мелкие и средние предприятия, магазины, кафе, мастерские, лавки, а также индивидуальных торговцев, ремесленников, работников сферы услуг;

ж) закон о Соглашении о разделе продукции должен быть отменен;

участие иностранного капитала в управлении объектами экономики должно быть ограничено;

з) необходимо аннулировать займы иностранным государствам;

и) необходимо запретить вывоз капитала за границу, запретить хождение долларов в России;

к) необходим приоритет национальным производителям товаров;

л) необходимо запретить рекламу и пропаганду табака и спиртного; ограничить рекламу иностранных товаров, сократить рекламу на телевидении в 10 раз;

м) необходимо прекратить импорт западного продовольствия, напичканного канцерогенными, психотропными, генно-инженерными и другими добавками, вредными для здоровья наших людей; продовольственная безопасность России — в числе основных государственных приоритетов;

н) необходимо коренное перераспределение доходов и собственности в пользу русских трудящихся, подвергавшихся и подвергающихся жестокой эксплуатации вплоть до наших дней; косвенные налоги, которые возложены на русский народ — основного налогоплательщика России, должны быть исключены навсегда

о) современная борьба за национальные интересы есть в первую очередь борьба за научно-техническое и промышленное лидерство. Одна из важнейших целей национального движения — создание и развитие собственного типа цивилизации, способной наилучшим образом решить современные проблемы: ресурсно-экологические, демографические, энергетические, технологические и культурные.

7. В социальной сфере:

а) современная политика не может быть политикой маргинальных слоев общества. Инженер, учитель, врач, армейский офицер, ученый, студент, рабочий высшей квалификации, предприниматель, менеджер-производственник — вот основная опора национального движения, социальная база его актива;

б) необходимо резкое повышение зарплат, пенсий, стипендий, пособий, жалованья работникам бюджетной сферы, в том числе солдатам, сержантам, старшинам, прапорщикам и младшим офицерам;

необходима регулярная своевременная выплата зарплат, пенсий, стипендий, пособий, жалованья военнослужащим и другим работникам бюджетной сферы;

в) приоритетным принципом развития нации и государства является принцип социальной справедливости;

паразитирование одних групп общества за счет других не допускается;

чрезмерная роскошь одних и вопиющая нищета других не допускаются;

государство обеспечивает равные стартовые возможности для карьеры граждан независимо от их социального происхождения и места проживания. Проводится целенаправленная политика отбора национальной элиты из всех сословий русского народа;

бесплатные медицина, образование, занятия спортом должны быть достаточно высокого качества и доступными широким слоям общества;

г) в России объявляется Чрезвычайное демографическое положение;

восстанавливается Комитет по делам семьи, детей и демографии при Правительстве;

создается Чрезвычайная временная демографическая комиссия для разработки программы по преодолению демографического кризиса, основная задача которой — увеличение абсолютной и относительной численности русских как государствообразующего народа;

аборты для русских женщин должны быть запрещены и должны рассматриваться как убийство при отягчающих обстоятельствах за исключением четырех случаев: расового и кровосмешения, изнасилования и несовместимости беременности с жизнью матери;

деятельность организаций, направленная на ограничение рождаемости, запрещается;

необходима активная политика, в том числе пропагандистская, направленная против смешанных в расовом и национальном отношении браков, хотя законодательное запрещение таковых нежелательно;

необходимо восстановить уголовную ответственность за мужской и женский гомосексуализм, объявить войну наркомании и резко ограничить алкоголизм, вести борьбу за здоровый образ жизни;

русский, имеющий менее двух детей в одной семье, не должен иметь права занимать выборные должности как не выполнивший свой долг перед нацией;

д) разрабатываются и вводятся программы: «Русская школа, русский учебник», «Русский вуз», «Русская семья, русские дети», «Русские сироты», «Русский рынок»;

е) культура и транспорт должны быть доступны для рядовых граждан.

8. В гуманитарной сфере:

а) права человека не могут играть первостепенную роль по сравнению с правами государства;

б) необходимо запретить порнографию, ограничить распространение эротической продукции; запретить трудовую миграцию российских женщин на Запад и в другие страны дальнего и ближнего зарубежья; закрыть все конторы и фирмы, вербующие российских женщин на работу за рубежом в сфере секса, фото- и кинобизнеса, брачных и модельных агентств; запретить сексуальное, половое обучение и просвещение в школах и других учебных заведениях;

в) необходимо покончить с засилием США и Запада в сфере культуры, запретить бесцензурный показ западных фильмов в кино и по телевидению;

г) необходимы чрезвычайные меры по профилактике и лечению СПИДа, венерических заболеваний и туберкулеза.

9. Отношение к существующей власти и общей ситуации в стране:

а) признать, что политика всех Правительств РФ с августа 1991 г. по настоящее время была в целом вредной для русского народа;

в²) наибольшую опасность для страны представляют США, Запад, сионо-фашизм, масоны, олигархи, демократы;

г) русского фашизма, экстремизма, «красно-коричневых» не существует в природе, это все — жупел для публики, зловерная выдумка «демократов»;

д) необходима победа национально-патриотических сил на выборах, создание русской национал-патриотической фракции в Государственной Думе, способной влиять на принятие решений. Русской стране — русского президента;

е) необходимо создание Чрезвычайного Трибунала по расследованию преступлений должностных лиц, нанесших вред России в особо крупных размерах, начиная с 1991 г.

**Оргкомитет
Национально-Державной партии
России**

(«Национальная газета» № 6–7 /2001 г.)

III. Программа-максимум и программа-минимум Русского Национального Движения

Предупреждение

В январе 2004 года, когда был принят третий из публикуемых документов, русское движение вновь переживало не лучшие времена.

Главная ставка здоровых русских сил, сделанная после развала движения в 1999–2000 гг., оказалась битой противником, последний шанс на полноценное и вместе с тем легитимное участие русского народа в борьбе за свои права и интересы был утрачен. Национально-Державную партию России Минюст в 2003 году лишил государственной регистрации, тем самым выключив из сферы легальной политики.

Она все еще оставалась наиболее крупным (многие десятки тысяч людей в 67 регионах) и авторитетным игроком на русском поле, служила маяком русской идеологии и правозащиты, проводила съезды и конференции, издавала газеты, листовки, брошюры и книги, притягивала внимание друзей и врагов, принимала гостей-единомышленников из-за рубежа. Однако все это уже не давало реальных перспектив, и, формально оставаясь первой среди равных в русском движении, НДПР взяла курс на создание новой коалиции участников русского движения, не вошедших в эту партию, но делавших посылить реальные дела. Проведя предварительные согласования, ЦПС НДПР приурочил к очередному партийному съезду и созвал учредительную конференцию Русского национального движения (РНД).

Вот что написано об этом в партийной газете «Русский фронт» (№ 2 за 2004 г.):

² Пункт «б» пропущен в оригинале текста (ред.)

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

31 января состоялась учредительная конференция неформального общественного объединения — Русского национального движения. С основным докладом выступил сопредседатель Национально-Державной партии России А.Н. Севастьянов. В прениях взяли слово: Н.А. Павлов, депутат ГД РФ, член Политсовета ООО «Родина»; И.В. Артемов, председатель РОНСа; А.А. Белов, сопредседатель ДПНИ; В.Е. Кривов, Комитет самоорганизации русского народа; Ю.А. Беляев, председатель Партии Свободы; В.А. Задерей, Военно-Державный союз; М.Очкин, молодежная организация НДПР; С.Н. Терехов, сопредседатель НДПР; В.И. Давиденко, председатель движения «Спас». В президиуме конференции также находились глава Союза славянских общин В.С. Казаков и члены ЦПС НДПР. По итогам прений была принята Резолюция, а также Программа-максимум и Программа-минимум. Показ Конференции за рубежом осуществляла ТВ-студия «Эхо России».

РЕЗОЛЮЦИЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Мы, представители национально-патриотических организаций и СМИ России, обсудив текущий политический момент, пришли к следующим выводам:

1. Признать необходимым создание единого Русского национального движения (РНД).

2. Принять Программу-максимум и Программу-минимум РНД (прилагается).

3. Создать руководящий орган РНД — Координационный совет (КС РНД) из руководителей национально-патриотических организаций и главных редакторов национально-патриотических СМИ — участников настоящей конференции с правом последующей кооптации в него по рекомендации двух членов КС РНД иных руководителей национально-патриотических организаций и СМИ, не принявших участия в настоящей конференции.

4. Делегировать С.Н. Терехова от РНД на Украину на съезд партии ЗУБР (За единую Украину, Белоруссию, Россию).

Принято 31 января 2004 г.

Программные документы, принятые учредительной конференцией РНД, готовились А.Н. Севастьяновым. Доверить ему эту задачу позволял накопленный опыт: платформа «Русское согласие» 1997 года; ряд коллективных открытых писем в правительственные сферы и обращений к народу; избирательная кампания «Спаса» на думских выборах 1999 года и собственная избирательная кампания на выборах губернатора Новгородской области 2003 года; «Объединительная платформа» 2001 года; руководящее участие в разработке проекта новой конституции России (1997), а также законопроектов «О разделенном положении русской нации» (1998), «О русском народе» (Госдума, 2001; русские организации, 2001); десятки статей на русскую тему в центральной прессе. Кроме того, редактируя с 1997 года «Национальную газету», Севастьянов держал руку на пульсе движения: получал сотни писем со всей страны и присутствовал лично (или отслеживал через сеть корреспондентов) на всех значимых мероприятиях русского движения. Поэтому ему не составило труда сделать лаконичный, но емкий свод необходимых и достаточных требований, наиболее популярных и актуальных для русского народа на данном историческом этапе. Таких для Программы-минимум нашлось всего восемь. Как представляется, данный список можно расширять бесконечно, но лишь за счет намного менее существенных положений (пример тому — «Объединительная платформа»); исключить же из него нельзя ничего.

Пусть судит читатель.

Документ

ПРОГРАММА-МАКСИМУМ РУССКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Построение Русского национального государства, включающего в себя территорию нынешней России (но без национально-территориального деления), а также земли, желающие с ней воссоединиться.

ПРОГРАММА-МИНИМУМ РУССКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

У русского народа есть специфические этнополитические проблемы. Исходя из них, мы формулируем цели, которых намерены добиться:

1) признание, в соответствии с международными стандартами, России — мононациональной страной русского народа, составляющего абсолютное большинство ее населения;

2) признание и законодательное утверждение исторической роли и фактического значения русского народа не только в качестве коренного и титульного (всю Россию назвали по нашему имени), но и как единственной государствообразующей нации России. Ибо русские — не только создатели России, но и единственная (!) нация, без которой Россия не могла бы существовать в виде единого государства в ее настоящих границах.

3) признание права русского народа на национально-пропорциональное представительство во всех органах государственной власти и местного самоуправления России;

4) признание права на воссоединение единой русской нации, оказавшейся в раздельном положении;

5) признание факта этнодемографической катастрофы русского народа и законодательное утверждение мер, в том числе чрезвычайных, направленных против депопуляции его как государствообразующей нации, против снижения его удельного веса в составе населения России;

6) сохранение и укрепление этнического единства русского народа и всех исторических и культурно-языковых факторов, способствующих этому;

7) запрещение русофобии во всех ее проявлениях, защита человеческих и гражданских прав русских людей в любой точке земного шара;

8) признание факта геноцида русского народа и преодоление его последствий.

Данный исторический документ заканчивался так:

«Принято на Учредительной конференции Русского национального движения 30 января 2004 г. (Москва). Участники: НДПР, ДПНИ, РОНС, ССО, ВДСР, “Спас”, Партия Свободы.

Документ открыт для подписания новыми участниками.

Вместе — за права и интересы русского народа!!!»

В расшифрованном и детализированном виде эти программы впоследствии были изложены Севастьяновым в статье «Русская идея как электро-ральный ресурс. Первоочередные этнополитические проблемы русского народа» (журнал «Политкласс» № 4 за 2007), а также в докладе, подготовленном для члена Общественной палаты В.Н. Ганичева.

Прошло немного времени, и многие участники учредительной конференции РНД, объединенные общим пониманием целей и задач, выраженных в «Программах», а также взаимной комплиментарностью, влились, наряду с некоторыми другими, в объединенное народное движение «Русский марш», развернув плодотворную и хорошо скоординированную деятельность. Которая продолжалась вплоть до июня 2008 года, когда очередной раскол поставил этому предел.

* * *

Резюме: публикуемые документы позволяют утверждать, что русским движением уже накоплен ценный опыт объединения и взаимопонимания, который, будем надеяться, пригодится в ближайшем будущем.

Игорь Шафаревич:

«Я всю жизнь думал о судьбе русского народа...»

От редакции. Игорь Ростиславович Шафаревич — советский и российский математик, философ, публицист, общественный деятель.

Основные научные труды Шафаревича посвящены алгебре, теории чисел и алгебраической геометрии. За решение обратной задачи теории Галуа для разрешимых групп был награжден Ленинской премией (1959 год). Он же, вместе со своими учениками, получил важные результаты в области теории групп, теории целочисленных представлений групп и в других областях.

С конца 60-х годов принимает участие в советском правозащитном движении: заявления и пресс-конференции в защиту Православной Церкви, против использования психиатрии как средства политических преследований (совместно с А.Д. Сахаровым).

В 1974 г. участвовал вместе с А.И. Солженицыным в издании сборника «Из-под глыб» — сборника статей по вопросам духовной и общественной жизни того времени. В 1977 г. во Франции вышла его книга «Социализм как явление мировой истории», сжатое изложение основных идей которой содержалось в одной из его статей в сборнике «Из-под глыб». В 1975 г. был уволен из университета, с тех пор не преподает.

В посткоммунистическое время, начиная с 1988 года, опубликовал большое число работ, в основном, так или иначе связанных с вопросами, вставшими перед нашей страной. Часть из них собрана в книгах «Есть ли у России будущее?» («Советский писатель», 1991) и

«Путь из-под глыб» («Современник», 1991). Большая часть математических работ издана (в английском переводе) в собрании сочинений («Collected Papers», Springer, 1989).

Более всего известен своими работами по русскому вопросу. Самая известная книга — «Русофобия и ее продолжение («Русофобия, десять лет спустя»). Эти книги вызвали острейшую полемику и входят в число русских интеллектуальных бестселлеров XX века.

К.Крылов. *Игорь Ростиславович, Вы известны публике не столько как ученый, сколько как автор знаменитых публицистических работ на тему социализма, русофобии, и так далее. Но ведь Вы прежде всего математик. Почему Вы занялись русской проблематикой?*

И.Р. Шафаревич. Сколько я себя помню — столько я думаю на эту тему. Я всю свою жизнь прожил в эпоху такого перелома русской жизни, что не думать об этом было просто невозможно.

Прибавьте к этому склад ума, способность осмыслять и собирать факты, укладывать их в концепцию — и вот такая эпоха.

— То есть Вы хотите сказать, что Вы всегда были русским патриотом? И в молодости, когда многие Ваши сверстники были увлечены идеями социалистического строительства?

— Я живу с открытыми глазами. И на моих глазах происходила трагедия

русского крестьянства. Мои родители летом снимали вместо дачи половину крестьянской избы (а крестьяне переходили на другую половину). Это было неподалеку от нынешнего города Пушкино. Деревня называлась Куроново. Сейчас ее нет — земля, на которой она стояла, затоплена водохранилищем.

Я помню, как на строительстве водохранилища происходили какие-то странные события. Днем мы с приятелями играли на берегу в казаки-разбойники, прятались в кустах, а вечером в эти кусты вели каких-то людей, которые мне, ребенку, казались просто огромными из-за разницы в росте. Лаяли собаки, которые их охраняли. Я с ними не общался, я просто видел эту картину: как мимо нашего дома тянется темная масса.

На строительстве каналов, на канале Москва–Волга работали в основном раскулаченные. Руководил заключенными некий Сергей Яковлевич Жук. Впоследствии он был одним из инициаторов проекта поворота сибирских рек в Среднюю Азию, стал академиком, его прах лежит в Кремлевской стене. Где похоронены его жертвы — одному Богу известно...

— Когда Вы решили, что пора переходить от сочувствия к конкретным действиям? Например, когда Вы написали первый текст на гуманитарную тематику?

— Насколько я помню, мой самый первый текст был написан для сахаровской ассоциации, которая называлась «Комитет прав человека в СССР». Я входил в этот комитет, но меня раздражала беспредметность его деятельности. Мне казалось бессмысленным изучать положение с правами человека в СССР, а не бороться за них. Я написал доклад о положении религий в СССР. При подготовке доклада я обратил внимание на то, что антирелигиозные гонения имеют место в любой, без исключения, социалистической стране. Где бы социализм ни проявлялся, в Ал-

бании ли, в Китае, всюду происходили одни и те же события: гонения на любую существующую конфессию, преследования верующих, во что бы они ни верили. Это заставило меня задуматься о природе социализма как такового. Я пытался обсуждать подобные темы с коллегами, но с такими разговорами в научных кругах меня сторонились. Тогда я стал искать людей, с которыми на такие темы говорить можно. И познакомился с Солженицыным.

Знакомство было, к сожалению, коротким. Мы сошлись в 1970 году. А уехал он в 1974 году. Хорошо помню, потому что в тот же год меня уволили из университета.

О Солженицыне мне придется сказать несколько слов. Еще до знакомства я читал его произведения и понимал, что он — замечательный писатель. Но я уже был знаком с литературной средой и думал, что он тоже типичный литератор — знаете, такой, с которым можно интересно провести вечер, поест, выпить, поговорить.

Солженицын оказался человеком совсем другого склада. Это был убежденный и последовательный борец с советской властью.

Что им двигало, что было его внутренней пружиной? По-моему, две вещи. Во-первых, талант. Причем не только писательский — у него была способность доносить свои слова до читателя, пробиваться сквозь любую вату. У других этого не было. Шаламов начал писать раньше него и писал о более страшном, но его рассказы не имели успеха. А вот тексты Солженицына каким-то образом пробивались сквозь необразованность, бесчувственность и равнодушие, в том числе и зарубежных журналистов и издателей, которым это попадало в руки.

И второе — он был человеком практическим. Он хотел не только говорить, но и действовать.

В пору нашего знакомства Солженицын собирался издавать подпольный независимый журнал с текстами

писателей, которые не могли опубликоваться в официальной прессе. Но писатели не захотели связываться с этим проектом: то ли побоялись, то ли не верили в успех. Тогда он решил выпустить альманах. Но оказалось, что материалов набралось ровно на один сборник. В основном это были тексты его знакомых, в том числе и моя статья.

Написалась она в результате споров с Солженицыным. У него было какое-то неточное представление о социализме. Я делал замечания на эту тему, мы спорили, иногда и публично... Как-то раз я пожаловался ему на то, что не могу писать длинные тексты на гуманитарные темы. Он ответил: «А ты не пытайся написать книгу, ты пиши статью, тебе это поможет развернуть ее в книгу». Я подумал и согласился. Так появилась статья «Социализм», вошедшая в сборник «Из-под глыб».

Впоследствии, как и советовал Александр Исаевич, я сделал из статьи книгу, развернув ее тезисы. Получилась работа «Социализм как явление мировой истории». Она была издана во Франции в 1977 году, а после перестройки — у нас.

Нужно сказать, что эта публикация была воспринята относительно спокойно — у меня из-за нее почти не было серьезных неприятностей. Настоящие проблемы начались, когда я написал «Русофобию». Я до сих пор не понимаю, почему так, — казалось бы, социализм был в ту пору куда более острым идеологическим вопросом. Но дело обстояло именно так.

— *Как Вам пришла в голову идея книги «Русофобия»?*

— Я написал много работ, но настоящему известной стала именно эта. Человек с улицы, если его спросить, кто такой Шафаревич, сможет связать мое имя исключительно с этой работой. Я с этим сталкиваюсь постоянно, гуляя по дачному поселку.

Работа была написана в 1980 году.

Но само явление, которое я там описываю, я заметил гораздо раньше.

Хорошо помню один разговор, произошедший вскоре после окончания войны. Надо заметить, что с настоящими, профессиональными историками я впервые столкнулся в одном альпинистском лагере. Это был специалист по истории Англии XVII–XVIII вв., которого все звали «Дядя Володя», хотя его звали Владимир Михайлович. Он был учеником знаменитого профессора Виппера. Виппер был очень ангажированный историк, но он в совершенстве знал всю историю мира. Его ученики ему следовали.

И вот с этим Владимиром Михайловичем мы однажды возвращались с ледника и коснулись в разговорах темы британской колониальной политики. И он упомянул, что Виппер говорил: «Я не понимаю отношения к евреям. Это способные интеллигентные люди. Но они подвергаются гонениям тысячелетиями». На это я сказал, что мне интересно знать мнение профессионального историка о таком явлении, которое так долго длится.

В ответ же я услышал очень любопытные слова. С неожиданной для меня энергией мой собеседник высказался в том плане, что существуют явления, с которым надо бороться, а не анализировать их. А потом мы вновь вернулись к разговору об английской колониальной политике, которую он сам характеризовал как безжалостную и бесчеловечную, но при этом спокойно ее анализировал.

И я увидел, что к разным явлениям одного порядка применяются абсолютно разные мерки. Это и был тот момент, когда я это понял.

Как только я обратил внимание на этот факт, я сразу принялся его анализировать. Тогда и проявилась черта, о которой я уже говорил: когда я живу в обществе, в котором есть некая тема, которая подается как необсуждаемая, мне очень интересно понять, почему и как это происходит.

Под влиянием этого интереса я и написал свою книгу о социализме, под его же влиянием была написана и «Русофобия».

— *Что Вы считаете главным в этой своей работе?*

— Совсем не то, что увидели в ней большинство читателей.

«Русофобия» вызвала огромное количество отзывов: у меня есть целый ящик в шкафу, заполненный газетными вырезками и письмами. По большей части это отрицательные, попросту говоря, ругательные отзывы. Но это меня не удивило и не огорчило. Меня поразило то обстоятельство, что все эти отзывы вообще как бы и не о моей книге, они не затрагивают мысли, высказанные в ней.

Например, я был уверен, что обязательно допущу в исторической работе хоть одну историческую ошибку — и что мне на нее укажут. Увы, никто даже не озаботился проверкой фактического материала или корректностью исторических параллелей. Поэтому я вынужден напомнить, о чем, собственно, писал.

Главное, что я сделал, — генерализировал понятие «малого народа». Это слово было выведено французским исследователем Огюстеном Кошеном, который анализировал ситуацию, сложившуюся в интеллектуальных кругах Франции перед революцией. Кошен в России малоизвестен, его не переводили, я читал его на французском, со словарем — у него чрезвычайно изысканный французский язык. И буквально подсказывал на каждом слове — настолько его описания ложились в общую картину.

Кошен описывал, как французские «салоны» подготовили революцию. Это делали люди, объединенные одним общим настроением, а именно: презрением и ненавистью к собственной стране и своей культуре. Они отрицали все ее достижения, считали Францию и французов чем-то малоценным

по сравнению с другими государствами, которые, по их мнению, добились больших успехов, и настаивали на том, что только коренной переворот во всех областях жизни сделает Францию «частью просвещенного человечества». Последствия их деятельности были ужасны.

Я предположил в своей работе, что такой «малый народ» появляется в период кризиса в любой стране, в том числе и в России. Так, революционные демократы считали Пушкина и Лермонтова слабыми подражателями Гейне. Немецкие радикалы, младогегельянцы, допустим, говорили, что литература в Германии не сформирована, что ей надо делать заимствования у Франции. А во Франции перед революцией уверяли, что традиции и литературу Франция должна заимствовать у Англии. Что поразительно: они все говорят одно и то же, почти дословно... То есть это всемирный феномен.

Но эти наблюдения мало кого заинтересовали. Всех взволновало и возмутило только одно — указание на то, кто именно в России исполнил роль «малого народа». То есть обсуждение роли евреев в русской истории вообще и особенно в русской революции. Было ощущение, что никто дальше этого места просто не дочитал.

То же ощущение вызывали и отзывы на «Трехтысячелетнюю загадку», написанную примерно тогда же. Я ее написал в качестве исторического приложения к «Русофобии», но оно оказалось куда больше самой работы. «Загадка» в полном объеме была издана лет семь назад — мне не хотелось загружать самиздатовские каналы.

— *Я видел «Загадку» в одном крупном книжном магазине на той же полке, на которой стояли тома Галмуда и справочник «Тысяча великих евреев»...*

— Ну, это вполне сознательное провозглашение читательского интереса, причем всех сегментов. Тот, кто по-

купает тома Талмуда, наверное, купит и книжку, считающуюся «антисемитской», чтобы подогреть свои национальные чувства. А другие заинтересуются как раз Талмудом — потому что книжка мобилизует интерес читателей, вызывает ощущение опасности этих книг. Это просто маркетинговый ход.

— *Но это сейчас — маркетинг, покупатели. А вот когда Ваша работа начала ходить по рукам...*

— Тогда сложилась очень драматическая ситуация.

Работа была написана, и надо было ее распространять. Самиздат задышался и загнивал, так что я смотрел на перспективы пессимистически и думал, что это никого не заинтересует.

Тем не менее мы с тремя друзьями решили, что один из нас позаботится о том, чтобы напечатать текст крупным шрифтом, а другой напечатает их на фотобумаге, сделает шестьдесят копий и разошлет их.

Время шло, но тут приятель, отвечающий за крупный шрифт, назвал фамилию человека, который все будет печатать. Это оказался сотрудник с кафедры моей жены. Для меня это было очень важным: пусть бы уволили меня, но моя жена... Однако оказалось, что человек тянет с отдачей текста. Мы очень беспокоились, но выяснилось, что он просто был занят, потому что в первую очередь печатал порнографию, которая приносила ему больше денег.

В конце концов все устроилось. Копии были разосланы в основном в провинциальные города — потому что Москва тогда считалась уже безнадежной.

Я смотрел на это пессимистично, думал, что это все сразу перекроют. А потом я однажды прихожу ко Льву Николаевичу Гумилеву — и он начинает меня поздравлять. И он, и его жена. Я думаю — что это такое, за что? А как оказалось, они получили экземпляр этой работы, текст пошел. А потом мне

рассказывала вдова поэта Андреева, что ей этот текст кто-то привез.

В общем, интерес в обществе возник, и началась полемика. Где об этой книге только не писали! Даже американский журнал для ученых «Science». Представьте себе, президент американской Академии написал, что у них был ученый, который утверждал, что негры менее способны к абстрактным наукам, чем белые, но это, дескать, была теория, а Шафаревич ломал судьбы молодых еврейских математиков, не давая им ходу! Я слушал передачу по радио «Свобода», на которую они пригласили моих уехавших еврейских учеников и спрашивали, помнят ли они о таких примерах. И они сказали, что, — увы! — не могут припомнить ни одного подобного случая. Они могли соврать, но мои ученики — порядочные люди.

А книгу «Русофобия, десять лет спустя» я выпустил уже после перестройки. На редколлегии журнала «Наш современник» мне предложили проанализировать отзывы на «Русофобию», и я этим занялся.

— *Кстати, насколько я помню, первая легальная публикация «Русофобии» тоже была в «Нашем современнике»?*

— Да. При этом в публикации был выпущен «тот самый» кусок — про роль евреев. Я был не против: мне хотелось, чтобы наконец был прочитан основной текст.

— *Вы писали свои работы не в самое подходящее для этого время. Как отреагировала власть на появление Ваших текстов в самиздате?*

— Предсказуемо. За нее меня уволили из университета, жену отстранили от преподавания в Инженерно-физическом. Даже моего сына не приняли на физфак МГУ, хотя в приемной комиссии и был сочувствующий человек. Тогда отдельные студенты выделялись в специальную группу — чтобы их заваливать на экзаменах. Мой сын

оказался в такой группе. Сочувствующий мне потом сказал — ничего не мог сделать, может, спросить на соседнем факультете (его отец там долгое время был преподавателем). Тогда ответили, что да, мы справлялись, и нам сказали, что Шафаревич — «сахаровский».

— *Но ведь сочувствующие были? Почему русские националисты в то время не пытались объединиться? Были попытки?*

— Как сказать... Сейчас много говорят и пишут о какой-то «русской партии». Ее не было. Что было — так это определенная трансформация общественного мнения под влиянием отдельных людей. В основном они концентрировались вокруг Общества охраны исторических памятников: это позволяло на легальных основаниях интересоваться русской историей и культурой.

Среди таких людей я могу назвать Олега Васильевича Волкова (он сидел лет тридцать), Вадима Валерьяновича Кожина. Я познакомился с этими людьми не тогда, а несколько лет спустя, уже после перестройки.

— *Как реагировала власть на деятельность Общества?*

— Оно вызывало пристальный интерес КГБ, но вообще-то обе стороны друг к другу относились с подозрительностью. На мой взгляд — чрезмерной, так как никакой реальной опасности для власти оно не представляло. Тем не менее, власть чего-то боялась.

Сейчас известен один документ на эту тему — письмо Андропова в Политбюро, которое было напечатано в журнале «Источник». Андропов говорит там о неких опасных «русистах», которые появились на месте разгромленных правозащитников. Тогда и началась охота за людьми «русского направления». Так, в 1982-м был арестован Л.И. Бородин. Кстати, когда следствие уже завершалось, то ему сказали: «Ваша судьба решена. Хотите

знать, кто будет следующим? Шафаревич». Он рассказал об этом адвокату, тот жене, жена — мне.

Тем не менее до меня дело не дошло: через несколько лет началась перестройка. В 1988 Бородина освободили.

Гласность дала возможность доводить свои мысли до широкой аудитории. Причем тогда была аудитория, готовая действительно слушать. На базе этого пошли попытки создания различных патриотических организаций. Но реального патриотического движения, имеющего настоящее влияние, создано так и не было.

— *Почему?*

— Это очень важный факт, который не обсуждается, хотя и лежит на поверхности.

Среди организаторов этих политико-патриотических движений (со многими я был близок, мне было важно поддерживать каждое патриотическое начинание) многие жаловались, что причина неудач — интриги КГБ, боящегося каждого самостоятельного движения. Но прошло двадцать лет, а влиятельное патриотическое движение так и не появилось. Так что у этой ситуации совсем иное объяснение.

На мой взгляд, проблема в том, что все тогдашние воззвания, которые подписывали разные писатели и ученые, равно как и предполагаемые движения, создававшиеся примерно такими же людьми, предлагали новые формы протеста, звали к насильственному изменению ситуации, а народ ждал совсем не того и реагировал не так, как ожидалось. Причина заключалась в том, что интеллигенция осуществляла составление всех этих воззваний (это ее задача — осмысливать смутные чаяния, которые возникают в народе), но она говорила с народом на разных языках, они друг друга не понимали и не слышали. Народ был сам по себе, а интеллигенция сама по себе. Пока интеллигенты сочиняли свои воззвания, звали народ на митинги протеста,

бороться за свои права, народ искал правду другими способами. Как правило, безуспешно.

— *Например?*

— Ну например, имело место очень странное явление — голодовки. У нас люди не знали, как и когда эти голодовки объявлять, чтобы добиться результатов. Я слышал тогда по радио выступления английских докеров: те четко объясняли, когда им выгодно голодать, когда их акция протеста может помешать разгрузке угля, работе порта. А наши люди понимали смысл этих акций совершенно иначе — как попытку устыдить власть, вызвать жалость и так далее. Хотя можно — и, наверное, нужно — было использовать именно методы давлений: перекрыть Сибирскую магистраль, или сделать что-то другое, что задевало бы не чувства, а интересы. Что-то и пытались делать, но ничего не выходило.

— *Способна ли нынешняя власть отстаивать интересы русского народа? И какова сегодня роль русской интеллигенции?*

— У каждого народа, способного играть историческую роль (а русские к такому народу безусловно относятся), есть два типа отношения к управляющей им власти.

Первое — народ считает власть своей, понимает, что власть защищает страну. Тогда он демонстрирует те свойства, которые Лев Николаевич Гумилев называл «пассионарностью». Второе — когда народ не считает какую-либо из существующих властей своей, защищающей его интересы. Подобную ситуацию Пушкин охарактеризовал четкой формулировкой «Народ безмолвствует». Ясно, что сейчас мы находимся именно в этой ситуации.

Наши вожди играют и ведут себя так, будто они — коренные православные. Целуют ручку Патриарху и все такое прочее. Но никто из них ни разу не сказал вслух, что он православный.

— *Путин и Ельцин говорили.*

— Но их народ ведь так и назвал — «подсвечники». И их, и тех, кто держал свечку в правой руке, чтобы не перекреститься лишний раз.

Путин об этом говорил, что он не такой уж убежденный православный, что он верует в прогресс и единство человечества. В то время как истинный православный верует в то, о чем говорится в Символе Веры.

Точно так же они не называют себя русскими. И, судя по всему, частью русского народа себя не считают.

То же самое я могу сказать и о представителях «четвертой власти» — СМИ. То, что они вбивают в головы читателей и зрителей, — типичная русофобия, основанная на двойных стандартах. Если обижают таджикскую девочку — то это сразу ужас и «русские фашисты», а если убивают или насилуют русскую — то это упоминается как-то очень вскользь, если вообще упоминается.

В общем, сейчас я вижу Россию примерно в том же смутном состоянии, как во времена Орды, до Ивана Калиты. Власть, полностью чуждая народу, и народ, не способный ни признать эту власть своей, ни противостоять ей.

В таком случае интеллигенции остается только одно: ждать, когда появится какая-то сила, которую народ признает своей, либо влиять на власть, чтобы она такой силой становилась.

— *Хорошо. Но чего нужно требовать от власти уже сейчас?*

— Ну например, я пропагандирую идею — надо объединить усилия, чтобы вернуть национальности юридический характер. Пусть будет возвращено хоть какое-то понятие национальности, а уже потом пусть требует, чтобы ее определили по родителям, происхождению и т.д. Я писал специальную статью для журнала «Москва», в которой специально пропагандирую этот тезис.

— *Есть ли исторические перспективы у русского народа в целом?*

— Я думаю, что есть. Россия удачно противостояла западной цивилизации, которая при этом очень скверно относилась к русским. Ведь есть даже специальные собрания негативных суждений о русских и России, созданные в XVI–XVIII вв. Они пишут невероятные вещи. Например о том, что на фоне Европы русские женщины невероятно развратны, а мужчины склонны к противоестественным порокам. Западные русофобы писали это все из-за того, что у русских совсем другое мнение об отношении человека к природе. Русские ее не покоряют, а для Запада типично именно покорение.

— *Что значит «покорение»? Чем это отличается от других подходов?*

— Ответ на этот вопрос (точнее, одну из гипотез) можно найти в книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», а потом об этом же писал целый ряд других авторов, таких, например, как князь Трубецкой.

Суть теории в том, что история не является прямолинейным процессом, как думали в эпоху Просвещения, а состоит из взаимодействия разных цивилизаций (греко-римская, античная и т.д.). Начиная с XV века мир столкнулся с очень агрессивной цивилизацией, которая составителями этого направления называется «западной». Она стремится подчинить себе весь мир. Этот процесс подчинения сперва назывался «европеизацией», а потом перешел в США и сейчас он называется «глобализацией». Ныне он близок к завершению. Эта цивилизация захватила Индию, Америку, превратила их в свои колонии и, как мне кажется, в мыслях у нее было подчинить себе и Россию, которая обладает богатствами, чье значение со временем все увеличивается и становится все более явным. Этого у цивилизации не получилось, хотя процесс затянулся на несколько столетий.

Завоевания Индии или Китая тоже не произошло.

У меня есть несколько работ на эту тему (их содержание я опущу), в них я излагал свои гипотезы. Мне кажется, что тот процесс, который был в России в 1991–93 годах, это был в чистом виде успех европейской цивилизации, ее триумф. Ей удалось подчинить себе Россию с помощью вливания зарубежного капитала. Парадокс заключается в том, что сам Запад сейчас находится в состоянии упадка. К этому состоянию рано или поздно приходит абсолютно любая цивилизация. Я об этом много писал в своих работах, которые публиковались в последние десять лет.

Происходящий в настоящий момент всемирный экономический кризис является прямым подтверждением этой гипотезы.

Другим подтверждением можно считать вымирание и сокращение численности народов, покоренных западной цивилизацией.

На мой взгляд, любая цивилизация создается на базе народа или группы, близкой к народу, имеющей некий жизненный идеал. Представить себе жизненный идеал западной цивилизации можно, если при этом исходить из истории науки. Это ведь не локальное явление — век научного прогресса.

На меня очень большое впечатление произвела книга «Особенности русского национального характера», ее автор Касьянова (это псевдоним — настоящее имя Валентина Чеснокова.) К сожалению, это очень малоизвестная книга. Так вот, в ней высказана мысль о том, что каждое общество должно иметь свой, отличный от других, принцип, идеологию, метод взаимоотношения между человеком и Космосом.

Касьянова утверждает, что принципиальных точек зрения по сути две. Это либо беспрекословное подчинение Космосу, природе, либо взаимосуществование человека с природой. С этой точки зрения идеология западных цивилизаций абсолютно ясна. Она

заключается в том, что человек обязан *подчинить* себе природу. Я сделал аналогичный вывод, опираясь на более близкую мне историю западной науки, Касьянова сделала свои выводы по иным признакам.

Наука в современном понимании этого определения, начала формироваться в XVI веке, была основана на трудах Галилея, Ньютона, Декарта и т.д. Ее основоположником можно назвать Френсиса Бэкона, который сформулировал ряд принципов, на которых наука основывается и развивается до сих пор. К примеру, именно Бэкон сформулировал лозунг «Победить природу», который, насколько я помню, в эпоху моей молодости висел всюду, например в школе, где я учился. Это принцип господства над Космосом. Бэкон считал, что эксперимент — это пытка, с помощью которой человек заставляет природу выдать свои секреты. Современник Бэкона Галилей, который вряд ли знал о его существовании, утверждал, что эксперимент — это такая разновидность «испанского сапога», в которую человек должен зажать природу, чтобы она открыла ему свои тайны. Под тотальным влиянием Бэкона находились, к примеру, бэконцианцы. Ньютон, Гук, Галей, образовавшие лондонское королевское общество, продвигали те же самые идеи.

Тем же духом пронизана и западная

культура, западное искусство, — духом покорения природы и самопревознесения над ней.

— *Например?*

— Ну например, именно на Западе появился альпинизм. Причем первое в истории восхождение на горную вершину совершил не кто-нибудь, а Петрарка. Так что Петрарка — духовный отец альпинизма. Мне это было интересно, поскольку я сам альпинист.

— *Хорошо, но что же у русских?*

— У русских существует иная идеология, иной принцип взаимоотношения человека и Космоса (естественно, не только у русских, но и у иных народов, но мы сейчас говорим о русских). Суть их философии в том, что главное отличительное свойство народа — «уживчивость». Например, способность уживаться рядом с другими народами. Но ведь этот термин можно понимать куда более широко: как уживчивость со всей природой и со всем Космосом.

— *Последний вопрос. О чем Вы думали прежде всего, когда писали свои труды? Что было Вашей движущей пружиной?*

— Я всю жизнь, сколько себя помню, думал о судьбе русского народа, которая, как мне представляется, связана с судьбой всего человечества.

Дмитрий Крылов

Азбука этнопсихологии

Темы национального сознания и межнациональных отношений в России привлекают с каждым годом все больше внимания. Это неудивительно, учитывая обилие проблем в этой области, связанных прежде всего с бесправием русских. Эти темы стали политическими, что и понятно: среди русских на сегодня есть немалое число национально мыслящих людей, вдохновляемых одной простой мыслью — защитить свой народ от геноцида и вернуть ему чувство достоинства и права. Немало и тех, кто всеми силами противостоит этому освободительному движению.

В этой борьбе можно принять одну из сторон, можно попытаться сохранить нейтралитет. Во всех этих позициях, представленных в современной России, есть одно общее: они целиком находятся в плоскости политики, со всеми вытекающими из этого последствиями. Логика политической борьбы, равно как и ухода от нее, диктует правоту победившего и сводит аргументы разума к минимуму. Возможно, поэтому в нашем понимании национальности и связанного с ней круга тем царят не самые строгие понятия, связь которых между собой никак не обретет черты законченной и строгой системы. Наверное, многим кажется, что научный подход и вовсе невозможен в национальных вопросах. Однако это не так.

Целью серии публикаций, которую открывает эта статья, выступает введение новых научных понятий в области этнопсихологии. Эти понятия образуют систему, в рамках которой находятся объяснения многим особенностям русской национальной идентичности. Среди этих понятий есть два особенно важных: автономные и гетерономные

этносы. В двух словах, автономные этносы — это те, которые действуют в своих и только в своих интересах, а гетерономные — те, которые служат чужим интересам. Появляясь на исторической сцене, любой народ автономен. Он действует лишь в своих интересах, и все его идеалы и представления связаны с процветанием и господством лишь своего народа. Со временем эти представления видоизменяются. Траектория их развития зависит от исторических событий и влияний, которым он подвергается в контактах с другими автономными этносами. На сегодняшний день русскими в значительной степени утрачена автономность, а с ней и способность выступать субъектом исторического времени, ведь для этого необходимо осознавать свои интересы и активно действовать для их достижения. Гетерономичность русских сегодня — это (в том числе) устоявшийся комплекс представлений о себе и о других народах, который вошел в русскую культуру и воспроизводится в каждом новом поколении. В большей мере он, а не физическое или информационное насилие, позволяет сохранять упомянутое бесправие русских.

Решать проблемы этнического равноправия приходится в борьбе, однако основами для успеха в этой борьбе непременно должны быть ясные и определенные понятия о ее предмете. В этом цикле статей предпринята попытка создать и обсудить как раз такие понятия.

Введение в этническую идентичность

«Идентичность» на западных языках буквально означает тождествен-

ность. Как часто бывает с новыми предметами исследований, на нее обратили внимание и начали изучать как отдельное явление, когда столкнулись с ее нарушениями, в частности — у людей с расстройствами психики и шире — у народов, попавших под воздействие разрушительных идеологий. Это во многом определило круг людей, причастных к изучению идентичности: ею занялись психологи, психиатры и, позднее, социологи. Американский психолог фрейдистского толка Эрик Эриксон, которого считают одним из пионеров в этой области, посвятил описанию идентичности несколько книг и ввел теорию развития идентичности по мере взросления человека. Литература на тему идентичности огромна, но почти вся она носит на себе то же влияние фрейдизма, характерного для Эриксона.

Для психолога и социолога этническая идентичность — лишь одна из нескольких, которые он делает объектом своего исследования. Наравне с этнической, он рассматривает гендерную, профессиональную, гражданскую, религиозную и другие. При этом теряется из виду тот факт, что это *разные по своей сути* идентичности, причем отличают их друг от друга не только место и значение в жизни человека в разные ее периоды, но и масштабы явления, и, что самое существенное, его внутренняя логика. Это тождественности по отношению к совершенно разным явлениям. Этническая идентичность может проявлять себя через те же психологические механизмы, что и, допустим, профессиональная, однако по своему происхождению и внутреннему содержанию она *совершенно особое явление*. Получается, что большинству психологов и социологов видна, в случае этнической идентичности, только часть предмета, а именно ее проявления в психике и общественных отношениях, причем эти проявления предстают схожими с проявлениями других типов идентичности: в темно-

те все кошки серы. Включим свет. Исследователи этнической идентичности наблюдают психологические, социальные и исторические явления, в то время как этническая идентичность всего лишь оказывает на все эти — и многие другие — области значительное влияние. Споры нет, по этому влиянию о многом можно вынести правильные суждения, и более того — психологам именно это и удалось. Их труд, без сомнения, достоин всяческого уважения. Но это не отменяет факта того, что они имеют дело только с тенями, в то время как само явление лежит за плоскостью проекции, которую они наблюдают. Желающему заглянуть за эту плоскость необходимо подготовиться.

Для этого мне понадобится отступление в эволюционную теорию, и в частности в дарвинизм. Не от особой любви к нему, а по историческим причинам. Дело в том, что одной из неразрешенных загадок дарвинизма долгое время оставался альтруизм. В рамки теории Мальтуса–Уоллеса–Дарвина не умещались несколько явлений, несколько часто встречающихся в биологии, настолько же и необъяснимых с точки зрения борьбы особей за существование. Вот примеры: жертва собственной жизнью ради идеалов, перераспределение ресурсов в пользу тех, кто не может их сам добывать, огромные ресурсы, уделяемые на воспитание потомства, — ни в чем этом преимуществ для индивида усмотреть нельзя. Человеку непредвзятому это говорило об одном: теория попросту неверна в своих основных посылах; однако все дело было в том, что дарвинисты — люди крайние, можно сказать, фанатически предвзятые. Теория естественного отбора на Западе и особенно в англосаксонском мире представляется собой нечто вроде религии. Критики между тем то и дело запускали пальцы в строгие покровы дарвинизма и оставляли в них все более и более заметные прорехи. Надо было что-то делать. И вот в XX веке появляются на свет нит-

ки и заплата под названием «теория группового отбора». Ее автором принято считать Уильяма Д.Хамильтона, однако история ее возникновения началась гораздо раньше появления его математических моделей. Отдавая должное Дарвину, нужно заметить, что он задавался подобными вопросами и в общем пришел к простой и верной мысли: отбор действует не на уровне отдельных особей, а на уровне родственных групп. К этому его подтолкнули наблюдения за социальными насекомыми. Известно, например, что у муравьев, пчел и термитов есть касты работников, не оставляющие потомства. Отбор на уровне индивидуумов не мог привести к возникновению таких каст. Это прекрасно понимал Дарвин: стерильные работники не передавали свои гены следующим поколениям и, следовательно, заведомо предназначались природой к полному поражению в конкурентной борьбе. Вместе с этим поражением рабочих каст рушилась и теория Дарвина. В социальных насекомых он, по его собственным словам, столкнулся с «одной особенной сложностью, которая сначала показалась мне непреодолимой и на деле разрушительной для всей моей теории». Тут нужно заметить, что все эти разговоры о «жучках и букашках» на самом деле всегда имели и имеют для англосакса глубокий подтекст, смысл которого не всегда ясен для стороннего наблюдателя. Речь в подобных теориях идет не только о природе, но и об устройстве общества, а именно о том, что в нем следует считать справедливым и должным. Так вот, касты рабочих насекомых в английском обществе имели прямое соответствие среди людей. Это всем заинтересованным было понятно, но об этом принято было по-английски умалчивать.

Вернемся к Дарвину. Он вышел из затруднения, предположив, что касты работников трудятся и жертвуют собой на благо своих родственников и что, таким образом, отбор действу-

ет на уровне родственных групп, а не особей в этом конкретном случае. Дальше этого он не пошел, продолжая утверждать, что центральное место в эволюции занимает отбор на уровне особей, хотя для человека он также делал исключения. Оставим его с этими заблуждениями и проследим кратко дальнейшую историю важной для нас идеи группового и родственного отбора. Ее численное обоснование предложили независимо два основателя популяционной генетики: Джон Холдейн и Сиуолл Райт. Их выкладки доказывали, что ген, понижающий приспособленность данного конкретного носителя, может, тем не менее, быть отобран и зафиксирован эволюцией, если он при этом повышает приспособленность группы близкородственных особей. Что примечательно, Холдейн обчислял частоты такого гена в *небольших группах*. Райт пришел к сходным выводам, пользуясь так называемой «островной моделью», в которой рассматриваются разграниченные популяции, между которыми идет ограниченный генетический обмен. Эти модели имеют для нас огромное значение, потому что данные антропологии говорят о том, что большая часть истории человека как вида прошла именно в небольших группах с ограниченным генетическим обменом. С трамплина популяционной генетики в социобиологию и совершил прыжок Хамильтон, чьей заслугой принято считать понятие *общей приспособленности* (inclusive fitness), то есть приспособленности, которая включает в себя воздействие на другие особи, и *численное условие*, при котором возможен эволюционный отбор альтруизма.

Другой поток мысли, влившийся в теорию группового отбора, имел свои истоки в экологии. Финн Калела исходил из того, что ограничение в воспроизводстве имеет непосредственное отношение к стратегии популяции не перерасходовать природные ресурсы, от которых она зависит. Таким об-

разом, и у экологов появилась нужда ввести родственный отбор на уровне групп, чтобы объяснить факты, с которыми они сталкивались. Среди других авторов, так или иначе развивавших идею группового отбора, — основатель социобиологии Уилсон, крупнейший генетик человека Кавалли-Сфорца (1971), Джей Мейнард Смит, предложивший термин *родственного отбора* в 1964 году, Докинз, выдвинувший теорию отбора генов как таковых и другие.

Дарвинисты вышли из затруднения: единицей отбора отныне можно было считать не только индивида, но и группу. Таким образом в эволюционной теории появилась еще одна область, и с ее помощью стало возможно объяснить альтруизм. Жертва собственной жизнью, в частности, может совершаться потому, что улучшает шансы группы на успех. Все дело тут в том, что группа в данном случае — это родственные особи, или, как сказали бы биологи, генетически близкие. Дарвинисты спасли лицо, их «религия» отстояла свои основные постулаты, пожертвовав не слишком существенным, но для нас главное здесь вовсе не в этом. Благодаря этим теориям в рамках дарвинизма этническая идентичность вдруг явилась внимательным наблюдателям в своем истинном виде. Для тех, кто понимает (а некоторые из биологов тогда же поняли, с чем имеют дело), этот вид был ошеломляющим. Войны с миллионами истребленных, глубочайшие человеческие переживания, утеря и обретение смысла жизни целыми народами — все это оказалось возможным объяснить и во всем разобраться с *научной точностью*. Эта возможность появилась благодаря тому, что психологию взаимодействия этносов теперь можно было объяснять как один из процессов *биологической эволюции*. Может показаться, велика невидаль: с этого, собственно и начинал Мальтус, а на уровне фольклорных и религиозных традиций это было когда-то записано у всех народов. С одной стороны,

это так, но с другой — стоило сделать полный круг, чтобы, накопив методы и понятия биологии, психологии и социологии, прийти к тому, что все они теперь могут быть использованы, чтобы понять человека так, как никогда до этого никто не был в состоянии понять. Более того, к тому времени в игру включилась этология, молодая наука, занятая поведением животных. Она появилась на свет только в XX веке, но росла не по дням, а по часам и успела к 60-м годам продвинуться так далеко, что вплотную подошла к тайнам человеческого поведения, которые, как оказалось, легче понять, изучая их эволюционные начала у животных. Основатель этологии Конрад Лоренц поставил ряд вопросов, ставивших дарвинистов в тупик. Кроме альтруизма, они включали в себя внутривидовую агрессию, зафиксированную не только у человека, но и у всех изученных социальных животных. В биологии происходил невиданный в XX веке подъем, вызванный тем, что синтез нескольких дисциплин открывал новые возможности одну за другой.

Эти дисциплины имеют самое непосредственное отношение к интересующей нас этнической идентичности в силу того, что ее психологические механизмы, о которых в основном и пойдет речь, возникли и существуют как воплощение сил куда более глубоких. На самом деле сейчас нам понятна только часть этих сил и их взаимосвязей с психологией человека, но и этого достаточно, чтобы говорить о том, что в случае этнической идентичности мы имеем дело с теми же силами, что лежат в основе эволюции всего живого, естественно, исключительно применительно к человеку, но по сути — теми же самыми, что и для всего живого мира.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Этническая идентичность — это связь индивида и биологического вида, которому он принадлежит.

Почему связь именно с видом, а не с частью вида? Ведь этническая идентичность распространяется только на свой народ. Дело в том, что **межвидовая борьба** у человека, давно превзошедшего всех естественных врагов в борьбе за существование, **приняла формы борьбы между этносами**, которые, таким образом, не часть «единого человечества», а в общем случае — конкурирующие друг с другом проекты того, как это единое человечество должно выглядеть. К этому, в частности, пришел Эрик Эриксон, изучавший идентичность с точки зрения психологии. Такой вывод может не понравиться, но с фактами ничего не поделаешь: конкуренция между этносами полностью соответствует межвидовой борьбе по методам ее ведения и конечным целям. Простая проверка: только на исторической памяти одни этносы полностью уничтожали другие множество раз, а пытались это сделать — всегда и везде. Так о чем это говорит: о «едином человечестве» или о борьбе разных видов за выживание? Питирим Сорокин проанализировал 11 европейских стран на историческую глубину от 275 лет до 1025 и пришел к заключению, что они вели военные действия 47% всего времени. То есть примерно половина европейской истории — это история войн. Можно привести и более строгое доказательство того, что разные этносы в общем случае относятся друг к другу как к иному биологическому виду. Вспомним, применительно к нашим целям, определение вида, которое в ходу в современной биологии. Его можно сформулировать так: **вид представляет собой группу особей, способных к скрещиванию и дающих потомство, способное плодиться**. Это определение практически совпадает с тем, что впервые дал виду Джон Рей (John Ray, 1627–1705). К этому определению иногда добавляют условие: **размножение должно происходить в естественных условиях**. Львы (*Panthera leo*) и тигры (*Panthera tigris*), несмотря

на их внешнее различие, очень близкие виды. В естественных условиях они не скрещиваются, но в зоопарках их оказывается возможным скрестить, получив гибрид «тиглон». Тем не менее львы и тигры — разные виды, что можно доказать генетически. Теперь вспомним, что происходит, когда этносы живут в тесном контакте. Казалось бы, со временем должно происходить смешение, границы между этносами должны постепенно размываться и в конечном счете и вовсе исчезнуть. Это если разные этносы на деле представляют собой один и тот же вид, согласно его биологическому определению. На деле этого не происходит: процент смешанных браков между ирландцами и англичанами в Ольстере еще недавно был практически нулевой, несмотря на то, что это два народа, давно живших в одном государстве и тесно соседствующих друг с другом. До 60-х годов в Америке практически не было смешанных браков между черными и белыми, и это несмотря на то, что и черные и белые американцы, каждая в отдельности, представляют собой смесь многих разных народов и живут не менее двух веков бок о бок. Более близкие для нас примеры: русские в Риге составляют до половины населения, город говорит по-русски, и тем не менее смешанных браков гораздо меньше, чем половина, как должно было быть, если бы разные народы на деле представляли собой один и тот же вид *в строгих научных терминах*. То же во всех других бывших республиках СССР: ни с казахами, ни с грузинами, ни с кем-либо другим не было и близко такого процента смешанных браков, какой следовало бы ожидать при столь тесном контакте и свободном скрещивании в пределах одного вида. Очевидно, что культурные, религиозные, языковые, экономические, политические и прочие различия между этносами целиком или отчасти делают смешанные браки нежелательными, далеко неочевидны биологические

последствия запрета на смешанные браки, который основывается на этих различиях. Сила этого запрета может доходить практически до абсолютной, как в случае англо-ирландских отношений, или же значительно смягчаться, как заметно на непропорционально высоком проценте браков между русскими женщинами и иностранцами в 90-е годы. К последнему можно добавить ту легкость, с какой Российское государство отдает сирот на усыновление за границу, то есть фактически на верное превращение рожденных в России детей в иностранцев. Оба этих недавних явления говорят о серьезном кризисе национальной идентичности в постперестроечной России и о *de facto* отсутствующем этническом чувстве у многих русских.

Теперь нужно рассмотреть те смешанные браки, которые все же наблюдаются. В общем случае (то есть при том условии, когда народ здоров) таких немного, но они есть. Что это означает? Следует ли, например, считать такие браки подобием скрещивания льва и тигра в неволе или лошади и осла? В биологическом смысле, конечно, нет. Ко всему сказанному выше нужно сделать одну серьезную оговорку: этносы взаимодействуют *как если бы* они были разными биологическими видами. На деле, конечно, все люди составляют один биологический вид, и разделение на псевдовиды — это *исключительно культурное явление*. Каким может быть его биологическое значение? Во-первых, это может означать, что человечество находится *в процессе разделения на разные виды*. В длительной перспективе эти разделения приведут к такому расхождению генотипов, что разные этносы утратят способность давать совместное потомство. Ничего нового с точки зрения биологии в этом нет: например, существуют два близкородственных вида чаек, которые внешне не способны отличить собственный вид от другого. Они охотно начинают исполнять брачный танец с партнером

другого вида, но никогда не заканчивают его. Граница между видами у этих чаек проходит по ритуалу брачного танца: у одного вида отдельные па этого танца составлены в иной последовательности, чем у другого. Этого оказывается достаточно, чтобы партнеры разошлись. Во-вторых, может оказаться, что такое разделение на псевдовиды вытекает из культуры как таковой, а еще точнее — из ее эволюции. Оно, в частности, может означать, что четкие границы между этносами, постоянная борьба между ними и несовместимость представлений разных народов о том, как должен быть устроен мир, — это *необходимое условие культурного прогресса человека*. Эти две точки зрения, конечно, не более чем гипотезы, причем не взаимоисключающие и не единственно возможные. Более подробное их рассмотрение увлекло бы далеко за рамки интересующей нас темы. Достаточно помнить, что те разделения между народами, которые даны каждому в ощущение, не случайны, и что они имеют глубокое биологическое и культурное значение, отмахиваться от которого значило бы не понимать природу.

Основы понятия этнической идентичности

В обращении на сегодняшний день оказалось несколько способов определять этническую идентичность. Они отличаются тем, что именно они закладываются в основу самого понятия, превращая тем самым способы судить о национальной идентичности в ее переопределение. Сама возможность так вольно обращаться с предметом говорит о том, что понятие это размыто и его смысл утерян или изначально не ясен большинству людей. Чаще других говорят вот о каких способах: о территориальном и смыкающемся с ним гражданским, о языковом, о культурном, о вере и о самоопределении. Испробуем все эти способы на прочность. Если удастся свести их к противоре-

чению, они не подходят вовсе или имеют ограниченную сферу применения. Чтобы испытание имело отношение к реальным проблемам русской идентичности, попытаемся отстроиться от народов, живущих с русскими в тесном контакте со времени Союза или раньше. Первый способ определять идентичность можно сформулировать так: «Русский — это тот, кто родился на территории России и имеет российское гражданство». На современной территории России проживает около 180 народов, кроме русского. Все они имеют российское гражданство. Поскольку русскими их всех считать было бы абсурдно, этот способ приходится отбросить, как совершенно непригодный, с той оговоркой, что были времена, правда давние, когда он работал не так уж плохо: на территории славянских племен проживали, как правило, только эти племена. Тогда территория принадлежала исключительно одному племени.

Следующий способ: «Тот, для кого русский язык родной, есть русский». Проблема та же, что и с первым способом. Для многих народов на территории современной России русский язык родной, наряду с их собственным. Они говорят на русском от рождения и владеют им если не всегда так хорошо, как сами русские, то во всяком случае в такой мере, что размежеваться с ними на почве языка трудно или невозможно. Вспоминая тут экзамен на гражданство, включавший проверку языка, который устроили русским, родившимся в Латвии, нелишне отметить, что этот экзамен оказались не в состоянии пройти некоторые латыши. Он, таким образом, был всего лишь предлогом, чтобы исключить русских из общественной жизни и создать легальный фасад фактическому поражению в правах около половины населения страны. Латыши на самом деле прекрасно понимали, что дело не в языке: сами они, чтобы получить гражданство в новой Латвии, никаких экзаменов не сдавали.

Ситуация осложняется еще и тем, что в России живут народы, полностью или частично утратившие свой язык и говорящие теперь только на русском. Эти уже совершенно ничем не отличаются от русских во владении языком. Так случилось в том числе в силу того, что именно русские впервые предоставили этим народам возможность получить образование и войти в современный индустриальный и постиндустриальный мир. Однако народ и этническое чувство не обязательно исчезают с утерей языка: образованные казахи преспокойно говорят между собой по-русски, но не перестают быть казахами. Современная казахская правящая элита говорит между собой по-русски, но к власти допускает только казахов. Торговые народы вообще не имеют какого-либо своего языка, и тем не менее их сплоченность гораздо сильнее сплоченности многих других народов. Общий вывод таков: язык не годится для определения этнической принадлежности.

Способ определять этничность по культуре наиболее размытый. Его можно сформулировать так: «Владеющий в полной мере русской культурой человек и есть русский». Тут неизменно встают вопросы о том, что считать русской культурой и как оценивать владение ей. Оставив в стороне эти споры, представим себе американского слависта, который цитирует наизусть Пушкина, ходит в косоворотке, пьет квас из бочки и вдобавок устроил себе жизнь по Домострою в калифорнийском университетском городишке. Замечу по ходу, что такой человек может владеть русской культурой в смысле познаний в ней, но он вряд ли способен *создавать* русскую культуру. Этот пример опровергает тезис о том, что о русскости можно судить по владению русской культурой: этот же славист при всей любви к России встанет на сторону Америки в случае конфликта интересов между двумя странами, и уже хотя бы поэтому русским его счи-

тать — себе во вред. То же касается интеллигенции из бывших республик СССР, осевшей в России. Эти люди получили русское образование и владеют русской культурой не хуже многих русских, однако последние годы раз за разом подтверждали, что они гораздо теснее связаны со своим народом, чем с русскими, и последовательно выступают против русских, как только возникает конфликт интересов.

«Русский значит православный» или «православный значит русский». Ни то, ни другое с очевидностью неверно, если говорить о точном определении, а не о литературной метафоре, созданной с целью передать кризис идентичности образованного русского сословия во второй половине XIX века. Есть русские неправославные: например, большая часть русских в советское время и до принятия православия в X веке были неправославными. Если принимать этот способ за верный, придется считать, что русские — народ-призрак. То их нету, то они появляются, то опять исчезают лет на восемьдесят, а потом опять начинают постепенно выходить из небытия. Историческое русское название православия — «греческая вера», и помимо греков есть еще болгары, сербы, грузины и эфиопы-православные. Считать их всех русскими затруднительно.

Наконец, «русский — это тот, кто считает себя русским». С этим определением труднее всего спорить, потому что кем себя на самом деле считает человек, известно лишь ему самому, да и то не всегда и не с полной ясностью. Это определение вообще непригодно как определение, поскольку ясности оно лишь прибавляет неясности.

Кроме этих приходится встречать еще и другие, совершенно нелепые способы определять русских. Например, такой: «русские это все страдающие» или «все бедные». Последнее даже трансформировалось в современной России в программный лозунг бутафорных политиков, нанятых, что-

бы изображать «защиту русских интересов».

Итак, оказывается, что все расхожие способы определять этническую идентичность не подходят для нашей цели. Нужно оговориться, что они не ошибочны целиком: в каждом из них есть доля истины, но ни один из них — и даже их комбинация — не годны для точного определения. Для точного определения нужно нечто, что нельзя трактовать по своему усмотрению, нельзя подделать или подменить, что достаточно просто в понимании и определении. Такой способ есть, и он всем хорошо известен: «Русский — это тот, кто родился от русских родителей». Русские черты лица, русский характер, русский склад мышления, русский ум, русская одаренность суть давно и полностью сформировавшиеся явления, которые передаются десятками поколений одним и только одним способом: происхождением от русских родителей. Это то, что невозможно понимать произвольно, и подделке это не подлежит.

Более того, все эти явления имеют точное и недвусмысленное описание на языке науки. Этническая идентичность с точки зрения биологии означает прежде всего *наследственность*. Гены нельзя подменить, черты внешности, присущие народу, не подделать. Это и есть основа всякой этнической идентичности. Народ именно тогда и начинает ощущать себя народом, когда в нем закрепляются узнаваемые типы, отличающие его от всех других и служащие идеалом для него самого.

Что же представляют из себя русские в генетическом отношении? Во-первых, нужно сразу разобраться с разговорами о том, что «русские — это смешение финно-угорских и татаро-монгольских племен», что «русские — это не совсем европейцы», что «у русских сильная примесь монголоидной крови» и т.д. Все это *совершенная, ни на чем не основанная ложь*. Смахнем этот мусор со стола и обратимся к фак-

там, в особенности к тем, что собраны крупнейшими авторитетами в области генетики человека, например Кавалли-Сфорца, генетику человека насколько общепризнанному, настолько не имевшему никакого определенного отношения к русским и, следовательно, в полной мере объективному в этом вопросе. Для него русские были всего лишь предметом исследования, но данные, которые он получил, убедительнее многих словесных аргументов.

Бельгийцы, немцы, французы и голландцы генетически ближе к русским, чем чехи, а венгры и поляки в пять с лишним раз ближе, чем югославы. Финны в два раза дальше от русских, чем итальянцы, а о монголоидах и речи не идет: русские находятся очень близко к средне-европейскому генотипу, ближе чем, например, англичане или испанцы. Русские, таким образом, это один из самых чистых индоевропейских народов, совершенно белый по генетике, а учитывая огромную территорию, которую занимают русские, соприкасаясь с различными народами, следует предположить, что русские самый избирательный из всех крупных европейских народов в своих браках. Расстояние между русскими и финнами составляет 1 530 000 единицы, в то время как между русскими и голландцами оно равно 570 000, то есть примерно в три раза меньше. При этом русские и финские земли соприкасались в течение всего исторического периода, и кроме того, финны жили в составе русского государства и живут до сих пор, если учесть ингермаландцев в Ленинградской области. А вот русские и голландские земли никогда не имели общей границы и исторический контакт русских с голландцами минимален. Тем не менее голландцы ближе к русским, чем финны, почти в три раза. Это, равно как и близость к русским немцев и австрийцев, говорит о том, что русские генетически наследуют напрямую от индоевропейцев, бывших некогда одним племенем и заселивших Европу. С

тех пор русские сохранили первичный индоевропейский генотип, ни в коей мере не сблизившись даже с теми народами, с которыми находились в постоянном контакте. Из многих европейских народов именно русским удалось сохранить свой тип и свои гены лучше других, если учитывать исторические условия, заключающиеся в непрерывающейся агрессии с востока и запада и огромному количеству (180 только ныне живущих!) народов на русской земле. Следует особо подчеркнуть, что генетическое разнообразие в пределах русского этноса гораздо меньше генетического расстояния до любого другого этноса. Это, собственно, и позволило Кавалли-Сфорца и другим исследователям измерить эти расстояния: они сравнивали распределения широкого набора генов внутри этноса и между этносами. То же следует сказать и о большинстве других этносов: они также представляют собой четко различимые в генетическом отношении группы. Границы между генетически отличными группами, безотносительно их политической принадлежности, можно нанести на карту и увидеть, что они в подавляющем большинстве случаев совпадают с картами расселения народов, различающихся по языку и культуре, а в некоторых случаях и религии.

Это еще одно доказательство того, что этносы — это **именно и прежде всего генетически различные группы людей**. Вот что сообщают на эту тему авторы фундаментального исследования «Генофонд и геногеография народонаселения»:

«...Когда речь идет о генофондах... целых народов, историческая устойчивость генофондов возрастает многократно. Даже при небывалой интенсификации межэтнических взаимодействий во всем мире, в том числе и в нашей стране, этносы не утратили целостности. Взаимодействуя все более интенсивно в сфере общественной, политической, экономической, куль-

турной жизни, они сохраняют и даже укрепляют этническое самосознание. Вместе с ним сохраняется и упорядоченность межэтнического обмена генами, как об этом можно судить по отнюдь не увеличивающейся частоте межэтнических браков. Все это позволяет и в современных условиях говорить об этническом генофонде как об исторической реальности».

Есть и еще один важный фактор, позволивший русским сохранить себя лучше других. Если рассматривать русский генотип как набор генов или, как принято в популяционной генетике, частот аллелей¹, можно воспользоваться хорошо известной величиной, определяющей стабильность аллелей во времени. Это величина N_e , умноженная на m , где N_e — это эффективный размер популяции, а m — доля прибывающей миграции. Для нас важно N_e . Оно отражает число особей, находящихся в репродуктивном возрасте. В общем случае его принято считать примерно третью от общего числа особей, и во всяком случае оно тем больше, чем больше популяции — в нашем случае народ (это некоторое упрощение, потому что народ на самом деле составляет совокупность популяций, но для этого случая упрощение допустимое). Так вот, стабильность аллелей во времени тем выше, чем больше N_e . На практике это означает, что большой народ в генетическом отношении более стабилен, чем малый, и сохраняет, таким образом, свои уникальные черты надежнее и дольше. А русские всегда были большим народом. Это и объясняет, в частности, почему русские сохранили чистоту своих генов и свою особенность гораздо лучше других европейцев, не говоря уже о кочевых азиатских народах. Чтобы сделать генетическую картину реалистичной, нужно ввести еще

один уровень сложности. В большом народе действуют ограничения на браки между сословиями, и если они достаточно жесткие, то со временем они приведут к заметным генетическим отличиям между сословиями, как, например, и случилось в Индии, где темнота кожи соответствует кастовой принадлежности: чем ниже каста, тем более темная кожа, что означает скорее всего более существенную долю примеси автохтонного индийского населения к индоевропейскому генотипу.

В России, в противоположность Индии, таких резких различий между сословиями нет, что говорит о значительной динамичности русского общества на протяжении длительных периодов истории и существовании в нем социальных лифтов, позволявших сословиям обмениваться генами между собой. И тем не менее N_e в сословном обществе, конечно, меньше трети всего населения. Это становится существенным вот в какие моменты.

В популяционной генетике описан так называемый эффект бутылочного горлышка. Он сводится к тому, что популяция изменяется во времени по своей численности и в силу ряда внешних факторов может проходить через периоды, когда численность ее падает катастрофически. В эти периоды аллели с изначально низкими частотами могут и вовсе исчезнуть. Кроме того, такие периоды вносят в частоты аллелей значительный элемент случайности, что на практике приводит к нестабильности в сохранении собственного уникального типа. Примером такого бутылочного горлышка для человека могут служить голод, эпидемии, войны с большими жертвами и т.п. В эти периоды особенно важна общая численность народа. Если она велика, то даже при значительных процентных потерях и некоторым разделением на сословия народ сможет сохранить свой уникальный генотип, а если народ маленький, после такого «узкого места» он окажется уже не совсем тем, чем был до него.

¹ Аллели — это варианты одного и того же гена, отличающиеся друг от друга небольшими изменениями (мутациями). В любой популяции гены существуют как такие варианты.

Русские, таким образом, это сильный в отношении противостояния внешним воздействиям народ в силу своей большой численности. Возвращаясь к произведению N_m , определяющему стабильность генофонда, нужно сказать, что миграция (m) на русские территории была до последнего времени не столь высока в силу сурового климата контролируемой русскими территории, и, что еще важнее, те формы, которые она принимала, сводились зачастую к образованию этнических анклавов на русской земле, например на Волге — татарских или немецких, а в Ленинградской области — финских. Такая форма существования этнически чуждых миграционных притоков на русскую территорию говорит снова в пользу обособленности и самодостаточности, которые русские практиковали на значительном отрезке своей истории и от которых отказались лишь сравнительно недавно в масштабах исторического времени. И наконец следует сказать о том, что инородные гены, попадая в генофонд народа, не всегда и не при всех условиях изменяют его. Судьба чужих генов зависит от того, насколько хорошо они вписываются в общую структуру уже сложив-

шегося генетического ландшафта и от плодовитости их носителей. Чужеродные гены могут быть связаны с заболеваниями и физическими недостатками, и в таком случае их носители будут вымирать или вовсе не оставят потомства. Так, например, обстоит дело с геном В в системе полиморфизма групп крови АВ0. Этот ген наиболее часто встречается в Центральной Азии, и у европейцев он ассоциируется с осложнениями в заживлении ран. Другой ген В7, принадлежащий системе антигенов гистосовместимости HLA, ассоциирован с болезнями нервной системы, а его неравновесная ассоциация с другими генами у индоевропейцев возникла, как считается, в результате смешения индоевропейцев и доиндоевропейского населения Европы.

То же говорят и исследования фенотипа русских: он очень консервативен в сравнение с фенотипом западных европейцев и в большей степени соответствует индоевропейскому фенотипу (то есть чертам лица, в т.ч.). Объяснить это можно только одним способом: русские на протяжении всего более чем тысячелетнего существования не принимали в свою семью никого со стороны.

Предтеча и пророк русского НАЦИОНАЛИЗМА

К 150-летию Михаила Осиповича Меньшикова
(05.10.1859–20.09.1918)

7 октября в конференц-зале Российской Государственной библиотеки прошли Всероссийские Меньшиковские чтения, организованные совместно Общероссийским Движением поддержки Флота (ДПФ) и библиотекой. Впервые столь высокаторжественное чествование русского гения проходили в столице России, в самом ее центре близ Кремля, а не в городе Валдае, где жил знаменитый публицист. И этот факт соответствует не только торжественности момента — 150-летию юбилею, но и необычайно возросшему за постсоветский период значению и авторитету великого русского националиста.

В торжествах приняли участие представители вузовских, научных, литературных кругов, представители ВМФ, морской пограничной охраны, морского (транспортного), речного, рыбопромыслового флотов, судостроительной и судоремонтной промышленности, морской науки, журналисты центральных и региональных средств массовой информации, представители государственных и общественных структур, представители из Москвы, Петербурга, Московской, Владимирской, Костромской, Тверской, Смоленской, Тамбовской, Белгородской, Новгородской, Орловской, Брянской, Рязанской, Мурманской областей, Дагестана, других регионов страны, Крыма, Украины, Эстонии. Большой зал был полон народа. Много было молодежи — курсантов ВМУ и учащихся кадетских корпусов.

Вступительную речь произнес пред-

седатель ДПФ, кандидат политических наук и капитан 1-го ранга, депутат Госдумы М.П. Ненашев.

С докладами выступили замдиректора Российской Государственной библиотеки Л.Н. Тихонова; главред журнала «Российский кто есть кто» С.Ю. Рыбас; секретарь Союза писателей России А.В. Фоменко; главный редактор журнала «Оборонный заказ», заместитель главреда «Морской газеты» капитан 2-го ранга А.Ю. Пылаев (Кронштадт); кандидат филологических наук, доцент Московского педагогического университета А.В. Шмелева; директор Синодальной библиотеки РПЦ протоирей Борис Даниленко; заместитель главреда газеты Черноморского флота «Флаг Родины» капитан 1-го ранга С.П. Горбачев (Севастополь); начальник отдела аккредитации и мониторинга СМИ Аппарата Государственной Думы России П.И. Акаемов; редактор журнала «Истории русской провинции» К.Б. Граматчиков (Орел); контр-адмирал В.М. Апанасенко и другие.

В течение октября во многих регионах России, где действуют региональные отделения ДПФ, также проводятся областные, республиканские, краевые юбилейные Меньшиковские чтения.

Вечер, посвященный памяти выдающегося русского мыслителя-националиста прошел в редакции журнала «Москва».

* * *

Имя Михаила Осиповича Меньшикова стало вновь широко известно в России только после крушения Совет-

ской власти, когда запрет на публикацию его творчества и самое упоминание великого публициста был снят. В 1993 году его, убитого выездной комиссией ЧК, реабилитировали. И тут читатель, в недавнем прошлом советский, с изумлением узнал, что в дореволюционной России, оказывается, жил и творил мудрец и пророк, в полном смысле слова предтеча современного русского национализма, удивительно предугадавший его проблемы и решения, компетентный, умный, мужественный и бескомпромиссный.

Путь Меньшикова к вершинам русской публицистики был непростым. В 1878 году, после окончания Кронштадтского морского технического училища, он участвовал в ряде морских экспедиций, в том числе вокруг Европы. Тогда же начал регулярно писать в газету «Кронштадтский вестник» путевые заметки-очерки, которые впоследствии издал отдельной книжкой. В наследие Меньшикова входят и труды по морской тематике. Однако в 1892 г. он увольняется с флотской службы и занимается только журналистикой и литературной деятельностью. Его литературно-критические и мировоззренческие статьи получили высокие оценки Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, А.П. Чехова, с которыми М.О. Меньшиков был близко знаком.

С 1901 г. Меньшиков стал постоянным автором суворинского «Нового времени» — самой популярной газеты России. Меньшиков вел в газете постоянную рубрику «Письма к ближним», публикуя еженедельно по два-три «подвала», не считая больших воскресных фельетонов. С 1902 г. «Письма к ближним» выходили еще и брошюрами как ежемесячное приложение к «Новому времени». С 1907 г. так же пошли в публику «Письма к русской нации». Именно к русской — и никакой другой — нации обращался замечательный мыслитель и журналист, именно о русской нации болело его чуткое сердце и мыслил могучий ум, о русских бедах и

проблемах он думал ежечасно — и писал, писал неустанно...

Меньшиков был не просто заурядным патриотом, как многие. Он был русским националистом. То есть человеком, глубоко осознавшим, что нация первична, а государство — вторично, что вся Россия держится на русском и никаком другом народе, что это и есть тот сук, на котором сидят и благоденствуют все остальные народы нашей родины. И что если будет сильным русский народ, то сильная Россия сама приложится. Он любил русских и ненавидел их врагов, которых умел различать и разоблачать с беспощадной зоркостью.

Именно за это его и убили. Не поленились специально приехать в сентябре 1918 года в неблизкий Валдай, чтобы свести с бесстрашным пророком свои счёты. Чекисты Гильфонт, Губа, Давидсон и Якобсон прямо заявляли при этом, что намерены расстрелять Меньшикова за его статьи, а не за что другое. Что мстят ему за гражданскую, политическую позицию. И расстреляли Михаила Осиповича, отца шестерых детей, не в закрытом тюремном подвале, а наглядно, напоказ, для примера — прямо на берегу Валдайского озера, среди бела дня, даже не дав закончить молитву (так и застыла рука, сложенная для крестного знамения).

Именно за русский национализм Меньшикова семьдесят лет замалчивали, таили его наследие от читателей — от тех «ближних», от той «русской нации», которым он неутомимо слал свои «письма».

В наше время, когда в России судебному преследованию подвергаются сочинения за «ярко выраженный прорусский характер» (суд г. Иваново, 2008), Меньшикову, будь он жив, тоже не поздоровилось бы. Недаром библиограф и публицист Абрам Ильич Рейтблат посвятил ему статью с характерным названием «“Котел фельетонных обедков”: случай М.О. Меньшикова» (1999). Как видно, кое-кто продолжает сводить с русским писателем счёты и после его убийства.

Что ж, ярко выраженного прорусского характера у трудов Меньшикова не отнять, и он всегда был готов за них ответить своей жизнью. Не на словах, а на деле.

Его подвиг да будет для нас примером.

А его жизнь и творчество — предметом изучения и всемерной пропаганды.

Соб. инф.

Материалы о М.О. Меньшикове см.: http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/menshik_mo.html

Сочинения

Руководство к чтению морских карт. 1891.

Лоция Абоских и восточной части Аландских шхер. 1892.

По портам Европы. 1878–1879. Очерки заграничного плавания на фрегате «Князь Пожарский». Кронштадт, 1884.

Думы о счастье. СПб., 1898.

Дети. СПб., 1899.

О писательстве. СПб., 1899.

Критические очерки. Т. 1–2. М., 1899–1902.

Народные заступники. СПб., 1900.

Начала жизни. Нравственно-философские очерки. СПб., 1901.

Нация — это мы. Екатеринослав, [1906].

Письма к ближним. СПб., 1906–1916.

Новый и старый национализм. СПб., 1907.

Древние документы по еврейскому вопросу. Харьков, 1908.

Успехи национализма. СПб., 1909.

Из писем к ближним. М., 1991.

О любви. Ставрополь, 1994.

Думы о счастье. Ставрополь, 1995.

Письма к русской нации. М., 1999.

Реакция на убийство Николая II. Страницы из дневника (Зачем эта кровь?) // Русский вестник. 1991. № 20.

Праведники и пустосвяты; Национальная комедия // Московский журнал. 1993. № 7.

Сироты Верещагина // Там же. 1993. № 8.

Из статьи «Чиновники и герои» // Там же. 1993. № 9.

Быть ли России великой // Там же. 1993. № 11.

В Москве // Наш современник. 1997. № 9.

Выше свободы. М., 1998.

Кончина века. М., 2000.

Вечное воскресение: Сб. ст. о Церкви и вере. М., 2003.

Национальная Империя: борьба миров; цивилизация в опасности; Россия прежде всего. М., 2004 и др.

Литература

Воспоминания Ольги Михайловны Меньшиковой // Московский журнал. 1999. № 6–7.

Гумеров А.А., при участии Поспелова М.Б. Меньшиков М.О. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999.

Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.

Распутин В. На круги своя // Выше свободы: Статьи о России. М., 1998.

Репников А.В. М.О. Меньшиков — возвращенное имя // Международный сборник научных трудов 1999. М.— Смоленск—Дуганск, 1999.

Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 4: М.О. Меньшиков. Материалы к биограф. М., 1993.

Санькова С.М. Всероссийский национальный союз: образование и деятельность. Дисс. канд. ист. наук. Орел, 2001.

Смолин М.Б. Апология русского империализма // Национальная империя. М., 2004.

Смолин М.Б. Меньшиков Михаил Осипович // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм. М., 2003.

Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX — начала XX в. М., 2000.

Шлемин П.И. М.О. Меньшиков: мысли о России. М., 1997.

Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М.: Молодая гвардия, 2008. (Жизнь замечательных людей). — 474 с.

Юзеф Клеменс Пилсудский (1867–1935) — исторический герой, каких посылает небо своим возлюбленным народам в роковой час, когда решается их судьба. Преданные одной идее, горящие любовью к своему племени, живущие ради его блага, они пользуются, не упуская, всеми обстоятельствами, тому благу способствующими (среди которых едва ли не величайшие — их личные качества). И достигают торжества своих стремлений.

Так, Пилсудскому суждено было поставить точку в истории 150-летней несвободы Польши, ее несуществования как независимого государства. Поставив эту цель своей жизни в юном возрасте, он преследовал ее неумолимо и страстно, добился ее вопреки всему и потом еще пятнадцать лет наслаждался плодами своих рук. Позавидуешь!

Однако по ходу чтения мне бросилось в глаза крайне важное обстоятельство: Пилсудский, мягко говоря, не идеализировал свой возлюбленный народ, преданное служение которому составляло всю суть его жизни, без остатка. Вот несколько характерных высказываний будущего диктатора свободной Польши.

Когда в феврале 1915 года Пилсудского спросили, что будет с Польшей после войны, он озлобленно бросил: «А что, собственно говоря, должно случиться с Польшей, с этим народом, который никогда не способен ни на какое действие, который является позором Европы и тридцатимиллионным пятном на человечестве?!»

Шла величайшая из всех прежде бывших войн, в которой решалась (и была-таки решена) судьба поляков, участие в чем самого Пилсудского было определяющим. Однако его негибкая воля, его возвышенный порыв непрерывно наталкивались на

препятствие, казавшееся непреодолимым: собственный польский народ. В конце того же 1915 года, в ноябре, он написал соратнику письмо, в котором поведал, что *«он послан Польше в наказание за какие-то страшные провинности в прошлых реинкарнациях. Что он, по своей природе любитель риска и вояка, должен пройти весь крестный путь по земле с народом, который как черт лаdana боится риска, дует на холодное и немедленно пасует перед любой борьбой. И ничего с этим поделать нельзя — нужно до конца отбыть эту миссию или срок наказания. Когда народ не хотел войны, он рискнул начать войну от имени своего народа — и в наказание сразу же попал в тюрьму. Имел задатки стать вождем, но любимый народ сразу подрезал ему крылышки и сказал: “Стой, братишка, иди, как и твой милый народец, в презренные наемники. А, тебе все еще мало! Весь народ ждет практического шага — шага большой капитуляции! Чудесного шага без риска, шага запродажи себя в обмен на спокойствие и безответственность”*. Но он, Пилсудский, не сдастся, не продастся и рискнет сделать еще один безумный шаг. И надеется выиграть».

Пилсудский откровенно презирал дорогих сердцу поляков, не надеялся на их поддержку. Он видел их явное предпочтение русских, а не немцев в качестве хозяев, а всему и всем — покая. Однако он сумел втянуть всех в свою авантюру, поставил всю Польшу «на уши», вновь рискнул жизнью и свободой — и победил. И стал народным героем, обожаемым и высокочтимым диктатором, символом и идиолом поляков на все времена.

Невольно хочется сравнить этот случай с аншлюсом Германии и Австрии в 1938 году. Прошедший накануне плебисцит показал, что австрийцы в большинстве не хотят объединения с Германией, а предпочитают оставаться независимой и демократической стра-

ной. Однако, перейдя границу, немецкие танки двинулись к Вене, осыпанные горами цветов, заправляясь бензином в автозаправках по дороге — в венках и лентах, в атмосфере всенародно-го безумного торжества и праздника! Генерала-танкиста Гудериана толпа несла на руках до самой гостиницы (ободрав на сувениры все пуговицы с генеральской шинели), а Гитлер выступал в Линце при несметном стечении ликующего народа, заливаясь слезами счастья. Это говорит о том, что народ никогда сам не знает, чего он хочет: стремясь к свободе и единству, при этом страшно боится риска и не желает никакого беспокойства. И нужна мощная воля и твердая рука, чтобы подарить народу счастье вопреки его сомнениям и страхам.

Так делается история.

Народное признание и любовь не ослепили, однако, Пилсудского. Незадолго до смерти он взялся надиктовывать историку Артуру Сливиньскому мемуары. Оценки польского народа, коим он руководил почти двадцать лет, были настолько «ужасными», что Сливиньский впоследствии отказался их публиковать.

Сочетание искренней любви к своему народу, жертвенного ему служения — с искреннейшим же презрением к нему не кажется нам странным в свете истории. Юзеф Пилсудский, своим подвигом и неустанным служением обеспечивший Польшу независимость и международное признание, умер в 1935 году и не увидел, как всего четыре года спустя худшие из данных им характеристик оправдают себя, приведя свободную Польшу к гибели.

А.С.

Сергеев Сергей. Пришествие нации? Книга статей. М.: Скимень, 2010. — 304 с.

Находясь между молотом государства и наковальной интеллигенции,

русский национализм не только не исчез, но неожиданно оказался и доминирующим народным чувством, и серьезным, широко востребованным направлением общественной мысли. Одно из свидетельств этого — свежая книга Сергея Михайловича Сергеева «Пришествие нации?»

Являясь сборником статей разных лет «Пришествие нации?» вполне целостное произведение, связанное не только единством темы, вынесенной в заглавие, но и единством авторского стремления в этой теме «дойти до самой сути» — **волей к истине**. При чтении книги видны не такие уж редкие, возможно типичные, для поколения сорокалетних интеллектуалов тенденции. К ним, безусловно, относится отрицание основных положений, методологии и стиля русской религиозной философии начала прошлого столетия и фактический разрыв с традиционализмом XIX века. Взамен предлагается «чистое понимание», отказывающееся от априорных рассудочных схем. Следуя по этому пути, автор предпринимает смелую, лучше сказать дерзкую, ревизию многих национальных мифов («аксиом»): «особый путь», «интеллигенция», «классика», «русский характер»... Нельзя не сказать и о трезвом (но не холодном) взгляде Сергеева на человека как субъекта политики. Для него, очевидно, что в непостижимой сложности человеческой души нет ничего раздельного, нет механического перехода от низших движений к высшим — религиозный энтузиазм или идеологический фанатизм вполне уживаются с тонкими политическими расчётами и циничной жадной барышей.

Добавлю, что автор совершенно не приемлет все виды детерминизма — от религиозного до генетического. Свобода от деспотизма интеллектуальных привидений в сочетании с умением ясно, остроумно, а иногда и изящно излагать свои мысли делает чтение книги Сергея Сергеева подлинным удовольствием. Кроме того, у автора, на мой

взгляд, есть редкий дар органичного сопряжения современного, даже сиу-минутного, с великими, «вечными» вопросами национального бытия. Возможно, этим объясняется приятно удивляющее разнообразие затронутых тем – от вполне академического (по духу, но не по манере письма) исследования истории русской нации и национализма в имперскую эпоху до вольного эссе о проблеме «боевика» в американском и отечественном кинематографе.

Не могу не остановиться на последней, мемориальной части книги, посвящённой трём незаурядным мыслителям – Александру Исаевичу Солженицыну, который рассматривается, прежде всего, как политический идеолог, Аполлону Григорьевичу Кузьмину и Вадиму Леонидовичу Цымбурскому. Тексты об этих ярких и столь разных людях, будучи интеллектуальными некрологами, свободны от угнетающе скучных панегириков и, в тоже время, лишены холодной, оценочно-бухгалтерской рассудочности. Кроме того, автору, удаётся создать, прошу прощения за банальность, живые портреты, а не статичные фото своих героев. Как мне кажется, особенно удалась статья о А.Г. Кузьмине – «Учитель».

Книги, подобные «Пришествию нации?», будучи жгуче-актуальными не только, что называется, будят мысль, но, по моему мнению, обладают той загадочной энергией, которая способна превращать мысль в действие. Надеюсь, действие это будет плодотворным.

*Александр Ефремов,
кандидат исторических наук*

Гринфельд А. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008. — 528 с.

Несмотря на очевидную американофильскую тенденциозность и на

обилие непродуманных теоретических обобщений, капитальный труд профессора Бостонского университета, впервые переведенный на русский язык, обязателен к прочтению для всех, кто всерьез интересуется национализмом. К достоинствам книги следует отнести обилие фактического материала; отчетливое понимание автора того, что «национализм — это тот фундамент, на котором зиждется современный мир»; плодотворную центральную идею о том, что «идея нации — символическое возвышение народа до положения элиты».

Наиболее интересны главы об Англии и Франции. Худшая глава — о России, видно, что в данном случае автор плохо владеет материалом. Глава о Германии испорчена принадлежностью автора к адептам «религии Холокоста», восхитителен, например, следующий пассаж: «Германия была готова к Холокосту с того момента, как начала существовать немецкая национальная идентичность». Глава же о США делает честь патриотизму Л.Гринфельда, но не ее научной объективности.

С.С.

Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII — середина 30-х гг. XIX века). СПб.: Алетейя, 2007. — 544 с.

Чрезвычайно содержательная академическая монография, подробно анализирующая процесс формирования сербского национализма усилиями интеллектуалов и политиков. Идеологические манифесты, исторические труды, национальная мифология (особенно любопытен сюжет о сотворенной несколькими поколениями сербских литераторов «косовской легенде»), доктрина Великой Сербии, споры о сербском литературном языке,

начало сербской националистической периодики и многие другие сюжеты рассмотрены автором сквозь призму концепции национальной идеологии как образной системы, в русле этно-символического (Э.Смит) направления в науковедении.

Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и литературе. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2009. — 284 с.

Написанная в начале 1870-х гг. и впервые после 1917 г. переиздаваемая одна из первых (если не первая) в отечественной политической науке

специальная работа о национальном вопросе. Автор, выдающийся русский историк права и пламенный национал-либерал Александр Дмитриевич Градовский (1841–1889), polemизирует с космополитически-рационалистическими концепциями и, опираясь на Фихте и славянофилов, отстаивает идею национального государства. Теоретический инструментарий автора сегодня выглядит несколько архаично, но основной его посыл актуален и в наши дни: *«увидеть в народности нормальную основу каждого государства»*.

С.С.

Читайте в следующем номере:

Тема: Национализм и демократия

- Совместимы ли демократия и русский национализм?
Панорама мнений.
- Демократические традиции в русской истории
- Декабристы — первенцы русской национал-демократии
- Идеология и практика германского национал-либерализма (Макс Вебер и другие)
- Национал-демократия в арабском мире (Палестина, Ирак, Судан)
- Какой федерализм нужен России?

Крылов Дмитрий Мстиславович (р.1969), PhD, генетик, публицист. Научные интересы: этнобиология и этнопсихология. Создатель концепции автономных и гетерономных этносов. Автор множества научных и публицистических статей.

Крылов Константин Анатольевич (р.1967), философ, публицист, главный редактор интернет-сайта АПН.ру, главный редактор журнала «Вопросы национализма», автор книги «Нет времени» (2006).

Неменский Олег Борисович (р.1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор работ по истории этнического и исторического самосознания православных и униатских жителей Западной Руси в XVI-XVII вв., а также по истории становления национальных проектов у славянских народов в XIX-XX вв.

Ремизов Михаил Витальевич (р.1978), политический публицист, политолог, кандидат философских наук, президент Института национальной стратегии, автор книги «Опыт консервативной критики» (2002).

Святенков Павел Вячеславович (р.1975), политолог, публицист, автор книги «Машина порядка» (2008).

Севастьянов Александр Никитич (р.1954), политический публицист, кандидат филологических наук, автор книг «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Вре-

мя быть русским!» (2006) «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009) и др.

Сергеев Сергей Михайлович (р.1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализма», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Соловей Валерий Дмитриевич (р. 1960), историк, политический аналитик, доктор исторических наук, профессор, автор книг «Русская история: Новое прочтение» (2005), «Кровь и почва русской истории» (2008), «Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма» (2009; в соавторстве с Т.Д. Соловей).

Соловей Татьяна Дмитриевна, историк, этнолог, доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ, автор книг «От “буржуазной” этнологии к “советской” этнографии: История отечественной этнологии первой трети XX века» (1998; в соавторстве с В.Д.Соловьем), «Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX – начало XXI в.)» (2004), «Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма» (2009; в соавторстве с В.Д. Соловьем).

Храмов Александр Валерьевич (р.1989), публицист, автор ряда статей, размещенных на российских интернет-сайтах (АПН.ру, Русский журнал, Портал-Кредо.ру и др.).